

СВАТОВЪ

СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ
СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ
СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ
СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ

Ивановъ...

СЕВАСТОПОЛЬ .

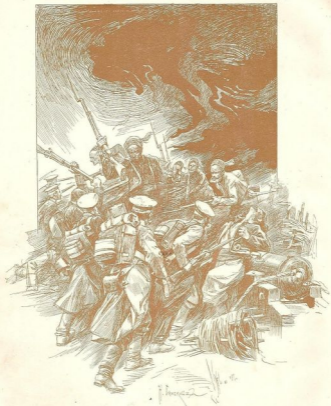
И

ЕГО СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ.

№ 12

← М М А →

1908 г.

Ночная вылазка.

*Ур. Михаилъ Музалевскій - Визиринскій на починаніи
Государственнаго Ур. в Императорскомъ Вѣдомствѣ 1708 года
отъ Монаха Антонія*

СЕВАСТОПОЛЬ

и

его славное прошлое.

СОЧИНЕНІЕ

А. П. ВАЛУЕВОЙ (МУНТЬ).

Съ 34 рисунками графини Н. С. Сакоуица.

2-е изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРИЕНА.

Доведено ценуран. С.-Петербургъ, 8 юли 1904 г.

Типографія Сиб. вѣд. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Иде въ градъ сей, откуда впервые родил-
лось православіе на родину нашу, пади тамъ
внѣ — вѣсто бо сіе свято естъ!“

Ивановскій. — Изъ рѣчи въ соборѣ 19 іюня 1883 г.

Трудно выразить то скорбно-благоговѣйное чувство, которое охватываетъ каждого истинно-русскаго человѣка при вѣздѣ въ Севастополь. Кажется, будто приближаешься къ могилѣ кого-то благаго, любимаго, кого оплакиваешь и къѣмъ, внѣстѣ съ тѣмъ, гордишься...

Помню тотъ ясный лѣтній вечеръ, когда судьба впервые закинула меня въ этотъ многострадальный городъ. Это было въ 1883 году, слѣдовательно 28 лѣтъ спустя послѣ знаменитой осады Севастополя. Несмотря на эти долгіе годы, городъ стоялъ еще на три четверти въ развалинахъ, какъ будто враги только лишь вчера прекратили свою беспощадную по несть бомбардировку. Среди остатковъ строеній, изъ которыхъ многія носили еще слѣды прежней красоты и изящества, — не даромъ же считался Севастополь столицей черноморскаго побережья, однимъ изъ лучшихъ русскіихъ городовъ, — ютились заурядные провинціальныя домики современныхъ владѣльцевъ по большей части разоренныхъ осадой. Величественныя развалины Морской бібліотеки, Петропавловская церковь съ ея классическою колоннадой, обветшавшая, но все-таки прелестная Графъ-

ская пристань,—всѣ эти остатки блестящаго прошлаго навѣвали на душу невыразимо-грустное чувство.

А «равнодушная природа» продолжала «сіять вѣчною красою». Дивно-прекрасное, лазурное море, глубоко врывающееся въ севастопольскіе берега, имѣло такой же торжествующій видъ, какъ и въ тѣ времена, когда на волнахъ его гордо раскачивался нашъ славный, горько оплаканный, нынѣ возродившійся черноморскій флотъ; каждое солнце заливало своими лучами бѣдный, полуразрушенный городъ также щедро и любовно, какъ и во дни Корнилова, Нахимова и Лазарева.

Старый матросъ, современникъ Крымской кампаніи, перевезъ меня на яликѣ на Сѣверную сторону, къ Братскому кладбищу.

Обращаясь съ напутственнымъ словомъ къ войскамъ, идущимъ на защиту Севастополя, 29 іюня 1855 года знаменитый русскій проповѣдникъ Иннокентій сказалъ:

«Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда; нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: оставь отца, мать твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди ко мнѣ! Впредь, поучая паству свою, мнѣ не надо искать далеко примѣровъ добродѣтели; я скажу ей: иди въ градъ сей и поучись у перваго встрѣчнаго изъ братьевъ твоихъ, защитниковъ вѣры и мѣсть, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу... пади тамъ ницъ—мѣсто бо сіе свято есть».

Такъ вотъ кѣмъ населено Братское кладбище и такихъ героевъ тамъ лежить до 100,000. Подъ каждымъ изъ высокихъ могильныхъ крестовъ, съ краткою, но многознаменательною надписью «Братская могила», покоятся десятки, сотни борцовъ, павшихъ за вѣру, царя и отечество. А съ ними вѣстѣ сколько тутъ погребено свѣтлыхъ надеждъ, сколько любви и счастья! Кажется, если-бъ собрать всѣ горькія слезы женъ, сестеръ, матерей, лившіяся тогда по лину земли русской, затопили бы онѣ эту широкую равнину съ ея безчисленными могильными крестами.

Какое же могучее чувство заставляло лучших русских людей того времени бросать домъ и семью и идти на тяжкіе труды, лишения, страданія и въ концѣ концовъ почти на вѣрную смерть? «Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія», говоритъ Левъ Толстой въ своихъ севастопольскихъ разсказахъ. «Должна быть другая высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго, — любовь къ родинѣ.»

Во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно проходитъ исторія классическаго міра. Каждому ученику извѣстны имена и подвиги Леонида спартанскаго, Ганнибала, Мушія Сцеволы, Горация Коклеса и другихъ героевъ древности. Подобные примѣры благороднаго патриотизма возвышаютъ духъ юношества, развиваютъ въ немъ любовь къ родинѣ и готовность самоотверженно служить ей.

Но не за 2,000 лѣтъ до нашего времени, а всего полѣтика тому назадъ, и не въ чуждыхъ намъ Греціи и Римѣ, а въ предѣлахъ нашей собственной родины происходила эпопея ничѣмъ не уступающая персидскимъ и пуническимъ войнамъ. Эта русская эпопея — осада Севастополя, а героемъ ея является весь русскій народъ. И русское юношество, увлекаясь героическимъ періодомъ древности, отдавая должное его славнымъ дѣятелямъ, обязано знать и цѣнить имена своихъ родныхъ героевъ: Корнилова, Нахимова, Тотлебена, Истомина, и событія того труднаго, но славнаго времени, которое еще свѣжо въ воспоминаніи его отцовъ. Какъ не знать ему о первыхъ временахъ осады Севастополя, «когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его и вѣсело не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся неприятелю», о временахъ, «когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, обѣщая войска, говорить: «уиремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, не

способные къ фразерству, отвѣчали: «умремъ! ура!..» Какъ не цѣнить героевъ, которые въ тѣ тяжелыя времена не падали, а возникались душою и съ наслажденіемъ готовились къ смерти не за городъ, а за родину!..»¹⁾

Итакъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и горячей любви къ отечеству откроемъ эту знаменательную страницу русской исторіи и познакоимся какъ съ событіями незабвенной обороны Севастополя, такъ и съ тѣми мѣстами, гдѣ они происходили.

---

¹⁾ Гр. Толстой. — „Севастопольскіе 1854 — 1855 года“

Мысль Филозофа.

I.

Стародавнія времена.

Времена классической древности. — Ифигения Таврическая. — Греческія колонны. — Херсонесъ и его исторія.

На юго-западной оконечности Крыма, на скалистых, известковых берегах чудной бухты, по величинѣ и удобствамъ считающейся первою въ Европѣ и третьею въ мірѣ, раскинулся большой красивый городъ, которому суждено было играть такую знаменательную роль въ исторіи нашей родины. Городъ этотъ — Севастополь.

Исторія мѣстности, занимаемой Севастополемъ и его окрестностями: Херсонесомъ, Георгіевскимъ монастыремъ, Инкерманомъ и Балаклавою, теряется въ туманѣ глубокой старины. Благодушные берега Крыма, съ ихъ мягкимъ, ласкающимъ климатомъ, съ неисчерпаемыми богатствами ихъ роскошной природы, являются единствен-

нимъ уголкою всего нашего обширнаго отечества, игравшимъ роль въ классическомъ мірѣ.

Приближаясь къ Севастополю моремъ, отъ Ялты, приходится плыть мимо мыса Фиолента, при которомъ расположенъ Георгіевскій монастырь. Ясно обрисовывается на темной лазури южнаго неба группа остроконечныхъ, дикихъ скалъ, образующихъ какъ бы величественный жертвенникъ какого-то невѣдомаго божества. Дѣйствительно — на этомъ мысѣ, носившемъ въ древности названіе Партеніума, возвышался, по преданію, окруженный священною рощею храмъ дѣвственной богини Артемиды (Діаны), которой, наравнѣ съ изящными высоко-культурными греками, поклонялись и древніе обитатели Крымскаго полуострова, дикіе Тавры (скифы). Кому не извѣстенъ поэтичный мифъ о Ифигеніи, жрицѣ этой богини вдохновившей столько писателей разныхъ временъ и народовъ, начиная съ знаменитаго греческаго трагика Эврипида и кончая царемъ нѣмецкой литературы — Гёте?

Когда греки отправлялись подъ Трою и готовы были уже пуститься въ путь изъ Беотійской гавани Авлиды, предводитель ихъ Агамемнонь, царь Микенскій оскорбилъ Артемиду, убивъ на охотѣ посвященную ей лань. За это богиня наслала безвѣтріе, и флотъ грековъ не могъ двинуться въ путь. Прорицатель Калхасъ объявилъ что богиня можетъ быть ужалостивлена только принесеніемъ ей въ жертву старшей дочери царя, чистой и непорочной красавицы Ифигеніи, — и Агамемнонь рѣшился пожертвовать любимую дочь для блага отечества. Она была вытребована въ лагерь вмѣстѣ съ матерью своею Клитемнестрою подъ предлогомъ обрученія съ Ахилломъ. Когда она прибыла туда, и все уже было готово для жертвоприношенія, Артемиды скакнула надъ нею, покрыла ее густымъ облакомъ и перенесла чрезъ горы и моря въ далекую Тавриду ¹⁾, въ священную рощу, окружающую храмъ, воздвигнутый богинѣ на

¹⁾ Древнее названіе Крыма.

скалестомъ берегу обитателями этой страны, дикими и суровыми таврами. Король тавровъ Тоасъ милостиво принялъ таинственно появившуюся въ его владѣнiяхъ чужеземку и она стала жрицею Діаны. По существовавшему въ Тавридѣ обычаю, всѣ попадавшіе случайно или умышленно въ эту страну чужеземцы были приносимы въ жертву богинѣ. Варварскій обычай этотъ возмущалъ благородную гречанку; она вступила съ ними въ борьбу и, благодаря тому безграничному довѣрію и уваженію, которая служила пріобрѣсти у царя и всего народа, вышла побѣдительницею изъ этой борьбы; человѣческая кровь перестала обгащать алтарь дѣвственной богини; нравы тавровъ смягчились; Ифигенія сдѣлалась благодѣтельницею всего края. Но царь Тоасъ, очарованный прекрасною душою и тѣлою дѣвушки, возникъ къ ней чувство, сильнѣе обыкновеннаго уваженія, и предложилъ ей стать его женою. Ужасомъ и горемъ исполнило это предложеніе сердце Ифигеніи: не могла она свыкнуться съ пріютившею ее дикою, хотя и гостепріимною для нея странкою, не могла забыть лазурнаго моря, бѣлокаморныхъ храмовъ шумныхъ и оживленныхъ площадей своей родины, всею душою рвалась она къ роднымъ мѣстамъ, къ близкимъ людямъ и жила только надеждою рано или поздно возвратиться къ нимъ. Стать женою Тоаса, царихою тавровъ, она должна была-бы сказать навѣкъ прости завѣтному желанію, любимой мечтѣ всей своей жизни,—и она отклонила предложеніе царя подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно ей, жрицѣ Артемиды, измѣнить своему высокому призванію, хотя-бы и для царскаго вѣнца. Оскорбленный и разгнѣванный царь отшатнулся тогда отъ нея и перенесъ свой гнѣвъ на всѣ добрыя начинанія Ифигеніи. Человѣческія жертвоприношенія, отиѣненныя въ угоду ей, были снова восстановлены, и совершать ихъ должна была сама она, главная жрица богини.

Въ это-то скорбное для Ифигеніи время, приводятъ къ ней двухъ молодыхъ чужестранцевъ, захваченныхъ на заповѣдномъ берегу и обреченныхъ на смерть,—и что-же?—Въ нихъ узнаеть Ифи-

генія единственнаго своего брата Ореста и неизмѣннаго друга его Пилада. Неудовольный рокъ занесъ этихъ юношей къ дикимъ тавраамъ. Страшное преступленіе тяготѣло надъ Орестомъ, принадлежавшимъ къ злополучному роду Тантаала, въ которомъ въ теченіе пяти поколѣній (Тантаалъ, Пелопсъ, Эгестъ и Атрей, Агамемнонъ и Орестъ) возникали другъ изъ друга самыя ужасныя злодѣянія. Одно убійство роковымъ образомъ вызывало другое, и кровь омывалась кровью. Агамемнонъ былъ убитъ своею женою Клитемнестрою, ждвшею ему за предполагаемое принесеніе въ жертву дочери ихъ Ифигеніи; за смерть Агамемнона отомстивъ Орестъ, убивъ собственную мать. Въ наказаніе за это боги отдали его во власть мрачнымъ исчадіямъ преисподней—Фуріямъ, которыя день и ночь терзали больную душу несчастнаго юноши, доводя его до изступленія. Скалившись надъ нимъ, Аполлонъ обѣщаль ему прощеніе, если онъ съ далекихъ береговъ Тавриды привезетъ ему сестру.—Диана или Артемида считалась сестрою Аполлона; грекамъ было извѣстно, что въ Тавридѣ, при мѣстѣ Партеиумъ водвигнуть ей храмъ; и вотъ Орестъ рѣшается на безумно отважное предпріятіе:—отправиться въ Тавриду и похитить священное изваяніе богини. Его сопровождаетъ другъ его Пиладъ, идущій съ нимъ на вѣрную гибель.

Безгранична была радость, но велико и смущеніе Ифигеніи, когда, изъ разсказа Пилада, она узнала, что за чужеземцы находились передъ нею. Могла-ли она занести ножъ надъ любимымъ братомъ? Но, съ другой стороны, могла-ли, для спасенія этого брата, содѣйствовать ему въ похищеніи вѣрннанаго ей священнаго изваянія? Могла-ли она, честная и правдивая, недостойнымъ образомъ обмануть благодѣтельствовавшаго ее царя? Любовь къ брату и страстное желаніе вернуться на родину настолько сильно охватываютъ ее, что она поддается увѣщаніямъ Пилада и соглашается на обманъ и бѣгство; но въ послѣднюю минуту предъ приведеніемъ въ исполненіе этого замысла, благородная натура ея одерживаетъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами и побужденіями; она открывается

во всея царю, вызывая къ его великодушію, и растроганный, побѣжденный ея духовною силою тавръ даруетъ свободу обонимъ друзьямъ, отпуская съ ними въ Грецію и саму Ифигенію. Тогда только понимаетъ Орестъ, какую именно «сестру» повелѣлъ ему вывезти изъ Тавриды Аполлонъ. Испытанный отъ тяжелаго душевнаго недуга, счастливый возвращается онъ съ Ифигенією на родину, гдѣ послѣдняя остается до конца жизни вѣрною жрицею Діаны.

Такъ передаетъ Гёте этотъ трогательный мифъ въ своей «Ифигеніи въ Тавридѣ». Обязательный образъ чистой, правдивой, любящей гречанки какъ-бы витаетъ надъ скалистыми юго-западными берегами Крыма, надъ этимъ православнымъ монастыремъ, возникшимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности проливалась человѣческая кровь на алтарихъ языческой богини.

„На той скалѣ Діанѣ храмъ
 „Хранила дѣвственная жрица,
 „А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
 „Пламя богини колесница..“¹⁾

Мы видимъ такимъ образомъ, что историческія воспоминанія Крыма восходятъ до времени Троянской войны. Но еще ранѣе, задолго до начала мореплаванія у грековъ по Черному морю, или такъ называемому Понту Эвксинскому, ходили финикійцы, привлеченные молвою о золотыхъ россыпяхъ и другихъ богатствахъ далекихъ, баснословныхъ восточныхъ странъ. Вслѣдъ за ними и греческіе мореплаватели начали заводить торговыя сношенія съ разномысленными народами, заселявшими побережье Чернаго моря, и основывали на этомъ побережьѣ швѣтуція колоніи. Такъ возникла на сѣверо-восточной оконечности Крыма Пантикапея (современная Керчь), гдѣ въ I вѣкѣ до Р. X. царствовалъ знаменитый Митри-

¹⁾ Гр. Александръ Тютчевъ.—Брикоксіе очерки.

дать. Почти одновременно съ Пантикапеею возникла и другая греческая колонія на противоположной, юго-западной оконечности Крыма, въ двухъ верстахъ отъ современнаго Севастополя. Колонія эта носила названіе Херсонеса Таврическаго; въ русской-же исторіи она известна подъ именемъ Корсуни, откуда по выраженію Иннокентія, впервые разлилось православіе на родину нашу: въ стѣнахъ этого города принялъ крещеніе равноапостольный князь Владиміръ, а за нимъ крестилась и вся Русь.

Древній Херсонесъ занималъ небольшой мысъ верстахъ въ 2—3-хъ къ юго-западу отъ нынѣшняго Севастополя. Онъ былъ окруженъ стѣнами, имѣлъ акрополь и множество храмовъ. Чтобы оградить себя отъ воинственнаго племени скифовъ, обитавшаго въ древности степи южной Россіи и другихъ нежелательныхъ гостей, жители Херсонеса воздвигли каменную стѣну, около 8 верстъ длиною отъ «Гавани Сиволовъ» (Палакіона)—нынѣшней Балаклавы, до Ктенунта—Севастопольскаго залива. Херсониты занимались земледѣліемъ, винодѣліемъ и солевареніемъ на солномъ озерѣ близъ Ктенунта; они вели торговлю какъ съ греческими городами и колоніями, такъ и съ сосѣдними варварскими племенами—скивами и таврами. Кромѣ того, древній Херсонесъ служилъ образовательнымъ центромъ; древніе цари посылали сюда на воспитаніе своихъ дѣтей.

Христіанство утвердилось въ Херсонесѣ при Константинѣ Великомъ. Существуетъ преданіе, что около половины I вѣка по Р. Х. городъ этотъ посѣтилъ св. Андрей Первозванный и божественною проповѣдью своею обратилъ въ христіанство многихъ греко-язычниковъ. Лѣтъ 30—40 спустя, посланный въ заточеніе императоромъ римскимъ Траяномъ св. Климентъ, основавшій впоследствии Инкерманскую кинюшію (общезитіе), нашелъ здѣсь уже болѣе 2,000 христіанъ и нѣсколько церквей. Есть основаніе думать, что въ Корсуни, этомъ центрѣ образованія того времени, найдены были начатки св. Писанія въ переводѣ на славянской языкъ знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меодіемъ.

Много бѣдствій и невзгодъ выпало на долю Херсонесской республики. Въ I вѣкѣ до Р. Х. она подпала подъ власть Римлянъ и утратила свою независимость. Съ конца IV вѣка по Р. Х., когда Херсонесъ перешель къ Восточной Римской (Византійской) имперіи, начался постепенный и безповоротный упадокъ, какъ самого города, такъ и всей бывшей Херсонесской республики. Нѣсколько столѣтій подрядъ ее истребляли и разрушали полчища гунновъ, аваровъ, татаръ и другихъ дикихъ народовъ. Городъ въ это время такъ обидѣлся, что не могъ собственными средствами обновить разрушенныя стѣны и былъ вынужденъ просить помощи у императора Византійскаго Осеофила, который, воспользовавшись этимъ, назначилъ, по своему усмотрѣнію, наместникомъ Херсонеса одного изъ византійскихъ вельможъ и такимъ образомъ приравнивалъ древній вольный городъ къ обыкновеннымъ городамъ подвластнымъ Византіи.

Около того-же времени Херсонесъ дѣлается извѣстнымъ и русскимъ, совершавшимъ набѣги на Византію. Въ 988 г. русскіе появились подъ стѣнами Херсонеса, предводительствуемые кн. Владиміромъ, принявшимъ тамъ скоро св. крещеніе. Вотъ, что говорить объ этомъ событіи преданіе.

Всадившись около Корсуни, Владиміръ сталъ отъ этого города на разстояніи перелета стрѣлы. Корсуниши мужественно встрѣтили непріятелей, и на требованіе сдачи отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Владиміръ придвинулся къ самымъ стѣнамъ, и, по обычаю Руси, велѣлъ вокругъ нихъ насыпать валъ; но граждане сдѣлали подкопъ и по ночамъ уносили къ городу землю, насыпанную руссами. Владиміръ рѣшилъ взять городъ во что-бы то ни стало и грозилъ употребить для этого хоть три года. Извѣстная помогла ему въ этомъ дѣлѣ. Какой-то грекъ Анастасъ пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ надписью: «за вами къ востоку находятся колодези, отсюда херсонесцы получаютъ воду; перекопайте водопроводы». Корсунь лежала на каменистомъ, плоскомъ берегу моря и получала прѣсную воду при помощи подземныхъ водопроводовъ,

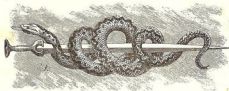
въ устройствѣ которыхъ греки были очень искусны. Русскій князь исполнилъ совѣты, велѣлъ переконать водопроводъ, и городъ, томимый жаждою, сдался. Преданіе прибавляетъ, что князь заранѣе далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Въ исторіи христіанства это не первый примѣръ того, что языческій вождь даетъ обѣтъ крещенія въ случаѣ побѣды. Очевидно въ числѣ окружающихъ князя были люди, склонявшіе его къ принятію крещенія и обѣщавшіе ему за то Божью помощь въ его предпріятіяхъ. Теперь оставалось только исполнить свой обѣтъ. Но Владиміръ не хотѣлъ ѣхать для этого лично въ Царьградъ, какъ это дѣлали прежде него нѣкоторые языческіе князья Восточной Европы, какъ сдѣлала и родная бабка его Ольга: гордость побѣдителя не допускала его до этого. И вотъ онъ предлагаетъ византійскимъ императорамъ Василию и Константину миръ, а однимъ изъ условій мира ставить руку сестры ихъ царевны Анны. Сохраняя свое достоинство, византійское правительство отиѣчало русскому князю, что не отдастъ греческихъ царевенъ за языческихъ князей. Тогда Владиміръ далъ знать, что готовъ принять крещеніе; пусть Анна прибудетъ для того въ Корсунь съ царьградскими священниками. Братья уговорили сестру ради выгоднаго для ихъ отечества мира и умноженія Христова стада исполнить требованіе могущественнаго русскаго князя. Анна прибыла въ Корсунь со свитою и духовенствомъ. Корсунскій епископъ вмѣстѣ съ прибывшими священниками подготовилъ русскаго князя и его бояръ къ принятію св. крещенія, которое и было совершено въ церкви св. Василия, стоявшей на корсунской торговой площади. Подлѣ этой церкви находились палаты, въ которыхъ тогда жилъ русскій князь и остановилась прибывшая византійская царевна. Новокрещенному князю дано было христіанское имя Василія,—вѣроятно, въ честь святого, въ церкви котораго совершено было крещеніе, а можетъ быть и въ честь старшаго изъ двухъ братьевъ-императоровъ, нареченнаго его воспроемникомъ. Вмѣстѣ съ княземъ крестилась его боярыня и вся языческая часть его

дружины. Преданіе прибавляетъ еще, что какъ-разъ передъ этимъ у Владиміра разболѣлись глаза; когда-же первосвятитель Михаилъ съ 6-ю священниками, огласивъ князя, совершилъ святое таинство и возложилъ на крещаемого руку, Владиміръ прозрѣлъ. За крещеніемъ послѣдовало брачное торжество. Послѣ того Владиміръ остался еще нѣкоторое время въ Корсунѣ, и успѣлъ соорудить здѣсь новую церковь на томъ холмѣ, который образовала земля, уносимая осажденными изъ русскаго вала. Въ это-же время, благодаря родственному союзу, греки заключили выгодный миръ съ русскимъ княземъ: они получили обратно Корсунскую область. Покидая Корсунъ, князь взялъ съ собою нѣсколько священниковъ съ частію мощей св. Климента, а также ученика его Фива. Онъ увезъ съ собою многіе сосуды и иконы для будущихъ киевскихъ храмовъ, кромѣ того, двѣ мѣдныя статуи и четыре мѣдныхъ коня для украшенія своей столицы.

Такъ совершилось это, едва-ли не величайшее, событіе въ исторіи Россіи. Широкою волною полился свѣтъ Христовъ изъ Херсонеса въ наше отечество; самъ-же Херсонесъ мало-по-малу утрачиваетъ свое прежнее значеніе и, наконецъ, совсѣмъ сходитъ съ исторической сцены. Возвращенный Владиміромъ грекамъ, онъ истощаетъ свои силы въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ пришлыми печенѣгами и половцами; владѣнія его постепенно сокращаются. Въ XIII вѣкѣ на Таврическомъ полуостровѣ появляются генуэзцы, которые основываютъ здѣсь свои торговые города и факторіи и захватываютъ въ свои руки всю торговлю этого края. Въ то-же время наводняютъ Крымъ татары и стараются, что возможно отбить у итальянцевъ. Подъ этимъ двойнымъ татарско-генуэзскимъ давленіемъ проходитъ около двухъ столѣтій. Отъ прежняго Херсонеса остается одна тѣнь. Во второй половинѣ XIV столѣтія великій князь литовскій Ольгердъ два раза опустошилъ и, можно сказать, окончательно разрушилъ древній Херсонесъ. Послѣ его нашествій въ городѣ не осталось ни одного цѣлаго дома, такъ что послѣдній

епископъ херсонескій, не имѣя, гдѣ пріютиться, принужденъ былъ переселиться въ Инкерманъ. Въ 1453 году турки взяли Константинополь; къ нимъ отошелъ и Крымъ, какъ владѣніе Византійской имперіи. Херсонесъ въ это время былъ такъ бѣденъ и малолуденъ, что завоеватели не сочли нужнымъ употребить противъ него вооруженную силу и ограничились медленнымъ расхищеніемъ архитектурныхъ памятниковъ. Они выламывали мраморныя колонны большихъ разкряковъ и отправляли все въ Константинополь на украшеніе дворцовъ и мечетей. Впрочемъ, еще многіе годы сохранялъ Херсонесъ видныя слѣды прежняго величія: среди развалинъ, тамъ и сямъ видѣлись остатки стѣнъ, башенъ и роскошныхъ палатъ. Но городъ былъ уже пустъ, покинутъ жителями и предоставленъ стихіямъ. Море и вѣтеръ довершили дѣло разрушенія, расхатали жалкіе остатки, засыпали ихъ пескомъ и сравняли древнюю Корсунъ съ лицомъ земли...

II.

Севастополь до Крымской кампании.

Хоть не была война, что и ныне вою,
Да не хуже той войны побѣды,
Что была отцы въ Бородинскомъ бою,
Что шивали въ Очаковъ дѣду.

Александръ.

„Бодатыи отцы в Севастополь“.

Въ XIII столѣтїи, во времена появленїя въ Крыму татарь верстахъ въ 2—3 отъ современнаго Севастополя находился татарскїй поселокъ Актиарь ¹⁾.

Присоединитель Крыма къ Россїи Потемкинъ надлежащиму образу оцѣнилъ громадное торговое и военно значенїе замѣчательной бухты, и деревенька Актиарь была переименована въ Севастополь ²⁾. Въ то-же самое время контръ-адмиралъ Мекензи основалъ здѣсь портъ, и 14-го сентября 1784 года въ Севастополь прибыли изъ Херсона два первыя корабля: «Слава Екатерины» и «Херсонъ». Портъ сталъ развиваться настолько быстро, что къ концу того-же самаго 1784 года въ немъ стояло уже 5 кораблей, нѣсколько фрегатовъ и шкунь и 4 батареи съ командой въ 6,400 человекъ.

¹⁾ Актиарь—по-татарски Великій городъ.

²⁾ Севастополь—по-гречески Священный городъ.

Вскорѣ вслѣдъ затѣвъ Севастополь началъ готовиться къ пріему императрицы Екатерины II, предпринимавшей свое знаменитое путешествіе въ Крымъ и Новороссію. Была закончена и отдѣлана пристань изъ тесаного камня, по приказанію Потемкина названная Екатерининскою. Но названіе это за нею не упрочилось; пристань называется и до настоящаго времени Графскою, вслѣдствіе привычки графа Войновича, бывшаго въ то время командиромъ Севастопольскаго порта, садиться здѣсь въ шлюпку для осмотра флота.

22-го мая 1787 года Екатерина II приблизилась къ Севастополю. Съ Мекензійскихъ высотъ ¹⁾ императрица любовалась Севастопольскою бухтой, на которой торжественно выстроились и салютовали десятки военныхъ судовъ. Изъ Инкермана ²⁾ она на катерѣ прошла между рядами судовъ до Севастополя и остановилась въ домикѣ Мекензи противъ колоннады Графской пристани. Ко времени пріѣзда государыни въ Севастополь, кромѣ адмиралтейства и нѣсколькихъ казенныхъ построекъ, было уже довольно много и частныхъ домовъ, ютившихся на горѣ, среди тополей и фруктовыхъ деревьевъ.

Послѣ смерти Екатерины II императоръ Павелъ хотѣлъ было разжаловать Севастополь и велѣлъ называть его по старому Актіромъ, но названіе это не привилось.

При Александрѣ I Севастополь съ его портомъ и флотомъ перешли въ завѣдываніе заботливаго маркиза де-Траверсе. Въ 1808 году было утверждено ходатайство послѣдняго объ открытіи въ Севастополѣ коммерческаго порта, что усилило и расширило значеніе города.

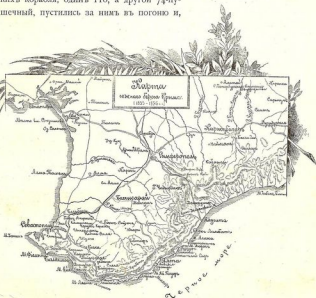
Въ 1828 году, вскорѣ по восшествіи на престолъ Николая I началась Турецкая война. Нашъ черноморскій флотъ, находившійся тогда въ полномъ расцвѣтѣ, принималъ дѣятельное участіе въ этой кампаніи, во время которой особенно прославился Казарскій, командиръ брига ³⁾ «Меркурій».

¹⁾ Возвышенности въ окрестностяхъ Севастополя.

²⁾ Возвышенности въ 12-ти верстахъ отъ Севастополя, охватывая Черное рѣчию, съ закончившихся по чернымъ мостамъ.

³⁾ Брига—двухмачтовое судно съ 10—20 пушками.

14-го мая 1829 года, на разсвѣтѣ, у Константиновольскаго пролива бригъ былъ замѣченъ съ турецкой эскадры, и два турецкихъ корабля, одинъ 110, а другой 74-пушечный, пустились за нимъ въ погоню и,

обладая лучшими средствами, конечно, скоро догнали «Меркурій», который такимъ образомъ въ буквальныйъ смыслѣ слова попалъ между двухъ огней. Штурманъ Прокофьевъ предложилъ тогда драться до послѣдней возможности, а затѣмъ сдѣлаться съ непріятельскими судами и взорваться съ ними на воздухъ. Казарскій

одобрил этот геройский планъ. На видное мѣсто былъ положенъ пистолетъ, которымъ послѣдній, остающійся въ живыхъ, офицеръ долженъ былъ выстрѣлить въ пороховой складъ. На предложеніе турокъ сдаться «Меркурій» отвѣчалъ залпомъ. Турки какъ-бы угадали замыселъ русскихъ моряковъ, грозившій огромною опасностью и для нихъ самихъ, — они вдругъ прекратили пальбу и дали «Меркурію» спокойно уйти.

За этотъ подвигъ Казарскому воздвигнуть въ Севастополѣ, на Мичманскомъ бульварѣ, памятникъ въ видѣ усѣченной пирамиды, на верху которой находится модель судна стариннаго образца, а по сторонамъ надписи: «Казарскому», «Потомству въ примѣръ». Бригъ «Меркурій» давно разрушенъ, но знамя его хранится, какъ военная святыня, на крейсере «Память Меркурія».

Въ 1832 году начальникомъ черноморскаго флота былъ назначенъ адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, личность замѣчательная по уму, образованію и энергіи. Лазареву Севастополь обязанъ многимъ: имъ были возведены севастопольскія батареи: — Константиновская, Михайловская, Александровская и Павловская. Двѣ послѣднія взорваны англичанами въ Севастопольскую кампанію; Николаевская занимала часть нынѣшняго Приморскаго бульвара; Константиновская существуетъ и теперь. Лазаревымъ-же построено адмиралтейство и знаменитыя казармы черноморскаго флота, противъ которыхъ ему впоследствии воздвигнуть памятникъ колоссальныхъ размѣровъ. Но всего замѣчательнѣе были устроенныя имъ сухіе Алексѣевскіе доки, названныя такъ въ честь адмирала Алексѣя Грейга, по идеей, а частью и по проектамъ котораго сдѣланы всѣ эти величественныя сооруженія. Доки — это огромныя въстѣлища, высѣченныя въ скалѣ, въ которыя заводятся для ремонта большія суда. При Лазаревѣ-же устроенъ водопроводъ, питавшійся ключами Черной рѣчки. Живописные остатки его на длинныхъ аркахъ до сихъ поръ еще видны изъ оконъ вагоновъ, когда подъѣзжаешь къ Севастополю.

Обожаемый своими сослуживцами и всѣмъ черноморскимъ флотомъ, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ умеръ въ 1851 году. Ко времени его смерти Севастополь достигъ полнаго своего развитія и блеска; это былъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ красивыхъ, самыхъ изящныхъ русскихъ городовъ.

Морская соборница и „Храмъ славы“ послѣ бомбардировки.

Врѣзываясь на протяженіи шести верстъ въ сушу, знаменитая Севастопольская бухта, или Большой севастопольскій рейдъ какъ ее называютъ, дѣлитъ весь городъ на двѣ части—Сѣверную и Южную.

Южная сторона, въ свою очередь, дѣлится на двѣ части опять-таки бухтою, которая, выливаясь изъ большой бухты, идетъ отъ сѣвера къ югу на протяженіи двухъ верстъ и называется Южной бухтою. Въ этой-то бухтѣ и имѣетъ стоянку нашъ славный черноморскій флотъ.

Собственно городъ лежалъ на западной сторонѣ Южной бухты, сторона эта такъ и звалась Городскою.

Съ моря Севастополь представлялъ прелестную картину. Расположенная амфитеатромъ зданія его бѣжали въ гору попеременно съ многочисленными садами и бульварами, прелестно отбѣившими своею зеленью ослѣпительно-бѣлыя стѣны городскихъ доковъ. Вершина горы увеличивалась чудными зданіями, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему виду. Это были памятники уму человѣческому, знаменитая Морская библіотека, задуманная Грейгомъ, основанная Лазаревымъ и законченная его знаменитымъ ученикомъ и послѣдователемъ, Владиміромъ Алексѣевичемъ Корниловымъ.

Извѣстное трехэтажное зданіе библіотеки находилось на высотѣ 135 футовъ надъ уровнемъ моря. Входъ на него шелъ черезъ мраморный подъѣздъ, украшенный двумя грандіозными сфинксами. Широкая мраморная лѣстница вела сначала въ небольшое отдѣленіе съ моделями разныхъ морскихъ судовъ и превосходными гравюрами морскихъ сраженій. Затѣмъ шла огромная зала въ два свѣта, съ галлереею вокругъ, лежавшею на чугунныхъ кронштейнахъ и окаймленную такою-же рѣшеткою. Громадные шкапы краснаго дерева были наполнены книгами; стѣны украшены превосходными ландшафтами. Вѣско отъ входа въ залъ стояла большая модель корабля «Дѣвѣнадцать апостоловъ», а противъ входа другая дверь вела въ кабинетъ для чтенія, гдѣ на столахъ лежали газеты и журналы: русскіе, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе. Наверху была устроена обсерваторія, снабженная превосходными зрительными трубами.

Рядомъ съ библіотекою находилась башня съ аллегорическими изображеніями, прозванная англичанами «Храмомъ вѣтровъ» (The temple of the winds), снабжанная воздухомъ зданія библіотеки и стоявшая по сосѣдству съ нею Морского собранія.

Къ востоку отъ Южной бухты лежала такъ называемая «Корабельная сторона», всецѣло принадлежавшая порту. Здѣсь были

доки, новое адмиралтейство, морскіе провіантскіе магазины, морскія казармы и, наконецъ, морской госпиталь. Эти зданія были окружены слободами: Корабельною, Татарскою и Бамборскою, за которыми находится высочайшій пунктъ окрестностей Севастополя—Малаховъ курганъ. На Малаховомъ курганѣ была устроена на деньги, пожертвованныя купечествомъ, небольшая башня, называвшаяся также Малаховою.

Сѣверная часть Севастополя, собственно говоря, не была городомъ—это было укрѣпленное мѣсто, следи котораго ютились нѣсколько лачужекъ, нѣсколько зданій старыхъ провіантскихъ магазиновъ и сахарный заводъ.

Со стороны суши Севастополь не былъ укрѣпленъ; но по берегамъ Большой бухты и по берегамъ моря возмашались вооруженныя укрѣпленія; у самыхъ береговъ стоялъ черноморскій флотъ, тоже грозно вооруженный и имѣющій за собою сотни славныхъ побѣдъ. И, глядя на эти внушительныя силы, севастопольцы, ожиданіе нападенія только съ моря, чувствовали себя въ полной безопасности въ своемъ «гнѣздѣ черноморскаго флота».

Горькое разочарованіе ожидало ихъ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

III.

Синопская побѣда.

Въ 1853 году въ воздухѣ запахло войной. Загорѣлся опять такъ называемый восточный вопросъ, — другими словами, вопросъ о вліяніи Россіи на дѣла Востока.

Со времени Петра Великаго Россія, войдя въ составъ перво-классныхъ государствъ Европы, начала пріобрѣтать все большее и большее вліяніе въ европейской политикѣ, Война 1812 года поставила ее на недосыгаемую высоту и дала ей рѣшающее значеніе въ европейскихъ дѣлахъ.

На Востокѣ въ это время силою Россіи было восстановлено Греческое королевство, усилено вліяніе на Дунайскія славянскія княжества и Сербію, увеличены владѣнія Россіи на счетъ Персіи и Турціи, пріобрѣтено устье Дуная, и наконецъ, запертъ входъ въ Черное море для военныхъ судовъ остальныхъ европейскихъ націй.

Возрастающее могущество Россіи встревожило другиѣ перво-классныя европейскія державы, въ особенности Францію и Англію, которыя рѣшили противоѣствовать Россіи, но не прямо, а возстававшая противъ нея Турцію, ея исконнаго врага. Главною причиною вражды между Россіею и Турціею быть вопросъ о христіанскихъ подданныхъ послѣдней, находившихся подъ покровительствомъ Россіи, и о святыхъ мѣстахъ, находящихся во власти Турціи.

«Но не въ гробѣ Спасителя, проповѣдывавшаго миръ, надо искать причину къ войнѣ», говоритъ Тотлебенъ въ своемъ описаніи осады Севастополя. «Подъ влияніемъ скрытыхъ побужденій вопросъ о святыхъ мѣстахъ, не имѣвшій самъ по себѣ характера столь важнаго, чтобы возвыситься до серьезнаго разрыва, послужилъ западнымъ государствамъ волюй удобнымъ предлогомъ къ осуществленію давно задуманнаго плана». Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы ослабить могущество Россіи, подорвать ея значеніе, политическое и торговое.

15-го іюля 1853 года произошла такъ называемая оккупация Придунайскихъ славянскихъ княжествъ, т.-е., другими словами, по повелѣнію императора Николая I туда двинуты были русскія войска. «Не завоеваній ищемъ Мы», говорилось въ обнародованномъ по этому поводу манифестѣ: «въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви».

Но, поддерживаемая тайнѣ Англіею и Франціею, Порта не пошла ни на какія уступки, и 21-го октября того-же 1853 года Россія объявила ей войну.

Почти въ тотъ-же самый день начальникъ севавтопольской эскадры, Павелъ Степановичъ Нахичовъ, съ отрядомъ судовъ выступилъ въ море. Осень была бурная; на первыхъ-же порахъ при-

шлось выдержать сильный штормъ, послѣ котораго два корабля необходимо было отправить обратно въ Севастополь. За этою неприятностью послѣдовала однакъжъ скорбь и удача: 5-го ноября Корниловъ, шедшій на соединеніе съ Нахимовымъ, наткнулся на турецкій пароходъ «Бахри» и послѣ боя взялъ его въ плѣнъ.

Но самая блестящая побѣда была впереди. Получилось извѣстіе, что подь Синопомъ стоитъ отрядъ изъ 12 турецкихъ судовъ. Несмотря на то, что у насъ было всего лишь 6 судовъ и что неприятельскій флотъ находился подь охраною шести береговыхъ батарей, Нахимовъ рѣшился отправиться къ Синопу, и 18-го ноября 1853 года завязалась безпримѣрная въ военной исторіи морская битва. Наша эскадра подь командой Нахимова дѣйствовала, какъ на ученьѣ: тихо, равномерно, спокойно, но величаво-грозно наступила она на многочисленнаго врага, срыла батареи, сожгла и взорвала на воздухъ суда. Поразительно было зрѣлище гибели неприятельскихъ судовъ: прибитыя къ берегу, они горѣли, и по мѣрѣ того, какъ раскалялись бывшія на нихъ орудія, они стрѣляли ядраны по рейду, не нанося, впрочемъ, вреда нашимъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда падали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. Синопъ горѣлъ; никто не приходилъ тушить, да и некому было видя неизбежную гибель, все начальство города, жители и солдаты бѣжали въ горы.

День Синопской побѣды до сихъ поръ чествуется моряками въ Петербургѣ и Севастополѣ. Всѣ участники ея ежегодно собираются въ памятный день, 18-го ноября на товарищескій обѣдъ. Число ихъ—увы!—съ каждымъ годомъ уменьшается.

Громъ Синопской побѣды раздался во всей Россіи, и Нахимовъ сталъ народнымъ героемъ.

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи. Статуть военного ордена св.

великомученика и побѣдоносна Георгія указываетъ награду за вашу подвигъ. Исполняя съ истинною радостью постановленіе Статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благо-склонны».

Такъ привѣтствовалъ императоръ Николай I Нахимова, который въ донесеніи о Синопскомъ боѣ забылъ упомянуть о себѣ.

Извѣстіе о Синопской побѣдѣ было встрѣчено въ Севастополѣ съ безграничнымъ восторгомъ. Севастопольцы ликовали. Это были послѣднія свѣтлая явнута стараго «гизада черноморскаго флота». Будущее готовило ему одиѣ слезы.

Синопская побѣда произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Иностранцы, не скрывая, завидовали и удивлялись смѣлости, искусству, опытности и успѣху русскихъ моряковъ. Непріязненное отношеніе къ русскимъ въ Англій и Франціи усилилось. Обѣ эти страны, а вслѣдъ за ними и Сардинія, выдвинули на помощь Турціи свой флотъ и войска, объявивъ Россіи, что во избѣжаніе разрыва, севастопольскій флотъ не долженъ выходить изъ гавани и нападать на турокъ, которыхъ они съ этого времени принимаютъ подъ свою защиту.

Послѣдствіемъ этого заявленія было отозваніе нашихъ пословъ изъ Париза и Лондона, а 15-го марта 1854 года союзники, т.-е. Франціи, Италіи и Англій, официально объявили Россіи войну.

IV.

1-го и 2-го сентября 1854.—
Высадка союзной армии на
берега Крыма.

И спешу вам о томъ, какъ отъ вашихъ войскъ
Поднималось облако пыли,
Какъ сходная зрѣли безъ числа съ порабощенной
И приняла къ намъ, и насъ побѣдила.

А и такъ ждали, что долго воевать
Не осмѣютъ къ намъ съ дурными допросами,
А и такъ побѣдили, что съ кинжалами
И съ рабскими отказали посягать.

Александръ.

„Солдатская пѣсня о Севастополѣ“.

Какъ отнеслись севавтопольцы къ объявленію войны?—Такъ, какъ они всегда относились къ событіямъ подобнаго рода:

совершенно спокойно, съ полною увѣренностью въ несокрушимость своего родного города. Не впервые было имъ чувствовать себя на военномъ положеніи, и въ большинствѣ случаевъ положеніе это разрѣшалось новою побѣдою родного черноморскаго флота, а слѣдовательно и новою радостью для нихъ самихъ. Гуль Синопской побѣды не успѣлъ еще заглухнуть; герои ея были въ Севастополѣ на-лино, и севастопольцы рассчитывали провести, по обыкновенію, спокойную и пріятную зиму, такъ какъ открытіе военныхъ дѣйствій ожидалось во всякомъ случаѣ не ранѣ весны.

Но вотъ 1-го сентября 1854 года, въ 10-мъ часу утра, изъ Севастополя увидѣли на горизонтѣ два корабля, за которыми видѣлся густой дымъ, означавшій присутствіе тамъ большого числа паровыхъ судовъ. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что мимо Тархангутскаго маяка ¹⁾ прошло 70 непріятельскихъ судовъ. Около полудня стало уже извѣстно, что непріятельскій флотъ идетъ тремя колоннами; въ 6 часовъ судовъ насчитывали до ста; спустя часъ, увидѣли новые пароходы и парусныя суда. Наконецъ прискакать казакъ и объявить:

— Непрѣятельскихъ судовъ такъ много, что и пересчитать нельзя!

Убѣжденіе, что въ виду приближающейся осени нельзя ожидать серьезнаго нападенія на городъ, рушилось такимъ образомъ само собою. Высадка на берегъ Крыма была несомнѣнна.

Съ быстротою молніи облетѣла весь городъ вѣсть, что непріятельскій флотъ уже недалеко. Улицы наполнились бѣгущимъ народомъ; всѣ направлялись къ берегу. Лица были испуганы, блѣдны, взволнованны. Многіе уже начали укладывать пожитки, намѣреваясь бѣжать. Большинство рассчитывало укрыться гдѣ-нибудь по сосѣдству, главнымъ образомъ, въ близлежащемъ Бахчисарѣѣ.

Съ каждымъ часомъ смятеніе въ городѣ усиливалось. Ложные и преувеличенные слухи разрастались; многимъ казалось, что Севастополь уже бомбардируютъ.

¹⁾ Крайняя западная оконечность Крыма.

Все вниманіе было теперь сосредоточено на севастопольскихъ властяхъ: главнокомандующемъ крымскою арміею князѣ Меншиковѣ, героевъ Синова Нахичевѣ и вице-адмиралѣ Корниловѣ.

— Что они предпримутъ? Что будутъ дѣлать? — спрашивали другъ у друга растерявшіеся севастопольцы.

Многіе предполагали, что непріятельскій флотъ направится прямо на Большую бухту; другіе, напротивъ того, говорили, что не станеть онъ подвергать свои суда опасности пройти подъ градомъ бомбъ и ядеръ съ прибрежныхъ батарей; третьи, указывая на массу транспортныхъ судовъ, утвердили, что непріятель сдѣлаеть высадку и возьметъ Севастополь съ суши.

— Но гдѣ онъ высадится? Какъ похѣшать высадкѣ? Вопросы эти задавали себѣ не одни только обыватели Севастополя, но и всѣ военныя власти.

Оставимъ пока на нѣкоторое время застигнутыхъ врасплохъ, взволнованныхъ севастопольцевъ и посмотримъ, что творилось тѣмъ временемъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Въ 28 верстахъ южнѣ Евпаторіи, у развалинъ стараго генуэзскаго укрѣпленія, близъ деревень Контуганъ и Багайлы, простирается низменный берегъ. Версты на 2 и на 3 отъ моря тянутся эти низменности внутрь страны и оканчиваются какъ-бы вставленными въ нихъ двумя громадными зеркалами — двумя озерами: Кизиль-якъ и Кичиль-Бель.

2-го сентября, едва только южное солнце выглянуло изъ-за моря и освѣтило живописныя вершины крымскихъ горъ, союзный флотъ, прошедшій наканунѣ въ виду Севастополя, бросилъ якорь передъ старыми генуэзскими укрѣпленіями.

Масса военныхъ судовъ, принадлежащихъ главнѣйшимъ европейскимъ націямъ, вытянулась въ четыре линіи. Въ серединѣ всталъ французскій флотъ, налѣво отъ него англійскій, направо турецкій; позади нихъ помѣстились мелкія транспортныя суда и, казалось, не было имъ конца. Палубы были полны войска; говоръ десятковъ тысячъ голосовъ заглушалъ ропотъ моря.

Но вот на корабль «Городь Парижъ», раздался всѣмъ ожидаемый сигналъ; загремѣла музыка, движеніе усилилось. Войска начали спускаться въ гребные суда; взявъ весель, и вотъ... первые полки 1-й французской дивизіи весело понеслись къ берегу, на которомъ девяти десяткамъ изъ нихъ суждено было найти преждевременную могилу.

Было ровно 9 часовъ утра 2-го сентября, когда французскія войска вступили на роскошные берега Крыма. Высадка продолжалась нѣсколько дней, и только 6-го сентября вступили послѣднія непріятельскія войска на русскую землю. Высадившихся было 62.223 человека.

Съ распущенными знаменами, со стройною музыкою, съ радостными криками, съ веселыми пѣснями шли эти люди. Думали-ли они о томъ, что идутъ разорять чужую землю, отнимать мужей у женъ, отцовъ у дѣтей? Предчувствовали-ли, что большинству ихъ самихъ придется сложить голову на чужой землѣ?

V.

Первые защитники Севастополя:
Нахимовъ, Корниловъ, Истоминый,
графъ Тотлебенъ.

Не говори съ твоей: — ахъ, ахъ!
А съ благодарностию: — били!

Кутузовъ.

Познакомимся теперь съ людьми, на которыхъ севастопольцы смотрѣли, какъ на главныхъ защитниковъ своего родного города

Главнокомандующимъ небольшою крымскою арміею былъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, правнукъ знаменитаго любимца Петра Великаго. Ему было въ то время 67 лѣтъ. Служебная карьера князя была весьма разнообразна: онъ служилъ въ

На главномъ рисункѣ этой страницы изображены портреты: слева В. А. Корниловъ, въ среднѣй гр. Тотлебенъ, справа П. С. Нахимовъ.

строю и по узенной части, занимался морским дѣломъ и несъ одно время дипломатическія обязанности. Боевая жизнь дала-таки себя знать князю Меншикову. Въ 1809 году подъ Рущукомъ онъ былъ раненъ въ правую ногу, въ 1814 подъ Парижемъ—въ лѣвую, а затѣмъ при осадѣ Варны разожъ въ обѣ ноги. Эти двойныя раны заставляли иногда князя, отличавшагося остроуміемъ, говорить о себѣ:

— Ну, какой же я конь, когда разбитъ на всѣ четыре ноги!

Однакожь ближе знавшіе князя Меншикова люди не особенно довѣряли этому его отзыву о самомъ себѣ; напротивъ того, его считали человекомъ очень гордымъ, съ большимъ самоувѣіемъ, съ заносчивымъ и строптивымъ характеромъ. При всемъ своемъ умѣ, образованіи и даже добротѣ, князь Меншиковъ былъ мало любимъ въ Севастополѣ, главнымъ образомъ, благодаря своей несообщительности, вѣчной наморщенности и недовольству, въ силу котораго онъ «никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ».

Насколько мало знали и любили севастопольцы князя Меншикова, настолько боготворили они героя Синопа — Павла Степановича Нахимова. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было не только матроса, но даже ребенка, который не зналъ-бы, хотя по наслышкѣ, и не любилъ-бы, хотя заочно, Павла Степановича. Когда его высокая, нѣсколько сутуловатая фигура показывалась на севастопольскихъ улицахъ, встрѣчные матросы съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ вытягивались во фронтъ, любовно глядя на его задумчивое, порою даже суровое, но тѣмъ не менѣе безконечно доброе лицо, съ свѣтлыми голубыми глазами, бѣлокурыми волосами, въ форменной фуражкѣ, сдвинутой по-нахимовски на затылокъ.

— Ребята, вотъ нашъ отецъ идетъ!—говорили они другъ другу.

И недаромъ звали они такъ Нахимова: самъ онъ зналъ и любилъ простого матроса, какъ отецъ родной. Онъ входилъ не только въ ихъ служебные, но и въ частныя, семейные интересы. Живя, несмотря на свой адмиральскій чинъ, болѣе чѣмъ скромно, на маленькой квартиркѣ, холостякомъ, онъ раздавалъ большую часть своего

жалованья тѣмъ-же матросамъ, кому на свадьбу, кому на крестины, кому на похороны.

Павель Степановичъ былъ однимъ изъ первыхъ начальниковъ не только во флотѣ, но и во всей русской арміи, который не считалъ себя помѣщикомъ, а солдатъ—своими крѣпостными людьми.

— Матросъ, говорилъ онъ,—есть главный двигатель на военномъ суднѣ, а мы только пружины, дѣйствующія на него. Матросъ все слѣдуетъ, если мы, начальники, не будемъ эгоистами, если не будемъ смотрѣть на службу, какъ на удовлетвореніе нашего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для нашего возвышенія.

Постигнуть духъ народной гордости, воодушевить своихъ подчиненныхъ-простолудинновъ—вотъ къ чему стремился Нахимовъ и чего достигалъ вполне.

— Матросы понимаютъ и любятъ меня, говорилъ онъ:—я этою привязанностью дорожу больше, чѣмъ отзывами чванливыхъ дворянчиковъ. У многихъ командировъ служба не клеится потому, что они нехѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ простаго матроса, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце не хуже, чѣмъ у всякаго другого.

Замѣтивъ, что это говорилось въ разгарѣ крѣпостного права, когда большинство помѣщиковъ какъ-бы дѣйствительно сомнѣвалось въ существованіи души и ума у мужика, а большинство офицеровъ считало невозможнымъ справиться съ солдатомъ безъ помощи тѣлесныхъ наказаній.

Нахимовъ былъ чуждъ всякаго мелкаго тщеславія. Рассказываютъ, что когда какой-то стихотворецъ преподнесъ ему восторженную оду на ваятіе Синопа, въ которой онъ превозносилъ его до небесъ, Павель Степановичъ, прочитавъ ее, сказалъ:

— Э-э-эхъ! куда—бы лучше было, если-бъ онъ прислалъ мнѣ напуста для моихъ матросиковъ!.

Императоръ Николай I изъ особой милости къ защитникамъ Севастополя прислалъ художниковъ съ порученіемъ снять для каби-

мета Его Величества ихъ портреты. Нахимовъ рѣшительно отказался сниматься; никакія убѣжденія близкихъ людей, ни даже просьбы великоихъ князей не могли его поколебать; всѣмъ одно твердилъ онъ въ отвѣтъ:

— Помилуйте, что за портреты?—За что? Что мы сдѣлали? Еще Богъ знаетъ, чѣмъ все кончится, а мы дадимъ рисовать свои рожи? Ни за что не позволю, да и тѣ уничтожу при случаѣ, которыя нарисованы: не стоятъ. А вотъ какъ закончить дѣло, прогонимъ злодѣевъ, тогда приѣду въ Питеръ, сяду въ вольтеровскія кресла,— ну, и рисуи, какъ хочешь, даже ботфорты надѣну.

Павель Степановичъ терпѣть не могъ ботфортовъ и называлъ ихъ лучшимъ abordажнымъ орудіемъ.

Художнику Тимю, просившему разрѣшенія нарисовать его портретъ, Нахимовъ отвѣчалъ:—«Зачѣмъ?.. За то, что я исполню свой долгъ-съ? За это нечего-съ. Это пусть съ Кошкинъ (извѣстный удалецъ) да съ Асланбекова (первый севастопольскій красавецъ) рисуютъ портреты, а съ меня не нужно-съ».

Когда-же Тимю все-таки удалось набросать портретъ Нахимова тайкомъ, въ церкви, а Павлу Степановичу показали этотъ портретъ, онъ сказалъ: «Да это просто разбой-съ! Если-бъ я зналъ-съ, велѣлъ-бы его шлепнуть-съ! Ну, а теперь Богъ съ нимъ, отдайте ему, если нравится, а мнѣ не нужно-съ».

Добрый, терпѣливый, простодушный, Нахимовъ былъ доступенъ для всѣхъ и каждому. Все хорошее и полезное находило въ немъ горячаго заступника. Каждый морякъ подъ флагомъ Нахимова былъ увѣренъ, что заботливый, благородный начальникъ зорко слѣдитъ за всѣмъ, взвѣшиваетъ каждое обстоятельство и дорожитъ каждымъ изъ своихъ подчиненныхъ, какъ самия собою; оттого-то и были ему такъ беззаветно преданы всѣ, отъ капитана до послѣдняго матроса, оттого-то и готовы они были идти за нимъ въ огонь и воду...

Павель Степановичъ Нахимовъ родился въ 1802 г. въ с. Городскъ, Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи. Отецъ его, Степанъ

Михайловичъ, отставной секундъ-маіоръ Екатерининскихъ временъ, былъ человекъ не богатый, но пользовавшійся уваженіемъ и довѣріемъ сосѣдей-помѣщиковъ; послѣ 1812 онъ былъ даже избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Мать Павла Степановича, Федосья Ивановна, женщина доброты необыкновенной, зачастую была избираема посредницей въ семейныхъ дѣлахъ своихъ знакомыхъ.

Изъ пяти сыновей трое младшихъ готовились дома къ поступленію въ морской кадетскій корпусъ. Секундъ-маіоръ отличалъ предпоследняго, Павлушу; глядя на его воинственныя наклонности, онъ говаривалъ: «Изъ Павлуши выйдетъ храбрый воинъ!»

Даровитый и прилежный Павелъ Степановичъ учился въ корпусѣ прекрасно. Онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1818 г., пятнадцатилѣтнимъ юношей, выпущенъ въ мичманы шестымъ по выпуску.

Въ 1815—17 г.г. во время пребыванія въ корпусѣ, Павелъ Степановичъ совершалъ практическія плаванія по Балтійскому морю на бригахъ «Симеонъ и Анна» и «Фениксъ». Впечатлительный, энергичный, трудолюбивый и серьезный, онъ скоро занялъ выдающееся положеніе среди товарищей. По ихъ словамъ, Нахимовъ работалъ почти цѣлыя сутки, спалъ чрезвычайно мало; къ морской службѣ онъ относился съ горячею любовью, — море было его родною стихіею.

Послѣ выпуска въ офицеры 1818—19 г.г. Нахимовъ стоялъ въ Петербургѣ. Въ 1820 г. плавалъ по Балтійскому морю на тендерѣ «Янусъ». Въ 1822 г., по выбору М. П. Лазарева, въ то время капитана 2-го ранга, онъ былъ перечисленъ на фрегатъ «Крейсеръ», назначенный доставить грузы въ Камчатку и колоніи Россійско-Американской компаніи. Кругосвѣтныя плаванія были тогда очень рѣдки; назначеніе молодого мичмана, безъ всякой протекціи, доказываетъ, что Павелъ Степановичъ успѣлъ обратить на себя вниманіе. Дѣйствительно, Лазаревъ сумѣлъ оценить выдающіяся способности Нахимова, привязался къ нему, и съ той поры они почти не разставались.

На боевомъ поприщѣ Нахимовъ отличился впервые во время знаменитаго Наваринскаго боя, послѣ котораго, будучи еще очень молодымъ человекомъ, онъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Наваринъ». Затѣмъ онъ командовалъ фрегатомъ «Паллада». Офицеры приказали учиться чистотѣ и порядку, введенному на его фрегатѣ. То-же самое было, когда онъ служилъ на другихъ корабляхъ, которые доводилъ всегда до образцоваго состоянія. Авторитетъ Нахимова въ морскомъ мѣрѣ былъ такъ великъ, что каждый морякъ, не только подчиненный, но и любой изъ его сослуживцевъ, считалъ за особую честь являвшее одобреніе съ его стороны.

Нахимовъ совершилъ 32 морскія кампаніи, хорошо изучилъ всѣ моря, въ томъ числѣ и капризное Черное море и, по справедливости, считался лучшимъ командиромъ всего русскаго флота. Самою блестящею страншею боевою жизнью Нахимова является уже извѣстная намъ Синопская побѣда, послѣ которой онъ сталъ, какъ имъ сказали, народнымъ героемъ.

Достоиннымъ сподвижникомъ Нахимова, такимъ же, какъ и онъ, популярнымъ и можетъ-быть еще болѣе талантливымъ, является вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

Жизнь Корнилова и его служебная дѣятельность складывались далеко не такъ стройно, какъ у Нахимова. Подобно многимъ другимъ талантливымъ натурамъ, въ ранней молодости онъ не отглаживалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ призваніи, колебался между желаніемъ трудиться и весело пожить, между долгомъ и заманчивыми развлеченіями. Въ первые годы его службы во флотѣ о немъ говорили:

— Всему учившись, онъ ничего не знаетъ основательно и не имѣетъ опредѣленнаго направленія; оларентъ природою, способенъ на все и ни на что не годенъ.

И этотъ-то «непригодный» яичманъ, тридцать лѣтъ спустя, сумѣлъ вдохнуть въ русскую армію тотъ энтузіазмъ, который сдѣлалъ изъ нея армію героевъ, отражавшую соединенныя силы

всей Европы! Это—случай не исключительный: сколько талантливых натуръ, подобно Корнилову, были въ молодости не признаны окружающею средою! Ему надо было столкнуться съ человѣкомъ выдающимся, способнымъ поддѣлать въ немъ искру Божію, и такимъ человѣкомъ явился тотъ-же адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, этотъ столпъ русскаго флота.

Прослуживъ недолгое время въ гвардейскомъ экипажѣ, Корниловъ перешелъ на службу въ 20 флотскій экипажъ и въ 1827 году, по просьбѣ своего отца, бывшаго тогда сенаторомъ, былъ назначенъ на корабль «Азовъ», отправлявшійся въ Средиземное море.

Командиромъ «Азова» былъ Лазаревъ. Онъ поддѣлалъ недюжинныя способности молодого Корнилова, но съ тѣмъ вмѣстѣ и то, какъ расточаетъ онъ ихъ по-пустому, какъ разбрасывается по сторонамъ безъ определенной цѣли, какъ зачитывается легкими, а иногда и вредными французскими авторами. Отнести къ этому безучастно Лазаревъ не могъ; напротивъ того, онъ рѣшился сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы наставить молодого человѣка на путь истины. Началъ онъ съ того, что взялъ Корнилова подъ свое личное наблюденіе, не спускалъ съ него глазъ и строго выискивалъ за каждый промахъ по службѣ. Бѣдному Корнилову жутко приходилось, и онъ хотѣлъ уже хлопотать о переводѣ на другое судно, какъ вдругъ однажды Лазаревъ зоветъ его къ себѣ.

— Скажите мнѣ, яичангъ, откровенно, желаете ли вы служить во флотѣ?—спрашиваетъ онъ его.

— Желаю, отвѣчаетъ Корниловъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ надо съ вами потолковать.

Подробности этого замѣчательнаго разговора, къ сожалѣнію, не сохранились; известно только, что Лазаревъ развилъ передъ Корниловымъ свой взглядъ на обязанности морскаго офицера, доказалъ необходимость дальнѣйшаго самообразованія и изученія иностранныхъ языковъ, на которыхъ имѣется больше всего сочиненій по морской части. Французскія книги, которыми Корниловъ

такъ ушвался, Лазаревъ посоветовалъ ему выбросить за бортъ, а въ его распоряженіе предоставилъ свою превосходную бібліотеку.

Съ этой бесѣды Корниловъ переродился. Изъ поверхностнаго юноши онъ превратился въ серьезнаго моряка, направляющаго всѣ силы своей богато одаренной природы къ опредѣленной, строго обдуманной цѣли. Въ зависимости отъ этого онъ сталъ быстро двигаться впередъ по службѣ, и когда въ 1851 году умеръ Лазаревъ, на Корнилова стали смотрѣть, какъ на будущаго главнаго командира черноморскаго флота.

Въ 1854 году Корнилову было 49 лѣтъ. Довольно высокаго роста, худощавый, Владиміръ Алексѣевичъ былъ, несмотря на нѣкоторую сутуловатость, очень статенъ. Выраженіе его лица было спокойно и строго. Гладко причесанные, темные волосы обрамляли высокій лобъ; изъ-подъ слегка приведенныхъ густыхъ бровей смотрѣли умные, пронзательные, ярко свѣтящіеся глаза. Голову онъ держалъ всегда высоко. Во всѣхъ его манерахъ, походкѣ, рѣчи было что-то властное и съ тѣмъ вмѣстѣ лихорадочное, куда-то стремящееся.

«Каково-бы ни было физическое утомленіе Корнилова», говорить одинъ изъ его биографовъ, «каковы бы ни были страданія душевныя, никто не можетъ похвалиться, чтобъ видѣлъ ихъ. Всегдашнее самообладаніе никогда не замѣняло адмиралу; когда другіе смущались и падали духомъ, Корниловъ думалъ или распоряжался... Отличительною его чертою была твердая рѣшимость бороться до конца, и если нужно, то умереть».

Таковъ былъ Корниловъ, душа Севастопольской обороны, какъ о немъ принято выражаться.

На ряду съ Нахимовымъ и Корниловымъ обращалъ на себя вниманіе ихъ товарищъ по оружію контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ и счастливѣйшій изъ защитниковъ Севастополя военный инженеръ Тотлебенъ, одинъ изъ немногихъ пережившій знаменитую осаду. Онъ принималъ впоследствии дѣятельное участіе въ русско-турешкой кампаніи 1876—77 гг., получилъ

графское достоинство и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, окруженный любовью и почетомъ.

Тотлебенъ былъ сердечнымъ другомъ Корнилова. Въ течение памятной осады, до самой смерти Корнилова, они жили въ одной комнатѣ и работали за однимъ столомъ, повѣряя другъ другу свои планы.

Вотъ, что говоритъ о Тотлебенѣ англійскій историкъ Кингдэйкъ въ своемъ описаніи осады Севастополя:

«Въ Севастополѣ былъ инженеръ, все время служившій волонтеромъ, который какъ нельзя болѣе предназначенъ былъ для защиты города отъ нападенія. Остзейскій уроженецъ, Тотлебенъ былъ тотъ инженеръ-практикъ, способности котораго развертываются именно въ подобныхъ случаяхъ. Если Корниловъ, влившій энтузіазмъ въ окружающихъ, былъ душою обороны, то Тотлебенъ былъ умомъ ея. Но это не былъ умъ теоретика: Тотлебенъ не сдѣлалъ новыхъ шаговъ въ инженерной наукѣ, онъ умѣлъ только необыкновенно искусно пользоваться обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Это былъ по преимуществу умъ-практикъ. Все, что отсывалось сухою теоріей, устранялось имъ... При всей трудности задачи, лежавшей на Тотлебенѣ, онъ находилъ время побалагурить съ солдатами, поднять ихъ духъ веселою шуткою».

Познакомившись такимъ образомъ съ главными дѣйствующими лицами Севастопольской осады, возвратимся теперь къ дальнѣйшему ходу самой осады.

VI.
На Альмѣ.

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляется тѣдъ на волю!
„Вародино“ Лермонковъ.

Почти одновременно съ высадкою неприятельскія войска явились передъ небольшимъ городкомъ на западномъ берегу Крыма—Евпаторію и заняла ее безъ выстрѣла.

Гарнизонъ Евпаторіи состоялъ изъ двухсотъ слабосильныхъ, принадлежавшихъ Тарутинскому полку. При видѣ огромнаго фрегата «Трибуна», ставшаго противъ города съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ сопротивленія начать громить его изъ своихъ 36 орудій, комендантъ Евпаторіи велѣлъ этому крохотному отряду отступить по дорогѣ къ Симферополю.

Союзная войска заняли городъ безъ выстрѣла и воспользовались 60.000 четвертей пшеницы, принадлежавшей частнымъ купеческимъ конторамъ, доставивъ такимъ образомъ своей арміи продовольствія почти на 4 мѣсяца. Это было несомнѣнно крупный первый успѣхъ, и вдобавокъ не стоявшій имъ ни одной горсти пороха.

Обезпечивъ себя отъ нападенія съ одной стороны, союзникамъ слѣдовало отвлечь вниманіе отъ мѣста высадки съ другой, и вотъ 4-я французская дивизія на паровыхъ судахъ двинулась къ югу, по направленію къ Севастополю, и не доходя до него 20-ти верстъ, остановилась тамъ, гдѣ впадаетъ въ море рѣка Альма.

Эта такъ называемая демонстрація для отвлечения вниманія отъ мѣста высадки была вполнѣ излишнею. Русскіе хорошо знали, гдѣ высаживается непріятель, но отразить его или даже просто помѣшать высадкѣ не были ни малѣйшей возможности: союзниковъ было, какъ уже извѣстно, свыше 60,000, русскихъ же войскъ насчитывалось тогда едва 30,000.

— Нѣтъ сомнѣнія, говорили князь Меншиковъ своему штабу,— что, пустивъ въ атаку наши войска и подкрѣпивъ ихъ имѣющеюся у насъ полевой артиллерією, мы нѣсколько замедлимъ высадку, но нѣтъ зато мы разстроимся окончательно. Нѣтъ!. Оборонить западный берегъ Крыма, повсюду доступный для непріятеля, невозможно! Просто глупо!. Но загородить дорогу къ Севастополю—это нашъ долгъ.

И князь съ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ Севастополя для выбора позиціи.

Въ 20 верстахъ отъ города въ Черное море впадаетъ, какъ уже было сказано, рѣка Альма. Левый берегъ ея возвышенъ; правый представляетъ мѣстность ровную и открытую. Берегъ этотъ былъ довольно густо заселенъ. Тамъ лежали на семиверстномъ разстояніи три татарскія деревни: Альма-Тамакъ, Бураюкъ и Тарханларъ. Противъ этого-то семиверстнаго разстоянія, на возвышенномъ лѣвомъ берегу Альмы, расположилась для встрѣчи союзныхъ войскъ русская армія. Къ этому пункту начали стягиваться и непріятельскіе полки, и 7-го сентября обѣ арміи были уже въ полномъ сборѣ.

Ночь съ 7-го на 8-е противники провели въ виду другъ друга. Ночь была холодна и темна. Глубокой мракъ ея прерывался лишь огнями полковыхъ востроговъ, да стоящими на морѣ ярко освѣщен-

ными судами. И въ неприятельскомъ лагерѣ и у насъ было совершенно тихо. Приготовляясь къ событіямъ слѣдующаго дня, войска старались воспользоваться ночнымъ временемъ, чтобы отдохнуть и набраться силъ. Для сколькихъ эта темная ночь была послѣднею въ жизни!

Но едва забрезжилось утро, все шумно зашевелилось. Во французской арміи раздались выстрѣлы заревой пушки и вслѣдъ за нею бой заря; затѣмъ заря загрѣмѣла въ англійскомъ лагерѣ; потомъ у насъ. Торжественными звуками «Коль славетъ нашъ Господь въ Сионѣ» закончилась она въ нашемъ лагерѣ.

Пожимые священники приступили къ молебствію, съ крестомъ и святою водою обходя батальоны. Всѣ молились горячо и усердно, а затѣмъ многіе солдаты стали надѣвать чистое бѣлье, приготовлялись такимъ образомъ къ близкой смерти.

Переполнены народомъ были церкви и въ самомъ Севастополѣ въ это памятное утро 8-го сентября, день Рождества Пресв. Богородицы. Всюду служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ о ниспосланіи на враговъ «побѣды и одолженія».

Въ первомъ часу пополудни стало извѣстно о наступленіи неприятеля; вскорѣ раздались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, свидѣтельствующіе о началѣ боя. Со страхомъ и трепетомъ ожидали севастопольцы его исхода. И не мудрено!—отъ этого зависѣла ихъ участь.

Мы говорили уже о томъ, какъ превосходно были защищены Севастополь съ моря. Сѣверный рейдъ съ его батареями и суда черноморскаго флота были истинныя грозны. И въ севастопольцахъ почему-то укоренилось убѣжденіе, что неприятель будетъ дѣйствовать противъ нихъ не иначе, какъ съ моря, а въ такомъ случаѣ ихъ можно было за себя постоять. Подойди неприятель къ рейду—на разстояніи 1.200 сажень его встрѣтили-бы пальбою изъ орудій батарей № 10 и Александровской; на разстояніи 800 саж. его громили-бы 83 орудія; на разстояніи 400 саж. онъ подвергался-бы огню 146 орудій; черезъ 200 саж. онъ былъ-бы встрѣченъ 42 орудіями

съ батарей и выстрѣлами 230 орудій съ борта эскадры вице-адмирала Корнилова, а такъ 300 орудій съ борта эскадры Нахимова.

Но непріятель предпочелъ явиться сухимъ путемъ, и гроза рейда была ему не страшна. Со стороны же суши на сѣверѣ городъ былъ защищенъ слабо, а съ юга и юго-востока почти вовсе не защищенъ — отсюда весь ужасъ положенія севастопольцевъ въ случаѣ, если-бъ армія ген. Меншикова не удалось отразить непріятеля въ этой первой битвѣ при Альмѣ, отсюда та безконечная тревога, съ которою они ожидали 8-го сентября извѣстій съ поля сраженія.

Къ вечеру канонада стихла, и въ городѣ стали носиться тревожные слухи — слухи о проигранномъ сраженіи, объ отступленіи нашей арміи...

Наступила ночь, но въ Севастополѣ никто и не думалъ о снѣ. Весь городъ былъ на ногахъ; всѣ сѣвши на большую дорогу, кто со связкою бѣлья для раненыхъ, кто съ бинтами и корпією, кто съ виномъ. Тысячная толпа въ глубокомъ безмолвіи стояла по обѣимъ сторонамъ дороги; не слышно было ни говора, ни смѣха; порою лишь раздавалось чье-нибудь судорожное рыданіе, чей-нибудь глубокой вздохъ.

Но воть вдали послышался стукъ колесъ. Толпа двинулась впередъ. При тускломъ свѣтѣ фонарей обозначились вскорѣ на дорогѣ длинный рядъ лазаретныхъ фуръ. Когда стали выгружать раненыхъ и они застонали, народъ неудержимо заридать. Всю ночь переносили раненыхъ въ госпитали; каждый помогать при этомъ, чѣмъ могъ. Такъ прошла эта бессонная ночь въ Севастополѣ, ночь, когда севастопольцамъ пришлось убѣдиться изъ рассказовъ очевидцевъ, что рѣшающее ихъ участь сраженіе действительно и безвозвратно проиграно.

Правда — русскіе, съ генерала до послѣдняго солдата, дрались, какъ львы; правда — англійскій полководецъ, герцогъ Кембриджскій, объѣзжая поле битвы, усіянное убитыми и ранеными воскликнулъ со слезами:

— Еще одна такая побѣда, и у королевы Англии не будетъ арміи!

Но наша армія все-таки была разбита, и сраженіе для насъ проиграно. Отчего-же это такъ произошло?

Главными причинами приводять, во-1-хъ, преобладающее число враговъ—на 30,000 русскихъ приходилось 60,000 союзниковъ; во-2-хъ, несравненно лучшее вооруженіе союзниковъ. Стоитъ побывать въ музеѣ Севастопольской обороны, гдѣ собраны образцы оружія, употреблявшагося во время Крымской кампаніи, чтобъ понять, каково было сражаться нашимъ солдатамъ съ ихъ гладкоствольными ружьями, кругленькія пульки которыхъ были на 300 шаговъ, съ союзниками, вооруженными отличными для того времени штуцерами, бившими за 1,500 шаговъ.

VII.

Затопленіе кораблей.

Выволя войска изъ Севастополя, князь Меншиковъ оставилъ главное начальство къ немъ вице-адмиралу Корнилову, несмотря на то, что среди севастопольскихъ властей было много лицъ, не только равныхъ Корнилову, но и выше его стоящихъ по чинамъ и служебному положенію. Такъ великъ былъ тотъ авторитетъ, который онъ сумѣлъ къ себѣ внушить!

Получивъ отъ кн. Меншикова извѣщеніе о потерѣ сраженія при Адыѣ, Корниловъ собралъ военный совѣтъ.

— Господа!—обратился онъ къ собравшимся у него начальствующимъ лицамъ—армія наша дралась храбро, но потерѣла поражение: непріятель идетъ на Севастополь. Предлагаю всему нашему флоту выйти въ море, напасть на непріятельскіе корабли, постараться разбить ихъ, а при неудачѣ—сѣсть на мель съ самыми сильными непріятельскими судами и взорваться съ ними на воздухъ. Мы спасемъ и армію, и Севастополь.

Корниловъ кончилъ. Съ высоко поднятою головою, блестящими глазами и пылающими щеками, онъ ожидалъ отвѣта.

Речь Корнилова поразила собраніе. Энтузіазмъ его въ первую минуту какъ бы сообщился присутствующимъ. Сдѣлай онъ свое предложеніе, подобно Казарскому, на кораблѣ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, нѣтъ сомнѣнія, что его слова тотчасъ же перешли бы въ дѣло. Но тутъ было время для размышленія, а явилось оно— явилось и сомнѣніе: къ чему поведеть такой подвигъ? въ чемъ будутъ заключаться его результаты?

Первымъ поднялся съ своего мѣста для возраженія герой Синопя—Павель Степановичъ Нахимовъ, «отецъ» своихъ матросовъ. Онъ началъ доказывать невозможность выступить съ 14 кораблями противъ безчисленнаго иночества паровыхъ судовъ непріятеля.

— Мы можемъ быть отрубаны отъ рейда и уничтожены; непріятель ворвется въ рейдъ и овладѣетъ Севастополемъ. Ни одинъ начальникъ, ни одинъ матросъ не поколеблется идти на вѣрную смерть; но слѣдуетъ предпочесть борьбу на сушѣ вѣрной гибели на морѣ. Моряки, заключилъ онъ,—ведѣтъ сумѣеть умереть со славою! Корниловъ распустилъ совѣтъ и о всемъ, на него высказанномъ, донесъ главнокомандующему. Князь Меншиковъ всталъ на сторону Нахимова; проектъ Корнилова онъ счелъ слишкомъ рискованнымъ и отдалъ ему приказаніе преградить входъ въ рейдъ, затопивъ для этого нѣсколько старыхъ кораблей, экипажъ которыхъ вывести на берегъ и употребить для сухопутныхъ дѣйствій.

Сердце Корнилова дрогнуло.

— Но почему же не хотите вы разрѣшить нашему флоту помѣряться силами съ непріятелемъ? уговаривалъ онъ Меншикова.— Къ чему нашимъ кораблямъ, надеждѣ флота, безъ выстрѣла, безъ ближайшей борьбы идти ко дну? Вѣдь даже въ случаѣ пораженія не все еще пропало: гавань всегда можетъ принять разбитый флотъ, а затопить все равно—поврежденныя выстрѣлами или ибъ дья суда.

Меншиковъ сморщился.

— Воля моя непоколебима, сказалъ онъ отрывисто. Когда же Корниловъ продолжалъ свои возраженія, то онъ далъ ему понять, что въ случаѣ неповиновенія, онъ велитъ ему удалиться изъ Севастополя.

Корниловъ поблѣднѣлъ, но превозмогъ себя и сказалъ Меншикову:

— Въ такую минуту я не могу оставить Севастополь. Я повинуюсь!

Въ 4-мъ часу того же дня онъ уже отдалъ приказъ о затопленіи кораблей.

«Товарищи!»—говорилось въ этомъ приказѣ: «войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходящихъ насъ силами непріятелью, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защищать его...

«Намъ надо отказаться отъ любимой мысли разразить врага на водѣ: мы нужны для защиты города, гдѣ наши дома и наши семьи. Главнокомандующій рѣшилъ: «затопить 3 старыхъ кораблей на фарватерѣ». Они временно преграждать входъ непріятелю на рейдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усылать войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! Много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные на жертву, въ завидномъ свѣту порядкѣ; но надо покориться необходимости.

«Москва горѣла, а Русь оттого не погибла, но, напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую-же участь. Итакъ помолимся Господу и не допустимъ врага сильного покорить насъ!..»

Утромъ смотрѣли матросы на обреченныя суда, когда тѣ тронулись ко входу въ большой рейдъ, гдѣ должно было быть совершено ихъ жертвоприношеніе. Вслѣдъ за ними, по обонимъ берегамъ бухты, бѣжали толпы народа.

Корабли выстроившись у входа въ рейдъ, поперекъ фарватера, въ послѣдній разъ повернуть къ непріятелю свои грозные, вооруженные борты.

— И изъ-подъ воды грозить будутъ!—говорилъ народъ на берегу.

Дѣйствительно, на этотъ разъ старыя корабли были въ тысячу разъ грознѣе непрятельно подъ водою, нежели на водѣ.

Кораблей было пять! «Три Святителя», «Уриль», «Селафантъ», «Варна», «Силвстрія» и фрегаты «Сизополь» и «Флора». Съ каждымъ изъ этихъ судовъ, печально спустившихъ теперь свои флаги и паруса, связаны были славныя воспоминанія. О нихъ шли толки на берегу среди моряковъ, и съ жаднымъ любопытствомъ прислушивалась къ этимъ разсказамъ толпа. Корабль «Три Святителя», герой Синопа, болѣе всѣхъ другихъ обращалъ на себя вниманіе; съ нимъ было связано больше всего воспоминаній.

Весь вечеръ и всю ночь проработали моряки надъ кораблями. Съ нихъ свезли все, что можно, и затѣмъ прорубили имъ дно. Вода хлынула въ отверстія, и когда солнце показалось на горизонтѣ, оно освѣтило лишь на мгновеніе «Сизополь», «Варну» и «Силвстрію», медленно опускавшихся ко дну. Часъ спустя, не стало «Урилла» и «Селафанла». До 8 часовъ боролась «Флора»; но вотъ и она скрылась подъ водою, и только корабль «Три Святителя», несмотря на искрошенное дно, продолжалъ гордо раскачиваться на волнахъ.

На этотъ раскачивающійся гигантъ устремлены были теперь тысячи глазъ, изъ которыхъ многіе были полны слезъ. На берегу шель оживленный говоръ; толпа волновалась.

— Не поддается, старикъ, не поддается!

— Упирается, съ побѣдоносною командою прощается!.

— Боевой смерти проситъ!.

— Потому не идетъ онъ ко дну, послышался чей-то голосъ въ толпѣ,—что въ каютѣ, слышь, образъ Николая Угодника за-были.

— Вонъ и лодка за нимъ поѣхала, прибавлялъ кто-то.

Однако, и по снятіи образа корабль продолжалъ упираться. Вдругъ толпа увидѣла быстро идущій къ нему пароходъ «Громоносецъ». Дойдя до упорнаго старика синопа, онъ замедлить ходъ.

Вотъ раздалось: «стоитъ машина!»—и «Громоносцы» повернулись къ кораблю бортомъ, съ котораго торчали жерла орудій.

Въ толпѣ всплеснули руками.

— Свои по своимъ!—воскликнулъ кто-то съ неподдѣльнымъ ужасомъ.— Это—кошунство! Это—ударъ коуты дряхлomu коноу, съ честию отслужившему свой плась!

Но вотъ на борту «Громоносца» пробѣжали бѣлѣвскія струйки дыма; раздался залпъ; ядра полетѣли по направленію къ упорному кораблю. Онь вздрогнулъ, сталъ раскачиваться все сильнѣе и сильнѣе, завернулъ одинъ бортъ воды и началъ медленно погружаться въ глубь моря.

На берегу раздалось рыданія.

Присоединяя къ своимъ товарищамъ, корабль «Три Святителя» дѣйствительно преградилъ дорогу неприятелю для входа въ рейдъ. Только верхушки мачтъ торчали изъ воды.

VIII.

Въ виду врага.

На слѣдующій день всѣ войска были наведены на Сѣверную сторону, наскоро укрѣпленную земляными окопами для пѣхоты и артиллеріи. Около 12 часовъ можно было уже видѣть, какъ непріятельская армія спускается къ Бельбеку, небольшой рѣчкѣ на западномъ берегу Крымскаго полуострова, а флотъ, ее сопровождавшій, открылъ огонь по Константиновской батарее. Казалось, штурмъ ¹⁾ неизбеженъ, и защитники Севастополя думали только о томъ, какъ бы подороже продать свою жизнь. Но непріятель пріостановился на Бельбекѣ, заночевавъ тамъ, а на слѣдующій день исчезъ изъ вида. 14 сентября казаки донесли, что французы двинулись на востокъ, перешли Черную рѣчку и занимаютъ южную сторону Херсонесскаго полуострова и Камышевую бухту. Въ тотъ же день стало извѣстно, что англійчане заняли Балаклаву.

Лежащая въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Севастополя Балаклава представляетъ изъ себя крошечный, хорошенькій городокъ Таврической губ. съ населеніемъ въ полторы тысячи душъ. Небольшіе бѣлые домики ея словно скатились съ макушки горы и, катясь, кое-гдѣ позанѣшались и остановились—одни выше, другіе ниже. Большинство же скатилось къ самой подошвѣ и остановилось у береговъ огромнаго, извилистаго залива съ узкимъ входомъ, обставленнаго со всѣхъ сторонъ крутыми утесами.

¹⁾ Штурмъ— открытое общее нападеніе на крѣпость.

Давно, очень давно городкомъ этимъ владѣли генуэзцы, оставшіе на горахъ рядъ укрѣпленій, превратившихся съ теченіемъ времени въ живописныя развалины. Въ крайней башнѣ, выходившей на дорогу изъ Балаклавы внутрь Крыма, зашло изъ ожиданій непріятеля 110 русскихъ солдатъ балаклавскаго греческаго батальона, которымъ командовалъ полковникъ Манто. Ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Стамагги.

Когда авангардъ англійской арміи приближился къ Балаклавѣ, на него вдругъ выхнули 4 мортирки, разбѣсившіяся гранатами, а греческіе стрѣлки пошли катать изъ своихъ гладкостволокъ кругленькими пулями, презабавно прыгавшими по дорогѣ. Цѣлая часть прыгали пульки и пыхали мортирки передъ стоящею англійскою арміею, которая наконецъ выдвинула артиллерию и открыла канонаду. Пульки однакожь продолжали прыгать, а мортиры пыхать. Наконецъ заряды истощились. Батарея смолкла. Англичане вступили въ городъ и водрузили тамъ свое знамя.

Почти весь гарнизонъ, израненный и искалѣченный, былъ взятъ въ плѣнъ.

— Неужели же вы надѣялись съ горстью солдатъ остановить цѣлую армію?—спросилъ одинъ изъ англійскихъ генераловъ капитана Стамагги.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ,—но я сдѣлалъ все, что могъ. Теперь совѣсть моя спокойна; я исполнилъ свой долгъ.

Въ то время, какъ до севастопольцевъ дошли вѣсти о занятии непріятелемъ Балаклавы и Камышевой бухты, армія наша, расположившаяся послѣ Альванскаго сраженія на Куликовомъ полѣ, къ югу отъ Севастополя, вдругъ снялась съ мѣста, по приказанію главнокомандующаго кн. Меншикова, и исчезла изъ вида по направленію къ Бахчисараю. Никто изъ севастопольцевъ не зналъ, куда и зачѣмъ она ушла.

Что же это было за исчезновеніе цѣлой арміи, съ главнокомандующимъ во главѣ?

Князь Меншиковъ сообразилъ, что его армія не въ состояніи предотвратить паденія города въ случаѣ атаки непріятеля; а если бы онъ остался на южной сторонѣ и Севастополь палъ, то вся его армія была бы отрѣзана отъ Россіи, пражата къ морю и, по всей вѣроятности, истреблена превосходными силами непріятеля съ суши и моря. Вотъ почему и рѣшился онъ сдѣлать «трудное и отважное фланговое движеніе», какъ о томъ выразился впоследствии самъ императоръ Николай I, на сѣверъ, къ Бахчисараю; защиту же самого Севастополя онъ довѣрилъ героической храбрости моряковъ, съ Корниловымъ во главѣ. Но по свойственной ему скрытности, мрачности и самолюбію онъ счелъ за лишнее дать какія бы то ни было разъясненія своимъ подчиненнымъ и оставилъ всѣхъ въ тяжелой невѣдѣнности.

Севастополь явился такимъ образомъ самому себѣ предоставленнымъ. Можно себѣ вообразить ту тревогу, которая овладѣла его жителями! Мало защищенные съ сѣвера, они были совершенно не защищены съ юга, куда теперь направлялся непріятель. Всѣ знали, что силы его громады и вооруженіе превосходно. Если бы наша армія стояла еще вблизи Севастополя, то первый ударъ пришлось бы встрѣтить ей; теперь же севастопольцы видѣли себя волюнѣ беззащитными, и тревога ихъ возрастала съ каждымъ часомъ.

И тѣмъ не менѣе мысль о сдачѣ, о томъ, чтобы покориться врагу, не промелькнула ни въ чьей головѣ. Предоставленные самимъ себѣ, севастопольцы рѣшились сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, чтобы защищаться, защищаться отчаянно, до самой смерти.

Они принялись окапывать городъ рядомъ небольшихъ бастіоновъ¹⁾ и ложементовъ²⁾, чтобы встрѣтить непріятельскія штур-

¹⁾ Бастіонъ—важное укрѣпленіе съ валомъ и проездъ; въ бастіонѣ концентрируется нѣсколько орудій и пѣхота.

²⁾ Ложементы—рыи съ набросанными впередъ земляными пѣрами для прикрытія стрѣлковъ-пѣхотинцевъ.

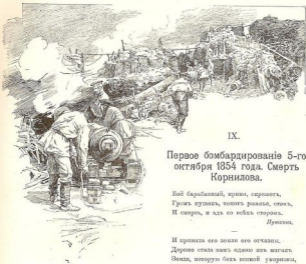

нующую колонны сильнымъ огнемъ. Работа кипѣла. За нее принялись не только моряки и представители всѣхъ городскихъ сословій, но даже жены и дѣти ихъ.

Эти женщины, носившія въ передникахъ землю, эти ребятишки, взапуски бѣгущіе съ горсточками ея, эти моряки, работающіе безъ усталости въ потѣ лица дни и ночи, эти офицеры и начальники, трудящіеся наравнѣ съ ними,—все это воздвигало ту грозную твердыню, которая на протяженіи семи верстъ охватила Севастополь съ суши и о которую около года разбивались соединенныя силы четырехъ европейскихъ арій.

Всѣми этими людьми, еще наканунѣ погруженными въ будничныя заботы, руководила чья-то невидимая рука, сливавшая всѣ усилія отдѣльныхъ личностей въ одно стройное цѣлое. Корниловъ и Тотлебенъ—«душа» севастопольской осады и ея «ухо»—вотъ лица, возвышавшіеся надъ всѣмъ этимъ копошавшимся міркомъ и руководившія имъ.

IX.

Первое бомбардированіе 5-го октября 1854 года. Смерть Корнилова.

Вой барабанный, крики, скрежета,
Грохъ пушекъ, толота разана, стоны,
И смерти, и адъ со всѣхъ сторона.

Душманъ.

И пришла его жена его отчизны,
Дорого стала намъ одною изъ массахъ
Веня, которую безъ пощадки укоризны,
Она такъ безжалостно и сѣкло такъ любилъ.

Служилой.

Наступило утро знаменитаго 5-го октября 1854 года.

На развѣстѣ съ непріятельскихъ батарей, какъ и въ предыдущіе дни, начали «попалывать» потихоньку.

Прошло половина седьмого, и вдругъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ непріятельскихъ батарей раздался страшный, оглушительный залпъ. Началась бомбардировка Севастополя и съ моря, и съ суши. Союзники дѣйствовали противъ насъ 1,364 орудіями; мы отвѣчали имъ всего лишь 270-ю. Обѣ стороны израсходовали въ этотъ памятный день 94,727 снарядовъ; изъ строя вышло убитыми и ранеными 2,118 человекъ.

Бомбардированіе 3-го октября представляло что-то неслыханное и невиданное, что-то «адское», «страшный судъ въ маломъ видѣ», какъ выражались очевидцы. Громадная площадь, отдѣлявшая осаждавшихъ отъ оборонившихся, буквально вздрагивала при каждомъ пономѣ залѣтѣ, а по окончаніи его тряслась, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Густой пороховой дымъ закрылъ всю мѣстность. Въ клубахъ этого чернаго «тумана» раздавались залпы орудій. Огонь, ярко вспыхивавшій на гребняхъ брустверовъ ¹⁾, едва-едва свѣтился и служилъ единственною пѣлью какъ для нашихъ, такъ и для непріятельскихъ артиллеристовъ. Этихъ моментальныхъ вспышекъ ожидали; на нихъ наводили орудія, посылая гибель и разрушеніе въ непріятельскій лагерь.

То же самое происходило между линіями союзнаго флота и нашихъ береговыхъ батарей. Море, какъ и суша, вздрагивало, шипѣло и пѣвилось отъ падавшихъ въ него снарядовъ. И здѣсь не было видно ни воды, ни неба. Сигналь, выкинутый на французскомъ адмиральскомъ кораблѣ: «La France vous regarde» («Франція смотритъ на васъ»), не былъ виденъ французскими моряками.

И среди всего этого огулашительнаго рева раздавались приказы, которыя всѣ слышали и исполняли; среди этого хаоса чья-то твердая рука руководила всѣми дѣйствіями оборонившихся; среди десятковъ смертей и душу надрывающихъ стоновъ гремѣла музыка, и съ лихою пѣсней шли люди, полные жизни, на смѣну своимъ павшимъ товарищамъ.

Въ самомъ началѣ бомбардированія Корниловъ, видя, что «дѣло начинается», вскочилъ на коня и помчался въ бой. За нимъ слѣдовалъ его штабъ.

На 5-ые бастіонѣ онъ встрѣтился съ Нахичевымъ. Павелъ Степановичъ, въ своихъ густыхъ адмиральскихъ эполетахъ, съ окрова-

¹⁾ Брустверь—галочный вѣнчикъ шагъ въ укрѣпленіи.

леннымъ лицомъ, стоялъ открыто въ амбразурѣ¹⁾, и наводилъ орудіе.

— Вы ранены?—спросилъ Корниловъ.

— Ничего-съ, маленькая царапина съ, спокойно отвѣчалъ Нахимовъ.

Въ то время, какъ Корниловъ обѣждалъ городскую сторону, Тотлебенъ обѣждалъ укрѣпленія, а контръ-адмиралъ Истоминъ воодушевлялъ своимъ присутствіемъ войска на Малаховомъ курганѣ. Вотъ та невидимая рука, которая руководила массами среди этого первобытнаго хаоса.

Возвращаясь съ 3-го бастиона, на который англичане направили весь свой огонь, Тотлебенъ встрѣтился съ Корниловымъ, скакавшимъ уже на Корабельную сторону.

— Что полковникъ?—спросилъ Корниловъ Тотлебена.

— На 3-й бастионѣ ужасно... Онъ въ критическомъ положеніи. Нѣсколько орудій подбито; многія амбразуры засыпаны.

— А люди?

— Выбиваютъ сильно, но держатся и мѣсть не оставляютъ. Саперы и матросы соперничаютъ въ усердіи и самоотверженіи.

— Молодцы!—вскрикнулъ Корниловъ.—Я хочу самъ все видѣть, и, расставшись съ Тотлебенемъ, онъ направился къ 3-му бастиону.

Взойдя на него, онъ увидѣлъ, что треть всего вооруженія уже сбита, и у остальныхъ орудій всѣ амбразуры разрушены.

— Что орудійная прислуга?—спросилъ Корниловъ.

— Пережѣнена уже разъ, ваше превосходительство, отвѣчали ему.

— Работаютъ молодцами!—сказалъ онъ.

— Рады стараться, ваше превосходительство!—раздалось на бастионѣ.

¹⁾ Амбразура—вырѣзка въ земляномъ валу, въ брустверѣ, черезъ которую стрѣляютъ изъ пушекъ; амбразуры бываютъ также и въ стѣнахъ и въ зданияхъ въ видѣ маленькихъ отверстій для пушекъ.

Дѣйствительно, подъ убійственнымъ огнемъ солдаты расчищали обрушивающіяся амбразуры; офицеры работали вмѣстѣ съ ними.

— Хорошо! Спасибо! Благодарю, ребята!.. — крикнулъ Корниловъ. — Помните, что мы должны драться съ непріятелемъ до послѣдней капли крови, должны скорѣе лечь здѣсь, чѣмъ отступить. Заколите того, кто осмѣлится говорить объ отступленіи! Заколите и меня, если и прикажу вамъ отступить!

— Ура-а-а!!! — грянуло на батареѣ, и Корниловъ сталъ спускаться съ нея.

— Теперь на Малазовъ курганы! — сказалъ онъ обращаясь къ своему штабу.

— Адмиралъ, ради Бога, не подвергайте опасности вашей жизни, заговорили со всѣхъ сторонъ офицеры: — мы обещаемъ исполнить свой долгъ по совѣсти.

Корниловъ придержалъ лошадей.

— Хотя я совершенно убѣжденъ, что каждый исполнитъ свой долгъ, какъ честь и обстоятельства того требуютъ, сказалъ онъ, — но въ такой торжественный день я чувствую душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ брани.

Онъ далъ лошади шпоры и помчался по линіи. Громкое «ура» сопровождало его.

Навстрѣчу ему то и дѣло попадались носилки съ ранеными.

— Откуда? — спрашивалъ онъ.

— Съ Малахова кургана, были почти постоянный отвѣтъ.

Быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто, Корниловъ то и дѣло обгонялъ партіи арестантовъ съ носилками, выпущенныхъ въ этотъ день изъ военной тюрьмы для помощи обороняющимся.

— Дѣлайте, дѣлайте, братья, свое святое дѣло!.. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Вотъ вамъ славный случай заслужить прощеніе за ваши проступки. Докажите, что вы — тоже люди. Вѣрате мнѣ, братьямъ, храбрыхъ ожидаютъ георгіевскіе кресты.

— Умремъ, голубчики! Умремъ родной! — кричали на бѣгу арестанты.

— И я буду счастливъ, что освободилъ васъ изъ острога и далъ вамъ возможность заглядѣть не только ваше преступленіе на землѣ, но и получить прощеніе на небесахъ. Живымъ награда, павшимъ—царство небесное!

— Братцами назвали! — говорили другъ другу арестанты, утирая слезы.

Вотъ и Малаховъ курганъ, осыпаемый ядрами. Корниловъ слѣлъ съ лошади и взошелъ на площадку, усыпанную осколками ядеръ, изломанными ружьями, сброшенными орудіями. Нѣсколько труповъ съ зияющими ранами лежали въ сторонѣ. Корниловъ перекрестился.

— Адмиралъ, здѣсь очень опасно, рѣшился зайти къ нему его адъютантъ.

— Опасность на всей оборонительной линіи, отвѣчалъ Корниловъ, поднимаясь выше.

— Вспомните приказъ государя: онъ повелѣлъ вамъ беречь себя, продолжалъ адъютантъ.

— Время ли теперь думать о безопасности?.. Если меня гдѣ нибудь не увидятъ, что обо мнѣ подумаютъ?..

Онъ поднялся еще на нѣсколько шаговъ.

— Хорошо, хорошо, благодарю! — обратился онъ снова къ защитникамъ. — И Богъ, и царь васъ не забудутъ!

Его привѣтствовали громовымъ «ура!»

Корниловъ стоялъ на банкетѣ¹⁾, смотря за брустверъ. Выраженіе его лица было покойно и строго; глаза, эти удивительные, уныные, вдохновенные глаза, сіяли какъ-то особенно; щеки пылали; голова была высоко приподнята. Худощавый и нѣсколько

¹⁾ Банкетъ—приспика земли у края съ внутренней стороны; на банкетѣ становится срубѣнъ и, кладя ружья въ гробовъ ящикъ, стрѣляютъ черезъ ящикъ, такъ что надъ ящикомъ показывается только верхъ головы.

сognутый станъ выпрямился; онъ сталъ точно выше обыкновеннаго. Видъ его воодушевлялъ всѣхъ.

Варугъ онъ упалъ. Всѣ бросились къ нему. Корниловъ былъ смертельно раненъ ядромъ въ лѣвую ногу. Взоръ его потухъ, словно задернулся туманомъ. Пылавшія щеки покрылись мертвенною блѣдностью.

— Носилки! — крикнулъ кто-то грустнымъ, надорваннымъ голосомъ.

Приблизились солдаты съ носилками; но отъ волненія остановились, какъ вкопанные, не смѣя дотронуться до обожаемаго начальника. Тогда онъ призвалъ на помощь всю свою желѣзную волю. Видя, что солдаты не въ состояніи поднять его своими дрожащими руками, онъ уперся кулаками въ землю и самъ перекинулся въ носилки.

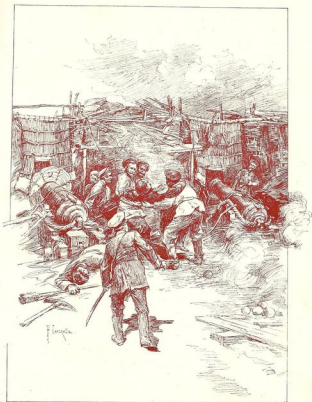
— Ну, господа, предоставляю вамъ отставать Севастополь.. Не отдавайте его... нѣтъ онъ еще силы произнести, обращаясь къ окружающимъ.

Когда носилки тронулись въ путь, всѣ переглянулись, точно не понимая, что произошло, а затѣмъ у всѣхъ мелькнула одна и та же мысль: «Нѣтъ его, нашего хорошаго Владиміра Алексѣевича!» Весь Севастополь надрогнулъ, какъ одинъ человѣкъ, узнавъ о смертельной ранѣ Корнилова. Въ теченіе тѣхъ двухъ часовъ, которые еще страдалъ до момента смерти этотъ могучій труженникъ, множество народа перебывало въ морскомъ госпиталѣ, гдѣ онъ лежалъ, и всѣ выходили оттуда съ опущенными головами, съ глазами, полными слезъ.

За нѣсколько мгновеній до смерти Корниловъ пришелъ къ себѣ.

— Скажите всѣмъ, проговорилъ онъ уже слабѣющимъ, но все еще внятнмъ голосомъ, обращаясь къ окружающимъ его близкимъ людямъ, — что хорошо умирать за отечество, хорошо умирать, когда совѣсть спокойна. Благослови, Господи, Россію и государя, спаси Севастополь и флотъ.

Съ этими словами онъ замолкъ навѣки.

Смерть В. А. Корнилова.

— Корниловъ умеръ!—Нѣтъ Корнилова!—Владиміръ Алексѣевичъ скончался!

Вотъ слова, облетѣвшія весь Севастополь. И тѣ, до кого они доходили, чувствовали, какъ сжимается ихъ сердце и слезы катятся изъ глазъ. Это общее горе, эти общія слезы выражали ясно, что чувствовали севастопольцы, говоря:

— Царство небесное Владиміру Алексѣевичу!

— Не отдавайте, братья, Севастополя!—сказала Владиміръ Алексѣевичъ,—и не отдадимъ, повторяли солдаты, съ особеннымъ ожесточеніемъ, будто мстя за своего отца-командира, посылая выстрѣлы въ непріятельскій лагерь.

Корнилова похоронили на другой день, вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, рядомъ съ Лазаревымъ, на мѣстѣ, гдѣ былъ заложень теперешній Владимірскій соборъ или «Соборъ четырехъ адмираловъ», какъ его еще называютъ. На Малаховомъ же курганѣ, тамъ, гдѣ онъ упалъ, пораженный ядромъ, солдатики сложили изъ бомбъ крестъ, вкопавъ ихъ на половину въ землю. Узнать о героической смерти Корнилова, Императоръ Николай I повелѣлъ назвать Корниловскимъ бастіонъ, гдѣ тотъ погибъ, и воздвигнуть ему тамъ памятникъ, что теперь и исполнено.

Корниловъ точно предчувствовалъ свою смерть. Отправляясь на Малаховъ курганъ, онъ снялъ съ себя часы и велѣлъ передать ихъ своему старшему сыну. Духовное завѣщаніе было написано имъ тотчасъ послѣ сраженія при Альмѣ. Вотъ, что говоритъ онъ въ немъ своимъ сыновьямъ:

«Избравъ однажды службу государю, не мѣнять ее и приложить все усилія сдѣлаться полезными обществу, не ограничиваясь уставомъ, а занимаясь съ любовью, изучая всѣми своими способностями то, что для полезнѣйшихъ дѣйствій пригодно.»

Канонада 5-го октября продолжалась всего лишь 6 часовъ, но въ теченіе этого времени, по расчету графа Тотлебена, непріате-

земь было выпущено 59 тысяч снарядовъ, а ревъ орудій доносился до Симферополя, находящагося отъ Севастополя на разстояніи 73-хъ верстъ.

Въ этотъ день побѣда осталась за нами; французскія батареи были подбиты, а флотъ потерпѣлъ сильный уронъ. Англійскій корабль «Артемуза» получилъ 93 пробоины; «Альбионъ» былъ поврежденъ и ушелъ въ Константинополь; французскій адмиральскій корабль «Городъ Парижъ» получилъ 50 пробоинъ; на кораблѣ «Наполеонъ» была пробита подводная часть, а на «Шарлеманъ» оказалась испорченною машина и пробиты всѣ деки.

Но успѣхъ нашъ былъ купленъ дорогою цѣной: на Малаховомъ курганѣ былъ смертельно раненъ адмиралъ Корниловъ, 3-й бастионъ былъ почти совершенно уничтоженъ, и изъ строя вышло 1,112 защитниковъ Севастополя.

Разумѣется, послѣ такого исхода перваго бомбардированія непріятель не могъ думать о штурмѣ: онъ былъ занятъ починкою осадныхъ работъ.

Защитники же Севастополя возвысились духомъ. 5-е октября дало имъ возможность увѣровать чуть что не въ равенство своихъ силъ съ противниками. Обрушившіеся бастионы, растрепанныя батареи, подбитыя орудія—весь этотъ хаосъ какъ бы грозилъе прежняго смотрѣть на непріятеля.

— Съ сегодняшняго дня Севастополь сталъ намъ еще дороже, говорили его защитники—нельзя отдать врагу ту землю, на которой похороненъ прахъ Корнилова.

X.

Инкерманское сражение.

Удачный исход первого бомбардирования настолько поднял дух осажденных, что кн. Меншиков рѣшился этим воспользоваться и перейти въ наступленіе. Съ этою цѣлью 13 октября была составлена особый Чаргунскій ¹⁾ отрядъ, напавшій на англійскую позицію. Наши войска сбили передовые англійскіе посты, проникли почти до Балаклавы и взяли Кадикойское укрѣпленіе. Захвативъ 11 непріятельскихъ орудій, русскіе отступили, разбитъ при этомъ англійскую кавалерію, пытавшуюся перейти въ наступленіе.

Результатъ сраженія подъ Балаклагою былъ тотъ, что англичане, такъ успѣшно дѣйствовавшіе противъ нашего 3-го бастіона, не рѣшились продолжать осадныя работы и занялись укрѣпленіемъ лагеря подъ Балаклагою.

Французы между тѣмъ повели подступы траншеями ²⁾ противъ 4-го бастіона настолько успѣшно, что заложили послѣднюю траншею.

¹⁾ Названіе свое этотъ отрядъ получилъ отъ деревни Чаргунъ, лежащей верстахъ въ 12-ти отъ Севастополя, на юго-востокъ, въ тылу англійской арміи.

²⁾ Траншеи—рвы съ залпками въ сторону осаждаемаго. Траншеи возмощаютъ атаку.

шею въ 65-ти саженихъ отъ бастіона. Съ такого близкаго разстоянія 4-й бастіонъ буквально засыпался снарядами, и его земляные валы разбрасывались неприятельскими бомбами. Французы пускали противъ него снаряды изъ 74 орудій. Убитыми и ранеными выбывало у насъ изъ строя ежедневно до 150 человекъ. Между тѣмъ потерявъ 4-й бастіонъ значило потерять весь Севастополь. Не мудрено, что на этомъ пунктѣ сосредоточивался теперь всеобщій интересъ. Въ палаткахъ маршантовъ, въ трактирахъ и ресторанахъ шелъ разговоръ преимущественно о 4-мъ бастіонѣ. Едва узнавали, что среди присутствующихъ находится кто-нибудь съ 4-го бастіона, какъ на него обращались всѣ взгляды. Достаточно было произнести слово «4-й бастіонъ»¹⁾, чтобы сдѣлаться предметомъ общаго вниманія.

Борьба здѣсь шла не на жизнь, а на смерть; желѣзная грудь русскаго солдата геройски отражала натискъ неприятеля. Но силы защитниковъ 4-го бастіона начинали, видно, слабѣть; между тѣмъ изъ неприятельскаго лагеря получались извѣстія, что тамъ готовятся къ штурму.

Въ силу этихъ извѣстій съ 21-го октября принялись укрѣплять оборону въ самомъ городѣ. Для этого всѣ зданія возвышенной части города, составлявшія театральнй кварталъ, были приведены въ оборонительное положеніе. Двери и окна были заложены, и въ нихъ продѣланы бойницы. Въ церквяхъ поставлены пушки, на углахъ улицъ—различныя орудія. Входы улицъ баррикадированы и вооружены. Во всѣхъ домахъ, приготовленныхъ для обороны, поставлены войска.

Чтобы отвлечь вниманіе неприятеля отъ 4-го бастіона, кн. Меншиковъ рѣшился воспользоваться присланными изъ Россіи подкрѣпленіями и вновь перейти въ наступленіе,—и 24-го октября произошло знаменитое Инкерманское сраженіе. За два дня до

¹⁾ См. „Севастополь въ декабрѣ 1854-го“ гр. Даша Топоцкого. Сочиненія т. III, стр. 193.

этого сраженія въ Севастополь прибыли великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, присланные на театръ войны державною волею ихъ августѣйшаго отца.

— Долгъ чести требуетъ отправить моихъ рекрутъ въ Крымъ къ Меншикову, говорилъ Императоръ Николай Павловичъ окружающимъ:—отправить съ тѣмъ, чтобы они тамъ оставались при немъ до нивновенія опасности или до изгнанія врага. Если опасность есть, то не моихъ дѣтямъ удалиться отъ нея. Присутствіе ихъ докажетъ войскамъ мое довѣріе къ нимъ.

Великіе князья остановились на Сѣверной сторонѣ, въ маленькомъ почтовомъ домикѣ,—вотъ до какой степени тѣсно и скудно жилось тогда въ Севастополѣ!

Рано утромъ 23-го октября великіе князья явились къ войскамъ, уже готовымъ къ выступленію изъ Севастополя. Шелъ дождь, по-свистывалъ холодный вѣтеръ, задувая костры, около которыхъ грѣлись на улицахъ и площадяхъ бивуакирующие солдаты. Вдругъ вдали раздались крики: «ура!»

— Что такое? Кому это?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

Толпа росла передъ тихо двигавшеюся коляскою, въ которой сидѣли два высокіе, молодые офицера, одѣтые въ солдатскія шинели. Шапки летѣли вверхъ, крики не утихали. Это ѣхали великіе князья.

На лицахъ ихъ, молодыхъ и красивыхъ, съ едва пробивающимися усами, сіяла улыбка. Николаю Николаевичу было тогда 23 года, а Михаилу Николаевичу—22.

Изъ коляски звонко гремѣли ихъ голоса:

— Драться будемъ, ребята!

— Рады стараться, ваши императорскія высочества!—отвѣчали имъ тысячи голосовъ.

— Государь Императоръ кланяется вамъ, говорили они, двигаясь далѣе.

Громкое «ура!» гремѣло въ отвѣтъ этому поклону.

Въ самый день Инкерманскаго сраженія великіе князья находились въ штабѣ главнокомандующаго. Съ разсвѣта они были уже на коняхъ и, окруженные свитой, скакали на поле битвы.

Войско поднялось въ два часа ночи съ холоднаго бивуака, такъ какъ огня не позволено было разводить, чтобы непріятель не обратить вниманія на движеніе въ нашемъ лагерѣ. Дождь, шедшій непрерывно весь день наканунѣ сраженія, продолжалъ лить, какъ изъ ведра; глинистая почва севастопольскихъ окрестностей размякла; дороги покрылись густою, невылазною грязью.

Англичане, не подозревая опасности, спокойно спали въ своемъ лагерѣ. Передовые посты ихъ, насквозь промоченные дождемъ, вябли на холоднои, пронзительномъ вѣтрѣ; полусонные отъ усталости и изнуренія, они не обращали особеннаго вниманія на происходившее въ нашемъ лагерѣ движеніе. Нѣкоторые изъ часовыхъ слышали какой-то отдаленный шумъ и скрипъ колесъ, но не придавали этому особаго значенія, приписывая его движенію татарскихъ арбъ. Сѣрый туманъ и сѣрая шинель русскихъ солдатъ скрывали ихъ наступательное шествіе. Они дошли незамѣтными до передовой непріятельской цѣпи и захватили въ плѣнъ непріятельскій пикетъ.

Въ этотъ моментъ движеніе нашихъ войскъ было обнаружено, и началась первая перестрѣлка.

Английскій генералъ Кондрингтонъ, выхавшій рано утромъ для осмотра своихъ передовыхъ постовъ, встрѣтилъ бѣгущихъ часовыхъ.

— Что означаютъ эти выстрѣлы?—спросилъ онъ.

— Русскіе наступаютъ, отвѣчали ему.

Барабаны забили тревогу. Лагерь быстро пришелъ въ движеніе, и начался бой, жестокой, ужасный и по количеству жертвъ, и по ожесточенію сражавшихся. Тутъ шли въ дѣло штыки, приклады, тесаки, камни, кулаки, зубы. Каждая пядь земли покупалась

лась кровью, смертью, увечьемъ, страданіями. Ни та, ни другая сторона не уступали, обнаруживая чудеса храбрости и самоотверженія.

Стрѣлокъ Колыванскаго полка Полѣновъ, работавшій направо и налево прикладомъ, видитъ себя окруженнымъ цѣлою массою англичанъ. Сознавая, что ему не избавиться отъ плѣна, Полѣновъ отбѣгаетъ въ сторону, крестится и съ крикомъ: «въ плѣнъ не дамся!»—бросается внизъ головою со скалы и убивается до смерти.

Юнкеръ Есаковъ, отступая, несетъ на себѣ тѣло убитаго штабсъ-капитана Клейменова и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ, получивъ смертельную рану.

Вотъ крошка-капитанъ Воротниковъ, щедедушный на видъ, одинъ отбивается отъ массы рослыхъ англійскихъ гвардейцевъ. Онъ бросилъ въ сторону свою старой формы пѣхотную полу-саблю, неудобную въ бою, сорвалъ съ убитаго солдата своей роты шанцевый топоръ и, не снимая съ него чехла, началъ рубить направо и налево. Откуда эта мощь въ такомъ слабомъ тѣлѣ?

— За мной!—раздается голосъ подполковника Горева, и онъ, размахивая саблею и вжавъ одною рукою кровь, льющуюся изъ оторваннаго уха, спѣшитъ подъ роень пулъ схватиться въ послѣдній разъ съ врагами. Онъ сбѣжалъ почти въ самую середину отряда непріятелей; на него посыпались удары; онъ былъ уже буквально перерубленъ, когда сбѣжавшіе за нимъ солдаты ворвались въ отрядъ и выхватили его изъ рукъ враговъ. Ослабѣвшій, истекающій кровью, онъ кричалъ несущимъ его солдатамъ:

— Бросьте!. Бросьте меня!. Я—уже ненужная вещь. Возвратитесь туда, куда насъ призываетъ отечество!.

Истинными героями держали себя во время Инкерманскаго сраженія и молодые великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Въ подлинномъ донесеніи князя Меншикова Е. И. В. Императору Николаю I о сраженіи 24-го октября мы читаемъ:

«Доказавъ уже на полѣ сраженія все мужество свое и хладнокровіе, Великіе Князья пожелаали въ тотъ-же день посѣтить бастионы и батареи, чтобъ устно, во исполненіе Высочайшей воли Вашей, передать храбрымъ морякамъ «Царское спасибо». Въ это время всѣ почти батареи дѣйствовали, и особенно на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неутомимый, такъ что всю дорогу къ этому бастиону громъ ядеръ и даже свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великіе Князья. На Малаховомъ курганѣ непріятель доставилъ отчаянный случай защитникамъ Севастополя свое испытанное мужество сочетать впервые съ испытаннымъ мужествомъ дорогихъ Россіи Сыновей! Въ присутствіи Ихъ Высочества, почти къ ихъ ногамъ упали два непріятельскихъ ядра въ брустверъ; третьимъ, ударившимъ въ шпатель, засыпало прислугу, и наконецъ, какъ бы въ довершеніе испытанія, бомба передъ ихъ ногами разрушила заданіе въ то время, когда въ нѣсколькихъ шагахъ Ихъ Высочества одушевляли команду милостивыми словами Вашего Величества.

«Лишнее было-бы говорить, что всѣ эти минуты, которыя могли-бы быть роковыми, Государя Великіе Князья были, осмѣлюсь и здѣсь повторить, — истинно русскими молодцами!»

Въ отвѣтъ на это Императоръ Николай I въ собственноручномъ письмѣ къ князю Меншикову отъ 2-го ноября говоритъ:

«Пекись о раненыхъ ради Бога и призри ихъ сколько можно»...

«Ободри войска, говори съ ними Моиимъ именемъ, благодари ихъ, чтобъ знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до Меня ихъ подвиги. Представляй скорѣе къ наградамъ отличившихся»...

«Ежели ты доволенъ Моиими ребятами, то вручи имъ обонимъ Георгіевскіе кресты 4-й степени».

И, несмотря на всѣ эти подвиги, на все героизмъ нашего войска, Инкерманское сраженіе было для насъ проиграно.

Императоръ Николай Павловичъ, хорошо понимавшій все значеніе, которое должно было имѣть для насъ это сраженіе, въ письмѣ къ князю Меншикову, говоритъ:

«Севастополь не можетъ пасть, имѣя въ своемъ распоряженіи восемьдесятъ тысячъ героевъ, доказавшихъ, что для нихъ нѣтъ невозможнаго». Но онъ тутъ же прибавляетъ: «лишь бы вели ихъ, какъ слѣдуетъ и куда слѣдуетъ».

Горе же наше въ томъ, что этихъ героевъ вели именно не такъ, какъ слѣдуетъ, и не туда, куда слѣдовало. Между начальниками отдѣльныхъ частей не было достаточно соглашенія; не произошло необходимыхъ соединеній отрядовъ въ заранее определенныхъ пунктахъ; полки, ослабѣвшіе въ бою, не получили надлежащихъ подкрѣпленій, и наши войска принуждены были отступить, потерявъ въ бою 11,664 солдата, 289 офицеровъ и 6 генераловъ.

Потери союзниковъ были тоже такъ значительны, а геройская борьба нашихъ войскъ произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они начали серьезно подумывать о снятіи осады, особенно послѣ разитравшейся, нелѣпо спустя, страшной бури, причинившей союзному флоту большія бѣды.

Буря эта, свирѣпствовавшая въ Черномъ морѣ 2-го ноября 1854 года, принадлежитъ къ числу самыхъ необыкновенныхъ штормовъ даже въ этомъ, знаменитомъ своими бурями морѣ. Въ теченіе нея погибло до 1,500 человекъ и имущества на 60 милліоновъ франковъ. Трудно описать, что происходило въ это время въ непріятельскихъ лагеряхъ. Смятеніе было всеобщее; люди бѣгали безцѣльно по разнымъ направленіямъ. Порывами вѣтра срывало палатки и носило ихъ съ одного мѣста на другое. Проливной дождь залилъ наши и непріятельскія траншеи; вода грозно залила и пороховые погреба. Вѣтеръ опрокидывалъ деревянные баракы, служившіе лазаретами для французскихъ войскъ, и ломалъ ихъ на части. Несчастные раненые ползали по землѣ, истекая кровью, заливаемые водой и пронизываемые вѣтромъ. Съ берега то и дѣло давали знать о крушеніяхъ. Сорванные ураганомъ съ якорей суда носились по морю, сталкивались, разбивались и исчезали въ моръ-

ской пучины. Было уже известно, что 7 транспортных судов, нагруженных пропантомъ, фуражемъ, боевыми принадлежностями и теплою одеждою, потонули. Пришло известіе, что потонулъ пароходъ «Принцъ» съ большаго количествомъ инженерныхъ запасовъ, а стонущечный корабль «Георги IV» выброшенъ на берегъ и разбитъ.

Меншикову донесли, что противъ устья р. Качи выброшено на берегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ.

— Отправить туда немедленно Камчатскій полкъ и съечь непріятельскія суда, приказалъ Меншикову.

Камчатскій полкъ отправился по назначенію, но, найдя тамъ не военная, а транспортная несооруженная суда, донесъ объ этомъ Меншикову.

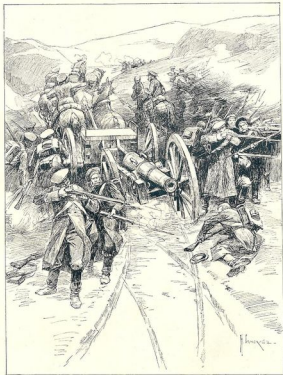
Тогда тотъ приказалъ:

— Заняться спасеніемъ бѣдствующаго въ морѣ экипажа.

И не однимъ только Камчатскимъ полкомъ, а всѣми, кому только было возможно, предпринимались самыя энергичныя мѣры для спасенія экипажей выброшенныхъ на мель непріятельскихъ судовъ.

Многіе изъ нашихъ кораблей были также снесены бурей, и хотя ни одного не погибло, но потребовались большія починки.

Одинъ изъ эпизодовъ Инкерманскаго сраженія.

XI.

Зима 1854—55 года.—Военныя дѣйствія.

Какъ подъ трюхою гранаты, какъ
своимъ плаки и димъ,
Воды немощные, тяжёлою стеною
Выходили резулы одни изъ друтихъ,
Пронзи глыбою росли бастионы.

Александръ.
„Бюллетень войны о Севастополѣ“.

Послѣ бури 2-го ноября погода совершенно измѣнилась. Наступили холода; дождь смѣнился снѣгомъ. Съ перемѣною погоды перемѣнилась и характеръ военныхъ дѣйствій.

Мысль о снятїи осады, возникшая послѣ Инкермана, была оставлена союзниками, но наступило нѣкоторое затихнїе. Непрїятельскїе лагери продолжали обмѣниваться выстрѣлами; происходили вылазки и небольшїя стычки при встрѣчахъ. Шла главнымъ образомъ подземная, минная война.

Главною цѣлью всѣхъ непрїятельскихъ дѣйствій оставался по-прежнему 4-й бастионъ. Но, убѣдившись въ безуспѣшности надземныхъ работъ, французы пытались подорвать этотъ бастионъ минами. Увѣдомленный объ этомъ Тотлебенъ приказалъ рыть развѣдочныя колоды. Оказалось, что на глубинѣ 16 футовъ, подъ скалою, залегаетъ слой глины толщиной въ 5 футовъ, за который

идеть опять скала. Несомнѣннымъ стало, что французы поведутъ своимъ минамъ именно въ этотъ глинистомъ слой. Въ ночь Тотлебенъ заложилъ и наши контрмины. Къ 18-му января бастіонъ былъ окруженъ нашею подземною галлереей, изъ которой шли по направленію къ неприятелю слуховые рукава на разстояніи отъ 10 до 25 саж. 21-го января наши услышали шорохъ и даже голоса французскихъ минеровъ, и на слѣдующій день неприятельскія работы были взорваны.

Наши подземныя галлерей имѣли болѣе 6-ти верстъ въ длину (3,230 саж.) и велись такъ успѣшно, что на всѣхъ пунктахъ мы предупреждали французонъ и 94-мя взрывами уничтожили всѣ ихъ подземныя работы. Благодаря этимъ подземнымъ галлереемъ и ряду траншей и ложементовъ, воздвигнутыхъ защитниками Севастополя, французы во всю зиму не подвинулись къ 4-му бастіону ни на шагъ.

Видя бесплодность своихъ работъ противъ 4-го бастіона, союзники на военномъ совѣтѣ 20-го января рѣшили перенести центръ атаки къ Малахову кургану. Предполагалось открыть противъ него осадныя работы, ослабить его артиллерію и затѣмъ какъ можно быстрѣе занять его. Но планъ этотъ былъ разгаданъ Тотлебеномъ.

— Надо намъ выдвинуть впереди Малахова кургана укрѣплѣніе, сказали онъ окружающимъ.

Сказано—сдѣлано. Дѣло это взялъ на себя генераль Хрущовъ, человекъ испытанный въ бояхъ, храбрый, хладнокровный, распорядительный. Въ сумерки 9-го февраля отправился онъ съ тремя батальонами Селевгинскаго полка на мѣсто, гдѣ нужно было воздвигнуть редутъ.

На 3-й бастіонѣ Хрущовъ встрѣтилъ начальника гарнизона, барона Остенъ-Сакена.

— Ваше превосходительство, благословите!—сказалъ онъ ему. Остенъ-Сакенъ перекрестилъ его.

Въ эту ночь были заложены редуты, названный Селенгинскимъ, и неприятель, проснувшись, съ изумленіемъ увидѣлъ «эту бородавку, выросшую чуть не на самомъ его носу».

Такихъ же точно совершенно неожиданнымъ для неприятеля образомъ въ теченіе одной ночи были заложены Волинскимъ и Камчатскимъ полками Волинскій редутъ и перелъ самымъ Малаховымъ курганомъ Камчатскій люнетъ.

Эти три укрѣпленія, остановившую атаку неприятеля противъ Малахова кургана, само собою разуйѣтся, были бѣльмою на глазу у союзниковъ, и вотъ у нихъ-то и началась теперь отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть: открылось бомбардированіе, начались вылазки; союзники принуждены были медленно, шагъ за шагомъ брать ту мѣстность, на которой имъ можно было бы вести правильную осаду противъ Малахова кургана, этого главнаго оплота Севастополя.

Оборона Малахова кургана лежала главнымъ образомъ на контръ-адмиралѣ Истоминѣ. Это былъ неутомимый труженникъ, другъ Корнилова и Нахимова. Съ 1-го октября по 7-е марта Истоминъ ни одной ночи не спалъ раздѣтый.

— Берегите себя, убѣждали его.

Истоминъ улыбался.

— Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ, говорилъ онъ.—Мнѣ слѣдовало погибнуть еще въ первое бомбардированіе, а теперь я, все равно, живу, не въ зачетъ.

Не долго пришлось ему однакожъ ждать очереди. 7-го марта онъ возвращался съ Камчатскаго люнета на Малаховъ курганъ и шель по обыкновенію не во рву, а по самой насыпи,—при немъ было двое его сослуживцевъ.

— Сойдите въ ровъ, генераль, наставлялъ одинъ изъ нихъ:— вы здѣсь на виду; въ васъ ибѣгать.

— Все равно, отъ ядра не уйдешь, отвѣчалъ Истоминъ; но не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ налетѣвшее ядро оторвало ему голову.

Теперь изъ любимыхъ черноморскихъ героев оставался въ живыхъ одинъ только Нахимовъ.

Похоронили Истомина во Владимірскомъ соборѣ, рядомъ съ Корниловымъ и Лазаревымъ. Нахимовъ несъ гробъ товарища до могилы, и крупныя слезы текли по его щекамъ. Заглянувъ въ склепъ, гдѣ уже покоился Корниловъ и дорогой ихъ общій учитель Лазаревъ, Павелъ Степановичъ тихо проговорилъ:

— Есть мѣсто еще для одного: лягу хоть въ ногахъ у своихъ товарищей.

Остался Малаховъ курганъ безъ Истомина, какъ дѣтище безъ отца родного. Но защитниковъ у него было еще много.

Непріятель началъ быстро подступать къ нашимъ новымъ укрѣпленіямъ и очутился уже въ 40 саженьяхъ отъ нашихъ ложементовъ. Надо было, во что бы то ни стало, удалить эти подступы. Съ этою цѣлью была рѣшена усиленная вылазка въ ночь съ 10-го на 11-е марта, а главное начальство поручено генералу Степану Александровичу Хрулеву.

Солдаты боготворили Хрулева и готовы были идти за нимъ въ огонь и воду. Чуть замѣтитъ онъ, бывало, въ бою, что они пріуныли, крикнетъ имъ:—«Не выдавайте, благодѣтели!»—такое у него любимое слово было,—и бросится первый въ огонь, а всѣ за нимъ. Солдаты были убѣждены, что онъ неуязвимъ, что его хранитъ небесная сила.

Дѣйствительно, непріятельскіе снаряды точно не смѣли коснуться его: иной разъ сыплются вокругъ него бомбы, какъ градъ, а онъ сидитъ въ мохнатой папахѣ на своей сѣрой лошади да только посмѣивается:

— Не всякая говорить,—бомба убиваетъ!

Наступила ночь 10-го марта. Къ 9-ти часамъ войска, назначенныя къ вылазкѣ, собрались въ определенной пунктъ. Среди нихъ не мало было и охотниковъ, добровольно идущихъ на вылазку.

Ночь была хотя и лунная, но бурная; черныя облака носились по небу и то заволакивали луну, то снова ее открывали. Разсыпанная цѣпь стрѣлковъ тихо шла вперед, прикрывая батальоны. Они шли, прислушиваясь къ стуку неприятельскихъ кирокъ и лопатъ. Вдругъ раздался залпъ. Неожиданно, словно изъ тучи, вырвалась масса французовъ и кинулась на нашихъ стрѣлковъ. Страшная рѣзня произошла въ темнотѣ ночи. Подступившія работы неприятеля были разрушены; но къ французамъ спѣшили подкрѣпленія, и русскимъ велѣно было отступать. Французы ободрившись и бросились за нашими.

Генералъ С. А. Хрушевъ.

Вдругъ въ рядахъ отступавшихъ русскихъ раздалось гвѣніе тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достойніе Твое...» Луна выглянула изъ-за тучъ, и солдаты увидѣли въ своихъ рядахъ іеромонаха Аника, въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ.

— Ура-а-а-а!—раздалось среди вновь наступившаго мрака, и отступление перешло въ жесточайшее нападеніе.

Іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, или Аника, какъ его звали матросы, любимецъ севастопольцевъ, узнавъ о вылазкѣ, пошелъ вслѣдъ за войсками, чтобы быть при умиравшихъ и напутствовать

ихъ въ жизнь вѣчную. Его старались удержать; доказывали, что его мѣсто на перевязочномъ пунктѣ.

— Мое мѣсто тако, — отвѣчалъ онъ, — гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ готовятъ къ смерти.

И онъ шелъ впередъ подъ градомъ пуль и ядеръ.

Рѣзня шла ужасная. Хрулевъ увидѣлъ, что пора ее прекратить и возвратиться обратно; онъ послалъ своихъ ординарцевъ съ приказаніемъ отступать, но ихъ никто не слушалъ.

— Не таковскій генералъ, чтобы отступить приказалъ, отвѣчали солдаты и шли впередъ, безцѣльно погибая въ непріятельскихъ траншеяхъ.

Варугъ среди этого хаоса раздается громкій голосъ:

— Дайте подкрѣпленіе, да не останутся раненые среди непріятелей.

Это кричалъ іеромонахъ Аника.

Хрулеву пришла въ голову мысль.

— Батюшка, сказалъ онъ, подходи къ монаху. — подкрѣпленій я вамъ дать не могу, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отдадите отъ моего имени приказаніе оставшимся въ траншеяхъ отретироваться немедленно, подобравъ по возможности раненыхъ.

Іеромонахъ передалъ солдатамъ приказаніе Хрулева. Тѣ немедленно его послушались и отступили.

30 офицеровъ и 1,000 солдатъ выбыли изъ строя въ теченіе этой вылазки. Непріятель потерялъ вдвое болѣе.

На другой день назначено было перемиріе. Съ обѣихъ сторонъ вывѣсили бѣлые парламентерскіе флаги и, по взаимному соглашенію, производили уборку тѣлъ. Народъ высыпалъ на поле, усыпанное ими. Русскіе и французы сѣдвали другъ къ другу съ самыми миролюбивыми намѣреніями — поговорить и попотчевать другъ друга табакомъ и водкой. Всюду видны были кучки солдатъ, кое-какъ объяснявшихся съ французами и покижавшихъ имъ руки.

— Мусье франсе, дай огня трубку закурить, скажеть матрость и набиваеть махоркой свою коротенькую глиняную носогрѣйку.

И французъ набиваеть свою трубочку, и она жьвнётся ини.

— Табакъ бонъ ¹⁾, скажеть матрость, потягивая изъ французской трубки:—слабовать только.

А французъ, затянувшись махоркой, закашляется и плакеть. Всѣ смѣются.

— Что? Небось, крѣпкоць русской табакъ!.. То-то.

Съ англичанами наши солдатики мало сходились, но съ французами во время перемирій у нихъ устанавливались самыя задушевныя отношенія; взаимнаго озлобленія не было ни малѣйшаго. Дружно убирали они сообща массу тѣлъ, лежавшихъ кучами на полѣ битвы, хоронили мертвыхъ, а подававшихъ еще признаки жизни относили на ближайшей перевязочный пунктъ.

Тамъ шель, что называется, дымъ короуисломъ. Лѣкаря и фельдшера бѣгали и суетились подъ руководствомъ какого-то челоуѣка съ умнымъ выразительнымъ лицомъ, съ высокимъ лбомъ, покрытымъ крупными каплями пота отъ усиленной работы, съ засученными по локоть рукавами. Кждаго новаго раненаго онъ окидываль быстрыми, пронзательными глазами.

— На столъ!—кричалъ онъ объ одномъ, на койку!—о другомъ. Въ Инженерный!—говориль о третьемъ, къ Гушину!—шпнталь о четвертомъ.

Это былъ Николай Ивановичъ Пироговъ, знаменитый русский хирургъ, мыслитель и общественный дѣятель, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Однимъ изъ первыхъ отправился онъ подъ Севастополь и въ теченіе всей осады совершалъ великое дѣло христіанскаго челоуѣколюбія.

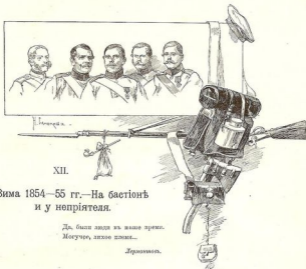
Раненые, которыхъ по его приказанію клали на столъ, были такіе, которымъ надо было сдѣлать ампутацію; быстро отнималась

¹⁾ Хорошь.

рука или нога и летѣла въ окровавленный уголъ, заваленный человѣческими членами. На койкахъ совершались перевязки. Въ Инженерный несли такихъ, которымъ не требовалось немедленной помощи, а въ домъ Гущина—тѣхъ, на жизнь которыхъ уже не надѣялись.

Вѣрными помощниками Парогова, его правою рукой, являлись сестры милосердія, о которыхъ мы расскажем далѣе подробно. Теперь же, познакоившись съ тѣмъ, что творилось на полѣ битвы въ памятную зиму 1854—55 гг., посмотримъ на домашнее житье-бытье защитниковъ Севастополя.

XII.

Зима 1854—55 гг.—На бастионѣ и у непріятеля.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя...

Григорьев.

Домашний уголъ защитника Севастополя явился бастионъ. Солдатики такъ привыкли къ своимъ бастионамъ, что въ городъ почти и не ходили. Но незавидную картину представляла эта жизнь на бастионѣ. Нужно было имѣть необыкновенную выносливость, чтобы оставаться спокойнымъ и бодрымъ, ютись въ землянкахъ, подвергаясь всевозможнымъ лишениямъ и слыша надъ своею головою непрерывный свистъ бомбъ и ядеръ.

Наиболѣе безопасными мѣстами на бастионѣ считались блиндажи и брустверы. Блиндажемъ называлась вырытая вдоль одного изъ траверсовъ ¹⁾ яма, почти въ сажень глубиною, шагомъ

¹⁾ Траверсы—повторяемы короткіе валы, представляющие периодическую въ главному валу-брустверу. Траверсы дѣлятъ внутреннюю площадь укрепленія какъ бы на окопы и предохраняютъ отъ боковыхъ выстрѣловъ.

сень въ длину и нѣсколько менѣе въ ширину. Блиндажъ раздѣлялся на двѣ половины земляною же стѣною и имѣлъ два отверстія для выхода на площадку бастиона. Сверхъ этой ямы дѣлался накатъ изъ толстыхъ бревенъ, съ толстымъ слоемъ земли наверху. Въ одной половинѣ помѣщались офицеры, въ другой—солдаты, преимущественно матросы. Офицерскій блиндажъ устраивался по возможности уютно; лавки покрывались коврами. У солдатъ блиндажъ былъ загроможденъ нарами; пространство между поломъ и потолкомъ оставалось въ аршинъ и, самое большее, аршина въ полтора. Въ каждомъ блиндажѣ были образы, а иногда два или три, съ кисейнымъ или шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчей теплилось у каждаго образа, особенно по вечерамъ.

На каждомъ бастионѣ былъ свой особый «мертвенный уголъ». Покойники лежали на землѣ, въ одну шеренгу, «обряженные» товарищами; каждому была вставлена въ руку восковая свѣча. Поутрамъ прѣзжали на бастионы такъ называемыя «покойничія фурки», отвозившія трупы на Графскую пристань; тамъ они сдвигались на баркасъ и перевозились на Сѣверную сторону для погребенія въ «обратныхъ могилахъ». Унтеръ-офицеръ, переправлявшій тѣла, назывался «Харономъ». ¹⁾

Братскія могилы, куда складывались тѣла павшихъ за вѣру и отечество борцовъ, копались огромныя. Въ нихъ складывалось человѣкъ по 50 и болѣе. Покойники погребались въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ. Ихъ клали головами къ краямъ могилы, а ногами другъ къ другу. Положивъ десять человѣкъ, ихъ засыпали сперва известью, а потомъ небольшимъ слоемъ земли. На этотъ слой клался второй рядъ, снова засыпался известью и землею, затѣмъ третій, четвертый и пятый, поверхъ котораго насыпался большой холмъ. Въ гробахъ хоронили только офицеровъ; гроба эти были въ большинствѣ

¹⁾ Первозачникъ дулъ черезъ рѣку Сивекъ въ царство Плутона-боса перевозчикомъ (Греческая мифология).

случаевъ розовые, съ серебряными крестами. Масса могильныхъ холмовъ возвышалась на огромной полѣ Сѣверной стороны Севастополя; три громадныхъ кладбища возникли тамъ, расширялись съ каждымъ днемъ и, наконецъ, слились вмѣстѣ.

Хоронили по родамъ войскъ. Въ одномъ отдѣленіи ютились артиллеристы, въ другомъ моряки, въ третьемъ саперы и инженеры, а самое большое отдѣленіе занимала пѣхота.

Сурьеза въ траншеѣ.

Могилы моряковъ выдѣлялись изъ среды остальныхъ особымъ за ними уходомъ. На вершинѣ холмовъ видѣлись дубовые кресты, а холмы были выложены осколками неприятельскихъ ядеръ и бомбъ. Видно, родная рука ходила за этими могилами. Немудрено: моряки были черноморцы и жители Севастополя; здѣсь были ихъ матери, жены и дѣти. На этихъ холмахъ постоянно сидѣли кучки осиротѣвшихъ, а на остальныхъ могильныхъ холмахъ рѣдко присутствовала живая душа человѣческая. Здѣсь были схоронены люди, пришедшіе издалека на защиту дорогого отечества. И тамъ, куда уже успѣла

донестись вѣсточка о геройской ихъ смерти,—тамъ раздавались стоны и рыданія; тутъ-же о нихъ плакали только повозки, отвозившія ихъ на кладбище. Дѣйствительно, какинъ-то особеннымъ заунывнымъ стономъ отличались татарскія арбы, на которыхъ привозили тѣла на мѣсто послѣдняго успокоенія.

Но возвратимся къ бастионамъ и къ житью на нихъ защитниковъ Севастополя.

И такъ въ «мертвецкихъ углахъ» бастиона лежать навѣкъ успокоившіеся бойцы; въ блиндажахъ смѣнившіеся съ дежурства солдаты спятъ, играютъ въ картишки, чинятъ свою амуницію, а у орудій стоятъ дежурные и поопаливаютъ изрѣдка. Другіе дежурные, такъ называемые «сигнальщики», слѣдя за неприятелемъ, кричатъ:

— Берегись—бомба!... Берегись—мортира... Бомба направо!... Бомба направо!

Но, попривыкнувъ къ этимъ крикамъ, никто почти уже не обращаетъ на нихъ вниманія.

— Если о каждой бомбѣ думать, такъ этакъ и лба не перекрестишь: все будетъ казаться, что руку оторветъ!—говорятъ солдаты, не отрываясь отъ своихъ занятій.

Вотъ принесли на бастионъ ушатъ съ кашней. Наступила пора обѣдать. Гдѣ тутъ думать о бомбахъ?—думать немогда. Матросики обступили ушатъ.

Варугъ кричатъ:

— Берегись—наша! (значить упадетъ на бастионъ).

— Ладно, простынетъ каша!—ухмыляется какой-то матросикъ.

Но трехлудовая бомба пожаловала таки на бастионъ и упала прямо рядомъ съ ушатомъ. Тутъ ужъ было не до смѣха. Но матросы не растерялись: одинъ изъ нихъ схватилъ бомбу руками и бросилъ ее въ ушатъ съ кашей. Бомбу, конечно, не разорвало. Ее бережно вынули и перекинули черезъ брустверь.

— Ну, русской кашей, значить, попробовала. Ступай вонъ, гостя непрошенная, скавалъ кто-то при общемъ захогѣ.

Да, какъ это ни странно, но, несмотря на всю трудность положенія, на страданія и ежеминутныя смерти, на бастионахъ жилось бойко, даже весело. На каждомъ бастионѣ непремѣнно находились какой-нибудь любимецъ: гдѣ собака, гдѣ баранъ, гдѣ орелъ съ подстриженными крыльями.

Работы въ траншеяхъ.

На каждомъ бастионѣ въ теченіе дня непремѣнно побываетъ Тотлебенъ и Нахимовъ, обойти ихъ начальникъ гарнизона Остень-Савенъ. Каждый изъ нихъ подбодритъ ласковымъ словомъ, потреплетъ по плечу. Тотлебенъ съ Нахимовымъ непремѣнно пошутятъ.

Бастионы съ вида были очень неприглядны. Тамъ было брошено нѣсколько туровъ ¹⁾, насыпанныхъ землею; въ другомъ мѣстѣ

¹⁾ Плетенки круглыхъ корзинокъ.

громоздились стѣны изъ бочекъ, деревянныхъ брусьевъ, мѣшковъ съ землею, съ обшивкою изъ турокъ, фашинника ¹⁾ и т. д. Все строилось по мѣрѣ настоятельной потребности, не для щегольства или симметріи.

Укрѣпленія эти чинились и приводились въ порядокъ обыкновенно по ночамъ. Вообще ночь проходила для солдатъ труднѣе дня, потому что ночью шли также и земляныя работы. Наступаютъ сумерки, а съ ними вмѣстѣ начинается и движеніе войскъ на сѣкву въ траншеи; вдуть секреты ²⁾; готовятся назначаемые на вылазку. Ночью надо или новую батарею возвести, или починить обвалившійся брустверъ; ночью же подвозились сѣккія пушки, лафеты, снаряды, лѣсъ на блиндажи.

Несмотря на это, севастопольцы умѣли подчасъ и развлекаться.

— А что, братья, давайте драконить его (т.-е. непріятеля)! заявляетъ матросъ-кашониръ.

— Чѣмъ?— спрашиваютъ другіе.

— А запустимъ ему надъ траншеей змѣя.

— А и впрямь.

— Къ тому же по вѣтру.

— Запускай!—кричатъ хоромъ.

И вотъ огромный разукрашенный змѣй, съ гремучимъ гребнемъ и длиннымъ хвостомъ, быстро поднимается къверху и на длинной бичевѣ несется по направленію къ траншеямъ. Всѣ, забывши опасность, начинаютъ высовываться черезъ брустверъ, заглядывать въ амбразуры, даже выбѣгать за стѣнки бастиона.

Змѣй поднимается все выше; гребень его гремитъ все громче.

— Сейчасъ по немъ пальба пойдетъ, говорятъ зрители.

Дѣйствительно, французы начинаютъ «охоту за змѣею». Одна пуля пробиваетъ змѣя; онъ колыхнется въ воздухѣ, но слова вы-

¹⁾ Фашинка—сѣтка изъ прутьевъ, дѣлаютъ около сѣквы (похожи на сѣно).

²⁾ Несколько человекъ, выславшихъ впередъ, въ засаду, для вылазокъ на непріятеля, а при удобномъ случаѣ—для неожиданнаго на него нападенія.

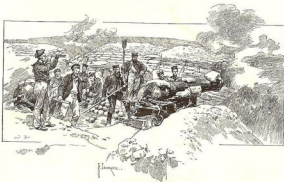
прямляется и продолжаетъ гремѣть и какъ бы дразнить стрѣльцовъ-французовъ. Выстрѣлы усиливаются; зѣмля прострѣлена во многихъ мѣстахъ.

— Лихо выдерживаетъ!—замѣчаютъ зрители.

— Ну, булетъ, братьямъ, пошутили!

Зѣмля тянуть долой и чинять.

Однажды прѣѣзжаетъ на бастіонъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ и застаётъ моряковъ нахмуренными.

Английская батарея во время Севастополя.

— Что, братьямъ, невеселы?—спрашиваетъ.

Каков-то унтеръ, пѣхотинецъ, подступилъ.

— Горе у нихъ, ваше превосходительство, докладываетъ.

— Горе, какое горе?—заботливо осведомляется адмираль.

— Французъ зѣмля ихъ взялъ въ полонъ.

— А!.. Нехорошо-съ, нехорошо-съ! Какъ же это вы допустили-съ?—обращается Нахимовъ къ матросамъ.

— Бичеву, Павелъ Степановичъ, перешибло пулей.

— Жаль-съ, жаль-съ.. Ну, вот на вылазку пойдёмъ, можетъ выручимъ!

— Выручимъ, Павелъ Степановичъ, какъ есть выручимъ.

А не то начинаютъ производить пробу мѣткости французскихъ выстрѣлковъ.

— Хотите, братья, посмотримъ, какъ французъ мѣтко стрѣляетъ, предлагаетъ какой-то шутникъ, желая перецеголить пускавшаго зѣва.

— А ну-ка?—поощрительно спрашиваетъ нѣсколько голохонь.

— Давай лопату, что побѣдѣ.

Подаютъ лопату... Шутникъ грязью мажетъ на лопатѣ носъ, глаза и усы, наливаетъ поверхъ шапку и на нѣсколько мгновений высовываетъ лопату изъ-за бруствера. Въ одинъ мигъ нѣсколько пуль виваются въ лопату и раздробляютъ ее въ щепы.

— Молодцы!—хвалятъ въ одинъ голосъ и матросы, и пѣхота, и артиллерія.

— А ну-ка еще!—говоритъ кто нибудь.

— Да ну его, онъ тебѣ всѣ лопаты переломаетъ.

Замѣчательно, что русскіе шутили почти исключительно съ французами и очень рѣдко съ англичанами.

Подъ брустверомъ съ теченіемъ времени понадѣлали скамеекъ. Это былъ своего рода офицерскій клубъ. Тутъ собиралось начальство бастиона и окружающихъ его батарей, велись оживленные разговоры, сообщались другъ другу новости, прочитывались вслухъ письма, полученные съ послѣднею почтой. И никогда не бывало того, чтобы на слѣдующій день собрались тутъ всѣ, болтавшіе накануне. Смерть летала да летала, вырывая очередныхъ.

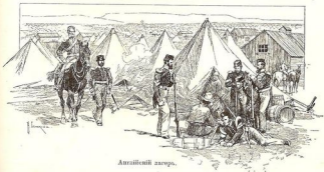
Такъ жилось на бастионахъ Севастополя.

Однаково трудную и опасную жизнь вели и наши непріатели. Тѣ же труды, тѣ же тревоги, та же смерть и страданія...

Главную квартиру англичанъ, какъ имъ уже говорили, была Балаклава, а французовъ—Камышевая бухта. Союзныя войска

ютились тамъ, несмотря на зимнее время, въ наскоро сколоченныхъ баракахъ и просто въ палаткахъ; теплой одежды въ началѣ зимы у нихъ почти не было; дороги сдѣлались непроходимыми, и продовольствіе было крайне затруднительно. Отъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условий развились тяжкія болѣзни: изнурительная лихорадка и наконецъ холера.

Хуже всѣхъ было положеніе турокъ. У нихъ не было ни теплой одежды, ни крова, ни продовольствія; отъ этого убили

Англійскій лагерь.

въ ихъ рядахъ доходила до 300 человекъ въ сутки. Французамъ приходили на помощь, но англичане относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ, употребляя ихъ, за недостаткомъ вычныхъ животныхъ, для переноски тяжестей изъ Балаклавы къ своему лагерю.

Сносивъ всѣхъ остальныхъ союзниковъ сурьей устроиться французамъ. Какъ только наступила ненастная пора и пути сообщенія сдѣлались плохи, французы тотчасъ же приступили къ устройству дорогъ отъ Камышевой бухты къ лагерямъ; принялись

они также устраивать бараки, сначала для больных, а затѣмъ и для всей своей арміи; бараки эти были окончены въ декабрѣ, и одновременно съ этимъ былъ полученъ огромный транспортъ теплой одежды. На берегахъ Камышевой бухты возникъ такимъ образомъ настоящій французскій городокъ Камьешъ, какъ его называли французы, съ магазинами, гостиницами, даже съ устроеннымъ на скорую руку театромъ.

На вбитые колья натянуть былъ холстъ, который для прочности обмазывали известкой; возвышеніе для сцены насыпалось изъ земли; изъ земли же устраивались безчисленные скамейки зрительнаго зала, шедшія уступами. Передъ сценою помѣщался оркестръ. Потолкомъ служилъ сводъ небесный; люстру занимала луна. Сцена однакожъ освѣщалась: на рампѣ горѣлъ рядъ свѣчей съ рефлекторами изъ жестяныхъ коробокъ отъ консервовъ и саранокъ. Для декораціи употреблялись три краски: красная, бѣлая и желтая, которою во французской арміи красятъ штиблеты. Парики устраивались изъ бараньихъ шкуръ.

Особеннымъ успѣхомъ пользовалась пьеска «Смѣшная англичанка». Ее разыгрывали французскіе зуавы, выходившіе на сцену въ уморительныхъ костюмахъ, съ муфтами, сдѣланными изъ пороховыхъ мѣшковъ, и въ шляпахъ изъ холста, кушаковъ и турбановъ.

Спектакли устраивались обыкновенно съ благотворительною цѣлью—въ пользу больныхъ, раненыхъ и плѣнныхъ того или другаго полка. Въ день спектакля у театра выставлялась афиша, которую держалъ человекъ, сдѣланный изъ глины и выѣзненный известкою. При буфетѣ у маркизанта стояла кружка, куда зрители и опускали свои лепты, отъ двухъ су ¹⁾ до лундора ²⁾. Сборы доходили иногда до 700 франковъ.

¹⁾ Гривръ.

²⁾ Червонецъ.

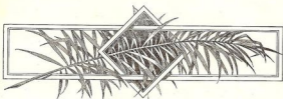
И въ то время, какъ театр, переполненный зрителями, хохоталъ и аплодировалъ, пушки на бастионахъ вторили этому хохоту и веселью.

Въ такихъ размеченіяхъ союзники старались забыть хоть на минуту грустную дѣйствительность, потерявъ отъ начала экспедиціи до января 1855 года до сорока пяти тысячъ убитыхъ и умершихъ и до тридцати тысячъ выбывшихъ изъ строя вслѣдствіе ранъ и болѣзней.

Планъ
Севастопольской Гисмы.
(Кавказъ 1855-56г.)

XIII.

Русское общество въ крымскую кампанію.

И спом, какъ, поклавъ и дѣтъ и семлю,
Шелъ съ дружиною войскацкая богатый,
Какъ мужика, обижая бабенку свою,
Выводилъ овецъ своихъ пасты.

И спом, какъ росла бештырская рать,
Шли бойцы пашъ жемля и степи,
И какъ звали они, что адуть умереть.
И какъ спомъ они умирали!

Андреевичъ.

Тоскливо былъ встрѣченъ въ Севастополѣ новый 1855 годъ. Ночь стояла темная; рѣзкій вѣтеръ заносилъ пролетающихъ хлопьями снѣга, море бушевало.

Въ серединѣ января получено было извѣстіе, что Севастополю готовится новая бѣда: войска союзниковъ, находившіяся въ Евпаторіи, намѣревались отрѣзать севастопольскую армію отъ остальной Россіи. Мѣшаникомъ рѣшился взять штурмомъ Евпаторію, но опять таки проигралъ сраженіе.

Сраженіе это происходило 5-го февраля, а 18-го по Россіи разнеслась потрясающая вѣсть о смерти Государя Николая Павловича.

«Въ тяжкую годину, Государь, принялъ Ты царство Твое!»—сказалъ Императору Александру II одинъ изъ пастырей церкви, привѣтствуя его по его восшествіи на престоль.

Какъ вѣрны были эти слова! Дѣйствительно, царство, принятое молодымъ монархомъ¹⁾, страдало отъ всѣхъ ужасовъ войны. Противъ него ополчилась Англія, Франція, Турція и Сардинія. У него же союзниковъ не было: Германія была въ то время раздроблена на мелкія княжества; Австрія же почти открыто встала на сторону нашихъ враговъ, потребовала, чтобы русская армія очистила дунайскія княжества, и выставила въ тылу русскихъ громадную армію.

Вся Россія чувствовала себя какъ бы подъ грозною тучей. Во всѣхъ домахъ шипали корпию, всюду собирались пожертвованія въ пользу раненныхъ; ежедневно служились послѣ обѣдинъ молебны съ колѣнопреклоненіемъ; изъ десяти семей три непремѣнно ходили въ траурѣ.

Въ церквяхъ читался манифестъ молодого царя, повторившаго слова императора Александра I, произнесенныя въ годину такого же народнаго бѣдствія, въ памятный 1812 годъ: «Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ, станемъ передъ рядами враговъ на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага—безопасности и чести отечества».

И русскій народъ всѣмъ сердцемъ откликнулся на призывъ своего царя. Какъ во времена Минина и Пожарскаго, понесъ онъ свое достоинствіе, «не пожалѣвъ ни жизни своей, ни чадъ своихъ». Начались подаяніи и пожертвованія. Газеты и журналы того времени наполнены безконечными списками жертвователей. Богатые жертвовали десятками тысячъ рублей, бѣдняки несли трудовыя копѣйки.

Войска, отиравшіяся со всѣхъ концовъ Россіи на защиту Севастополя, провожались съ молебствіями, водосвятіемъ, хлѣбосолью. Студенты Московскаго университета изъявили желаніе, по выдержаніи экзаменовъ, стать въ ряды войскъ, почему выпускные экзамены назначены были вмѣсто мая въ февралѣ.

¹⁾ Императору Александру II въ 1855 г. было 36 лѣтъ. Онъ родился 17 апрѣля 1818 года.

Не только коренная русская губернія, но и новобѣрская окранны откликнулись на призывъ царя. Такъ курляндское дворянство единогласно постановило снарядить своихъ совершеннолѣтнихъ сыновей на службу отечеству. Жители города Або, въ Финляндіи заявили при прощаніи уходящимъ отъ нихъ войскамъ: «О женахъ и дѣтяхъ вашихъ не заботьтесь; мы беремъ ихъ на свое попеченіе!»

Во всей широкой вѣстѣ русской снаряжались дружины и ополченія, въ ряды которыхъ становились и родовитые помѣшники, и простые крестьяне.

Въ Музѣ обороны Севастополя можно видѣть изображеніе дряхлаго ратника, бывшаго ополченцемъ въ 1812 г. и ставшаго снова въ ряды войскъ почти полвѣка спустя.

Тамъ же увидите вы и саженную фигуру легендарнаго героя, матроса Кошки. Настоящаго его имени никто не помнитъ; прозвище-же Кошки онъ получилъ среди товарищей за разныя не совсѣмъ похвальныя проделки въ началѣ своей службы: то одно, то другое у товарищей, бывало, стащить—и все въ кабакъ; кутила была страшная. Угодилъ онъ и въ арестантскія роты, но быть выпущенъ оттуда во время осады. Тутъ-то и нашла себѣ надлежащее примѣненіе его молодецкая удаль, и вышелъ изъ него настоящій герой.

На ночныя вылазки онъ вызывался всегда первымъ. На вылазки эти вызывались солдаты только по доброй волѣ, и нерѣдко случалось такъ, что пойдетъ такихъ охотниковъ человекъ десять, окружать ихъ со всѣхъ сторонъ непріятель, и не вернется изъ нихъ ни одинъ.

Во время этихъ ночныхъ вылазокъ Кошка придумывалъ разныя удачныя выходы. Разъ подползъ онъ къ англійскимъ укрѣпленіямъ и спрятался за большой камень, передъ которымъ была вырыта огромная яма. Онъ заглянулъ украдкой и видитъ: сидятъ четыре англчанина и варятъ говядину. Варугъ Кошка крикнулъ

изо всей силы: «Ура, ребята!» Англичане перепугались, выскочили из ямы и бросились бѣжать къ своимъ. А Кошка спустился въ яму и забралъ три ружья, бутылку рома, два мѣшка съ лепешками. Стояли тутъ еще два котелка съ мясомъ; захватить ихъ было нельзя, такъ онъ перевернулъ ихъ вверхъ дномъ и вернулся къ товарищамъ.

Въ другой разъ пошли наши на ночную вылазку и потеряли одного солдата, тѣла котораго не отыскали въ темнотѣ. На другой день задумалось Кошкѣ заглянуть опять въ неприятельскую траншею. Подползъ онъ потихоньку на животѣ и увидалъ убитаго наканунѣ товарища. Снялъ Кошка съ себя поясъ, привязалъ одинъ конецъ къ ногамъ мертвеца, другой къ своей ногѣ и поползъ, таща трупъ за собой. Англичане увидали Кошку и принялись по нему стрѣлять, а онъ все ползеть да ползеть и началъ ужъ выбиваться изъ силъ. По счастью, это было недалеко отъ нашихъ укрѣпленій. Тутъ онъ крикнулъ: «Помогите, братья!». Подоспѣли къ нему четыре матроса и взяли трупъ.

Иногда командиры, услышавъ, что Кошка задумалъ выкопать какую-нибудь штуку, черезчуръ ужъ удалую, приказывали его запереть, чтобъ онъ не попался въ бѣду, но Кошка обманывала караульнаго и убѣгалъ. Онъ обзавелся мѣшкочъ съ двумя дырами для глазъ. Надѣнетъ его, подползеть въ немъ къ неприятелямъ и ляжетъ между камнями или кустами. Задремлетъ ли неприятельскій часовой, Кошка выхватитъ у него ружье и давай Богъ ноги; пробѣдетъ ли солдатъ, Кошка на него бросится, обезоружитъ, возьметъ въ плѣнъ и приведетъ къ намъ. Со своими плѣнными онъ обращался всегда хорошо: угощалъ ихъ водкой и всѣмъ, чѣмъ Богъ пошлетъ. Онъ участвовалъ въ восемнадцати вылазкахъ, былъ два раза раненъ и получалъ георгиевскій крестъ.

Въ томъ же Музеѣ обороны Севастополя увидите вы и портреты дѣтей-героевъ, братьевъ Тулузаковыхъ, послѣдовавшихъ за своею матерью, сдѣлавшеюся на время Крымской кампаніи сестрою

милосердія. Они разыскивали вмѣстѣ съ нею раненныхъ на полѣ сраженія, работали на перевозочныхъ пунктахъ, дѣлили всѣ невзгоды тяжкаго осаднаго житья-бытья, голодь и холодъ, подл непре-
станнымъ свистомъ бомбъ надъ головою. Грудь мальчиговъ-геросевъ украшена севастопольскою медалью на георгіевской лентѣ.

И не одни эти дѣти находились въ рядахъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя; были и другіе юные герои.

Такъ въ самомъ началѣ осады Севастополя на 4-й бастіонѣ явился сынъ матроса Кузьма Горбаневъ и сталъ проситься служить при пушкахъ.

— Куда тебѣ на бастіонъ?—сказалъ командиръ, глядя на четырнадцатилѣтняго мальчика.—Ты дружна только мѣшать будешь.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, отвѣчалъ тотъ,—мы съ наводителя около пушки-то... Ну, и привыкли.

— А если тебя убьютъ или изувѣчатъ? Развѣ ты не боишься?

— Богъ милостивъ, ваше благородіе! Можетъ, и не убьютъ...

А коли и убьютъ, на то воля Божія.

И Кузьма Горбаневъ былъ принятъ на бастіонъ. Онъ оказался ловкимъ мальчигъ; былъ раненъ и послѣ перевязки вмѣсто лазарета пошелъ опять на бастіонъ помогать морякамъ.

Другой храбрецъ, двѣнадцатилѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбалченко, собиралъ съ ребятишками непріятельскія ядра въ оврагахъ и на полѣ, и приносилъ ихъ на бастіонъ. И онъ былъ принятъ на бастіонъ, и усердно исполнялъ свои обязанности при пушкахъ.

Оба были награждены медалями на георгіевской лентѣ.

На пятомъ бастіонѣ отличился десятилѣтній сынъ артиллериста Николай Пашенко. Онъ прислуживалъ отцу, который былъ конендоромъ, т. е. наводилъ пушки. Приметѣю ядро и убило отца. Тогда Николай сталъ на его мѣсто и наводилъ мѣткою пушки и мортиры. За подвиги свои онъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

XIV.

Русскія женщины въ Крымскую кампанію.

Какъ врачевцы были сестрами намъ
Въ безотрадномъ нѣмъ изгнанинѣ.

Апрельскъ.

Принимали участіе въ защитѣ Севастополя и женщины. Въ январѣ мѣсяцѣ 1855 года прибыло въ Севастополь 67 сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины, основанной по мысли великой княгини Елены Павловны. Онѣ поступили въ распоряженіе Николая Ивановича Пирогова, который раздѣлилъ ихъ на сестеръ-хозяйекъ, сестеръ-аптекаришъ и сестеръ-фельдшерницъ.

Первымъ было поручено все хозяйство въ госпиталяхъ: приготовленіе кушаній, раздача чая, вина, кофе; вторымъ—аптеки, устроенныя при госпиталяхъ; третьи помогали врачамъ при перевязкахъ и операціяхъ и дежурили въ госпиталяхъ.

Съ полнымъ самоотверженіемъ, не щадя ни силъ своихъ, ни даже жизни, дѣлали онѣ перевязки перѣдко на самомъ полѣ сраже-

ннѣ, подѣ градомъ пуль и бомбъ, и ухаживали за ранеными, превозмогая невольное отращеніе при видѣ самыхъ ужасныхъ ранъ и страданій. А каковы были эти раны и тѣ условія, при которыхъ приходилось тогда работать сестрамъ милосердія, объ этомъ мы, живущіе полвѣка спустя, едва-ли въ состояніи составить себѣ ясное представленіе. Въ отчетѣ Пирогова о дѣятельности его и сестеръ милосердія мы находимъ слѣдующія строки:

„Въ лѣтнихъ науки раны такого рода, съ какими мы въ продолженіе этого времени постоянно имѣли дѣло, едва ли не безпримѣры. Тысячи 65-фунтовыхъ мучительныхъ ядеръ и 200-фунтовыхъ бомбъ являли свою разрушительную силу надъ человеческимъ тѣломъ. Надлежало дѣйствовать безъ малѣйшаго промедленія, чтобы сохранить жизнь, которую увозило быстрое истеченіе крови“.

Между тѣмъ чувствовался полнѣйшій недостатокъ во всемъ: и въ перевязочныхъ средствахъ, и въ необходимой для больныхъ и раненыхъ пищѣ, и въ споснотъ помѣщеніи. Русское общество дѣлаю огромныя пожертвованія, но многіи изъ этихъ пожертвованій не доходили до назначенія. Какъ ни грустно, какъ ни больно, а надо сказать, что въ то время, какъ лучшіе русскіе люди не щадили для родины ни имущества своего, ни жизни, находились и такіе, которые старались нажиться на народномъ бѣдствіи. Съ одной стороны шли пожертвованія, а съ другой—чуть что не открытый грабежъ, или по крайней мѣрѣ безстыдные сборы. Вотъ, напримѣръ, что говорить главнокомандующій князь Меншиковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

„Три транспорта сушарей оказались повороченными и сгнившими до того, что даже при недобросовѣстной сортировкѣ ихъ нельзя употребить въ дѣло. Плуть Н. Н. заставлялъ принять этотъ транспортъ, задерживая съ камфреніемъ остальные“.

Движимое патриотизмомъ дворянство Черниговской губерніи шлетъ войску спирта, а комиссіонеры не принимаютъ жертву безъ того, чтобы имъ не заплатили за эту пріемку. Тогда уполномочен-

ный дворянства, честный и уворный малороссъ, выведенный изъ себя этою наглостью, говорить пріемщикамъ:

— Взятки я вамъ не дамъ, а возьму ломъ, проломлю въ бочкахъ дно, спиртъ выпущу и уѣду!

Пріемщики, видя, что съ малороссомъ ничего не подѣлаешь, приняли жертву безъ взятки.

Ще доставало не только перевязочныхъ средствъ и продовольствія, не доставало и рукъ для ухода за ранеными. Вотъ что пишетъ князь Меншиковъ вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія:

„Въ госпиталя поступило до 6 тысячъ. Всѣ мѣста, куда только можно было помѣстить раненыхъ, переполнены. Число больныхъ и раненыхъ увеличивается каждый день отъ одной до трехъ сотенъ. Ради Бога, пришлите къ намъ хирурговъ и фельдшеровъ. У насъ только по одному на четыреста человекъ. Многие остаются безъ перевязки за неизбѣжимъ рукъ вспомнить это“.

При такихъ-то условіяхъ приходилось работать въ Севастопольскую кампанію сестрамъ милосердія. И какъ онѣ работали, какими ангелами являлись онѣ среди этого моря страданій и смерти! Днемъ и ночью безшумно ходили онѣ между кроватями въ госпиталяхъ, ухаживая одинаково и за своими, и за плѣнными. Многія изъ нихъ заразились болѣзнями въ госпиталяхъ, а одна была убита на бастионѣ. Одна изъ сестеръ Крестовоздвиженской Общины, Екатерина Михайловна Бакунина, издала свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя ¹⁾. Ни одно многотомное сочиненіе не въ состояніи дать болѣе яснаго и живого представленія объ этомъ «интересномъ для насъ и ужасномъ для переживавшихъ его времени», чѣмъ эти странички, каждая изъ которыхъ выстрадана ея авторомъ.

Представительница стариннаго московскаго барскаго рода, Екатерина Михайловна до Крымской кампаніи вела жизнь дѣву-

¹⁾ „Историческія Вѣдомости“ 1886 г. III. IV.

ный дворянства, честный и уворный малороссъ, выведенный изъ себя этою наглостью, говорить пріемщикамъ:

— Взятки я вамъ не дамъ, а возьму ломъ, проломлю въ бочкахъ дно, спиртъ выпущу и уѣду!

Пріемщики, видя, что съ малороссомъ ничего не подѣлаешь, приняли жертву безъ взятки.

Ще доставало не только перевязочныхъ средствъ и продовольствія, ще доставало и рукъ для ухода за ранеными. Вотъ что пишетъ князь Меншиковъ вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія:

„Въ госпиталя поступило до 6 тысячъ. Всѣ мѣста, куда только можно было помѣстить раненыхъ, переполнены. Число больныхъ и раненыхъ увеличивается каждый день отъ одной до трехъ сотенъ. Ради Бога, пришлите къ намъ хирурговъ и фельдшеровъ. У насъ только по одному на четыреста человекъ. Многие остаются безъ перевязки за неизбѣжимъ рукъ вспомнить это“.

При такихъ-то условіяхъ приходилось работать въ Севастопольскую кампанію сестрамъ милосердія. И какъ онѣ работали, какими ангелами являлись онѣ среди этого моря страданій и смерти! Днемъ и ночью безшумно ходили онѣ между кроватями въ госпиталяхъ, ухаживая одинаково и за своими, и за плѣнными. Многія изъ нихъ заразились болѣзнями въ госпиталяхъ, а одна была убита на бастионѣ. Одна изъ сестеръ Крестовоздвиженской Общины, Екатерина Михайловна Бакунина, издала свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя ¹⁾. Ни одно многотомное сочиненіе не въ состояніи дать болѣе яснаго и живого представленія объ этомъ «интересномъ для насъ и ужасномъ для переживавшихъ его времени», чѣмъ эти странички, каждая изъ которыхъ выстрадана ея авторомъ.

Представительница стариннаго московскаго барскаго рода, Екатерина Михайловна до Крымской кампаніи вела жизнь дѣву-

¹⁾ „Историческія Вѣдомости“ 1886 г. III. IV.

шекъ своего званія: занималась музыкою, рисованьемъ, выжкала въ свѣтъ, танцевала на балахъ и т. д. Но вотъ объявлена война. Какъ громъ среди бѣла дня, разражаются надъ Россією извѣстія о высадкѣ непріятели на берега Крыма, о несчастномъ Альминскомъ сраженіи. Национальная скорбь охватываетъ всю страну; будничные интересы отступаютъ на задній планъ. Русскія женщины узнаютъ, что француженки и англичанки съ миссъ Найтингемъ во главѣ уже отправившись сестрами въ крымскіе военные госпитали. «А что же мы-то? Неужели у насъ ничего не будетъ?»—спрашиваютъ себя лучшія изъ нихъ. Но вотъ изъ Петербурга доносится слухъ, что великая княгиня Елена Павловна основала Крестовоздвиженскую общину и посылаетъ отряды сестеръ на театръ войны. Не долго думая, Екатерина Михайлова рѣшается поступить въ Общину и дѣлаетъ все, отъ нея зависящее, чтобы ее туда приняли.

Родные и знакомые умоляли ее одуматься и остаться; ей передавали письма съ театра войны, въ которыхъ были описаны всѣ ужасы послѣ Альминскаго сраженія и страшное переполненіе госпиталей ранеными и тифозными; находились и такія лица, которые утверждали, что все это—вадоръ, самообольщеніе, что женщины не принесутъ никакой пользы на войнѣ, а будутъ только тяжелой, никому ненужной обузой. Екатерина Михайловна осталась непоколебимою. Она отправилась въ Петербургъ, гдѣ была милостиво принята и обласкана великою княгиней Еленою Павловною, пожелавшею ее, въ ожиданіи отправленія отряда, въ своемъ дворцѣ.

Не одну только своею няю дала великая княгиня Крестовоздвиженской Общинѣ; всю душу вложила она въ святое дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Сама руководила она сварженіемъ въ далекій, трудный путь отрядовъ сестеръ,—Михайловскій дворецъ, загромаженный толпами, представлялъ изъ себя какой-то складочный магазинъ; сама проходила съ сестрами тяжелый подготовительный курсъ, присутствуя при операціяхъ и перевязкахъ. Достоинною сподвижницею великой княгини во всѣхъ благихъ начинаніяхъ ея

являлась ея фрейлина баронесса Эдита Осодорова Радель. По порученію великой княгини, она вела обширѣйшую переписку съ Н. И. Парговымъ и сестрами, работавшими на театрѣ войны. Отрывки изъ писемъ сестеръ помѣщались «въ Морскомъ сборникѣ»; такимъ образомъ сама великая княгиня, а благодаря ей, и русское общество постоянно находилось въ курсѣ великаго дѣла помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.

10-го декабря всѣ сестры отряда Е. М. Бакуниной, уже одѣтыя въ коричневая платья, бѣлые передники и бѣлые чепчики, пошли къ обѣднѣ въ верхнюю церковь дворца. Великая княгиня была тамъ; были еще другія дамы и родственники отъѣзжавшихъ. Послѣ обѣдин священникъ прочелъ клятвенное обѣщаніе сестеръ передъ аналоемъ, на которомъ лежали евангеліе и крестъ, сестры стали подходить и изъговаривать слова Спасителя и крестъ, а потомъ становились на колѣни передъ священникомъ, который надѣвалъ имъ золотой крестъ на голубой лентѣ. На другой день онѣ выѣхали въ Москву; до Севастополя же добрались лишь 16-го января, употребивъ такимъ образомъ около шести недѣль на переѣздъ, который въ наше время совершается менѣе, чѣмъ въ трое сутокъ. И какъ приходилось имъ ѣхать!—на перекладныхъ, на волахъ, на дубахъ (такъ называется на Дикпрѣ большія лодки съ палубою) въ разгаръ ледохода. Это было не путешествіе, а настоящая экспедиція. За то какъ рады были сестры, очутившись, наконецъ, въ Севастополѣ, съ какимъ рвеніемъ принялись онѣ за дѣло! А дѣла была бездна, и съ каждымъ днемъ его прибывало; ежедневно раненыхъ привозили сотнями; операций и ампутацій производились безостановочно.

Особенно живо описываетъ Е. М. Бакунина ночь знаменитой вылазки Хрулева съ 10 на 11 марта въ письмѣ своемъ къ сестрѣ:

«Мы были наготовѣ въ домѣ Морского Собранія. Это прекрасное зданіе, гдѣ прежде веселились, открыло вновь свои богатства, краснаго дерева, съ бронзою двери для вынесенія въ нихъ окровавленныхъ носилокъ. Большая зала изъ бѣлаго мрамора, съ пиля-

страи изъ розоваго мрамора черезъ два этажа, а окна — только вверху; паркетные полы. А теперь въ этой танцевальной залѣ стоятъ до ста кроватей съ сѣрыми одеялами и зеленые столики; все очень чисто и опрятно. Въ одну сторону большая комната;—это операціонная, прежде бывшая биллиардной; за ней еще двѣ комнаты; въ другую сторону еще двѣ комнаты съ прекрасными, съ золотомъ обоями, и въ нихъ тоже койки. На полу въ нѣсколько рядовъ лежатъ тюфяки уже безъ кроватей. Нѣсколько столиковъ съ бумагой, а на одномъ примочки, груды корнѣи, бинты, компрессы, нафталиновая стеариновая свѣчи. Въ одномъ углу большой самоваръ, который кипятить и долженъ кипятить всю ночь, и два столика съ чашками и чайниками. Въ другомъ углу столикъ съ водкой, виномъ кислымъ питьемъ, стаканами, рюжками. Все это еще въ полужракѣ, въ какой-то странной тишинѣ, какъ передъ грозой; въ залѣ 15, а можетъ быть и болѣе, докторовъ; иные сидятъ въ операціонной комнатѣ, другіе попарно ходятъ по залѣ. Офицеры и смотритель торопливымъ шагомъ входятъ и выходятъ, распоряжаясь, чтобы было больше фельдшеровъ, больше рабочихъ.

«А когда помотришь въ дверь или въ рядъ высокихъ оконъ по обѣимъ сторонамъ нашей залы, то ночь такая свѣтлая, тихая, тонкій серпъ луны блеститъ такъ ярко, звѣзды такія ясныя!.. Но вотъ въ десятый часу точно молнія блеснула, и раздался трескъ, даже стекла задребезжали въ рамахъ. И блеститъ все чаще и чаще... Нельзя разслышать отдельныхъ ударовъ, но все слышется въ одинъ гулъ. Это пальба на 5-мъ и 6-мъ бастионахъ, тамъ, гдѣ работаютъ новыя батареи. Въ городъ бомбы не долетаютъ.

«Мы сидимъ и слушаемъ все въ томъ же полужракѣ. Такъ проходитъ около часа... Вносятся носилки, другія, третьи. Свѣчи зажглись. Люди забѣгали, закутелись, и скоро вся эта большая зала наполнилась народомъ, весь полъ покрылся ранеными; всадѣ, гдѣ только можно сѣсть, сидятъ тѣ, которые притаились кое-какъ сами. Что за крикъ, что за шумъ!.. Просто адъ.

«Пальба не слышна за этимъ гамомъ и стенами. Одинъ кричить безъ словъ; другой: «ратуйте, братья, ратуйте!»; одинъ, увидя штофъ водки, съ какимъ-то отчаяннѣмъ кричить: «будь мать родная, дай водки!»

Во всѣхъ углахъ слышны возгласы къ докторамъ, которые осматриваютъ раны: «пожилауйте, ваше благородіе, не мучьте!».. И я сама, насклы пробираясь между носилокъ, кричу: «скда рабочи!» Этого надо положить на койку, этого—отнести въ Николаевскую батарею, этого—въ Гушинъ домъ. Вся операционная комната наполнена ранеными; но теперь не до операций: дай Богъ только всѣхъ перевязать. И мы всѣхъ перевязываемъ.

Много приносятъ офицеровъ. Принесли одного; все лицо облито кровью. Я его обмываю, а онъ достаетъ деньги, чтобы дать солдатамъ, которые его несли; это многіе дѣлаютъ.—А съ какимъ терпѣннѣмъ переносятъ страданія наши солдаты! Сколько разъ я слышала слова: «Господь за насъ страдалъ, и мы должны страдать!».. Но довольно! Еслибъ я рассказывала всѣ ужасы, которые видѣла въ эту ночь, ты бы не спала нѣсколько ночей!..

«Наконецъ разсвѣло. Пальба прекратилась. При домѣ Собранія есть маленькій садикъ. Представь себѣ,—и тамъ лежатъ раненые. Я беру водки и бѣгу туда. Тамъ, при чудномъ солнечномъ восходѣ изъ-за горы надъ бухтой, при веселомъ чирканьѣ птичекъ, подъ бѣлыми акаціями въ полномъ шѣту, лежитъ человекъ до 30-ти тяжело раненыхъ и умирающихъ. Какая противоположность съ этимъ яснымъ весеннимъ утромъ! Я позвала двухъ севастиопольскихъ обитателей, которые всю ночь съ большимъ усердіемъ носили раненыхъ, перевести и этихъ. Говорили, что въ эту страшную ночь вышло изъ строя 3.000 человекъ; у насъ перебивало около 2.000 и было 50 раненыхъ офицеровъ.

Работала Е. М. Бакунина и на перевязочномъ пунктѣ, бывала и въ Гушиномъ домѣ, на дверяхъ котораго, какъ говорили, должна была бы быть та же надпись, какъ на дверяхъ Дантовскаго ада:

«Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!» (Оставьте надежду вы, входящие сюда!). Отправление въ Гушину домъ больного было равносильно смертному приговору. «Въ Гушиномъ домѣ, куда я ходила, — пишетъ Бакунина — всегда увидишь трехъ или четырехъ умирающихъ. Всякое утро, если погода была теплая, всѣхъ больныхъ на койкахъ выносили на дворъ, а если придетъ черезъ полчаса, какъ они внесены, то уже духъ былъ невыносимый, не смотря на цѣлыя ведра ждановской жидкости. Однако и въ этомъ ужасномъ мѣстѣ были такіе, которые выздоравливали. Я сама имѣла удовольствіе отдать одному обратно его деньги, которыя онъ мнѣ поручилъ переслать его женѣ послѣ его смерти».

«Солдаты насъ любятъ и рады, когда мы къ нимъ приходимъ», — пишетъ она далѣе и приводитъ нѣкѣмъ цѣлый рядъ примѣровъ необыкновенной стойкости и выносливости нашего русскаго солдата. «Помню одного на перевозочномъ пунктѣ, у котораго вся рука была раздроблена, а когда я хотѣла усадить его поспокойнѣе, онъ мнѣ отицалъ: «я могу и постоять, а есть раненые къ ноги, тѣмъ необходимо сидѣть».

«Помню еще одного; онъ былъ легко раненъ и пришелъ только перевязаться; но, видя его утомленное, измученное лицо, я стала его уговаривать воспользоваться этимъ и остаться у насъ, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть.

— «Нѣтъ, этого нельзя, — отвѣчалъ онъ мнѣ ужъ насъ, старыхъ солдатъ, мало осталось, а молодые могутъ и оторопѣть».

«И этотъ безвѣстный и скромный герой, твердо исполняя свой долгъ, сейчасъ-же ушелъ на бастіонъ».

Встрѣчались между ранеными и женщины, и дѣти. «Была у насъ, — пишетъ Бакунина, одна старушка, которой еще 10 марта въ ее домѣ осколкомъ бомбы раздробило бедро. Я ее уговорила на ампутацію и, несмотря на худыя условія и на то, что ей было 60 лѣтъ, она выздоровѣла. Но что было ужасно, — это видѣть раненыхъ дѣтей, какъ они, бѣднѣжки, мучаются и страдают. Былъ у

насъ мальчикъ сѣя лѣтъ съ перебитой ножкой; была даже грудная дѣвочка, мать которой была убита въ то время, какъ она ее кормила. Дочь моей старушки тоже кормила своего ребенка и взяла кормить нашу раненую малютку, но ребенокъ скоро умеръ. Господи, какъ все это было ужасно и тяжело!..»

А вотъ еще одинъ трогательный эпизодъ, приводимый сестрою Бакуниной:

«Какъ-то, очень неожиданно, встрѣчаю я въ нашихъ безконечныхъ корридорахъ священника и съ нимъ черкеса. Священникъ обратился ко мнѣ съ просьбой согласиться быть воспріемницей обращеннаго имъ въ христіанство молодого человека, уже заслужившаго георгіевскій крестъ. Воспріемникомъ будетъ генералъ Липранди. Священникъ такъ настоятельно меня упрашивалъ, что мнѣ пришло въ голову, не ошибка-ли это, не отыскиваетъ-ли онъ нашу начальницу? Но онъ сказалъ, что отыскиваетъ именно сестру Бакунину, и я согласилась. Надо было приготовить одежду для крещасяго, и одинъ фельдшеръ вызвался сходить купить мнѣ голубую ленту и коленкору; но только-что онъ ушелъ, мнѣ стали говорить, что на той улицѣ очень опасно Боже мой! Съ каинимъ нетерпѣньемъ я его ждала, тѣмъ болѣе, что за все время, что онъ ходилъ, пальба не прекращалась. Но слава Богу, онъ вернулся цѣлъ и невредимъ.

«Въ назначенный для крестить день, переѣхать черезъ бухту, мы сѣли въ присланную за нами коляску: со мной была одна севастопольская жителяница. Лагерь—за пять верстъ; я рада была ѣхать туда и подышать чистымъ воздухомъ, послѣ пяти мѣсяцевъ. Вотъ передъ нами высоты Инкермана; туманъ покрываетъ ихъ и мѣшаетъ видѣть тѣ высоты,—по ту сторону Черной рѣчки,—которая занята французами и англичанами, а съ этой стороны, тѣ, которая ближе, увѣнчана батареями, а еще ближе, между кустами держи—деревя и дуба балаганы, землянки и кое-гдѣ палатки. Вдали, на Мекензѣевой горѣ, бѣлѣются палатки, а ближе, въ сторонѣ, домикъ въ три

окошка; возлѣ него собрались тѣснѣ палатки и маленькія, и очень большія.

«Выйдя изъ коляски, я увидѣла навѣсъ изъ сучьевъ съ сухими листьями и подъ нимъ, на подворкахъ тоже изъ сучьевъ—зрительная труба; въ нее безпрестанно смотритъ дежурный офицера по направленію къ неприятелю, не подкалѣтъ-ли, не имѣютъ-ли намѣренія перебраться на нашу сторону и отрѣзать Севастополь. И я посмотрѣла въ трубу, но за туманомъ ничего не видѣла.

«Въ палаткѣ было приготовлено все для крещенія: покрытый столъ, на немъ образъ, по срединѣ аналой и чанъ, покрытый красными сукномъ; возлѣ поставили черкеса въ бѣлой рубашкѣ съ голубыми лентами; по правую его сторону генералъ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, по лѣвую—я. Возлѣ него очень молодой конкеръ, почти дитя, сынъ генерала; въ его честь и новоокрещенный названъ Рафаиломъ.

«Полы съ одной стороны палатки были подняты, и тамъ видѣлись конкеры, офицеры, солдаты. Священникъ совершалъ благоговѣйно обрядъ крещенія; съ пѣніемъ: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь»—сливалась очень отдаленная пальба, не нарушая его стройности. Послѣ крещенія, прочтѣвъ молебень архангелу Рафаилу, священникъ провозгласилъ многолѣтіе царю, воспріемнику и новоокрещенному Рафаилу. Поздравили другъ друга, и я пошла съ момъ кумомъ въ маленькую палатку полковника Дигпровскаго полка.

«Нѣсколько минутъ разговаривала я съ генераломъ; онъ выразилъ свое удивленіе, что я пошла въ сестры. Я ему отивчала, что еслибъ я была мужчиной, то давно имѣла бы честь служить подъ его начальствомъ; но когда сдѣлали познаніе къ женщинамъ, я не могла не отозваться... Генералъ уфхалъ, а я съ момъ крестникомъ, но уже одѣтымъ въ красивый черкесскій мундиръ и съ георгіевскимъ крестомъ, пошла въ палатку къ священнику. Тамъ мы завтракали вчетверомъ. Священникъ, узнавъ, что учредительницей нашей Об-

щины состоитъ великая княгиня Елена Павловна, съ чувствомъ шить за ея здоровье. Но пора ѣхать. Подали коляску, мой крестникъ посадилъ меня, и пара славныхъ лошадей повезла насъ обратно въ Севастополь, который совсѣмъ исчезалъ въ знойномъ туманѣ.

Черезъ два мѣсяца сестрѣ Бакуниной пришлось снова видѣться съ крестникомъ, но при какихъ обстоятельствахъ! Это были дни 26 — 27 августа, дни штурма Малахова кургана, послѣдніе дни стараго Севастополя. Екатерина Михайловна узнала, что крестникъ ея, смертельно раненый при штурмѣ, лежитъ въ лагерѣ, на Сѣверныхъ высотахъ, и поѣхала туда.

«Какую грустную ночь провела я тамъ! — пишетъ она. — Этотъ лагерь, и всегда невеселый, сталъ еще грустнѣе. Дождь такъ и льетъ; во всѣхъ палаткахъ огонь, но не видно ни солдатъ, безопасно прохаживающихся, ни разговоровъ не слышно, а только по ужасной грязи раздаются шаги служителя: онъ идетъ за фельдшеромъ или за священникомъ. Въ палаткахъ слышны стоны и крики страданія. Я отыскала своего крестника въ маленькой солдатской палаткѣ. И онъ тоже очень страдалъ. Его стоны смѣшивались со звуками страннаго чуждаго языка; косматая бѣлая шапка была надвинута на черные, блестящіе глаза; красныя черты лица исказились отъ страданія. Онъ метался на кровати, однако узналъ меня. На другой кровати, противъ него, бѣлокурый молодой человѣкъ съ важностью разбиралъ старыя газеты и объявленія и, безъ умолку говоря, рассказывалъ мнѣ, какъ посредствомъ шарманки онъ устроилъ новый телеграфъ и на Волгѣ пароходы, а вѣлъ съ Каспійскаго моря — ручкой подать до Балтійскаго. И я отвѣчаю ему отъ времени до времени, чтобы его успокоить: «Хорошо... конечно». Мой крестникъ иногда закричитъ на него, что онъ валдоръ говорить. И я съ грустью слѣжу за движеніями умирающаго и его стоны сливаются съ этими безумными рѣчами контуженнаго юнкера. А дождь такъ и стучитъ въ палатку, вѣтеръ такъ и реветъ, такъ и завываетъ, а иногда

раздается глухой гулъ со стороны Севастополя и напоминает о продолженіи этихъ ужасныхъ взрывовъ на бастіонахъ и батареяхъ. Черная тучишь южной стороны, т. е. той, гдѣ была Севастополь, освѣщены багровымъ заревомъ пожара!. Къ утру мой крестникъ скончался...

Какая безотрадная долина, какая жалкая растительность. Тутъ одна палатка; возлѣ нея лежатъ два ряда покойниковъ; они покрыты холстомъ, но видно, что ихъ болѣе 60-ти, и недалеко ркоуть огромную могилу. Два утра сряду я ходила туда и всякій разъ видѣла новые ряды покойниковъ и новую вырытую братскую могилу; только на второй день немного въ сторонѣ опустили розовый гробъ съ серебрянымъ крестомъ, и я стала на колѣни и молилась, а священникъ бросилъ послѣднюю горсть земли. Какъ все грустно и безжизненно! А надъ Севастополемъ поднимается еще черный дымъ. Только воздухъ совсѣмъ переѣнился — такой теплый и пріятный; небо не покрыто тучами, а чисто и ясно, и на немъ ярко и величественно блеститъ солнце... Да будетъ же оно символомъ будущаго возрожденія новоокрещеннаго и новопредставленнаго раба Божія, воина Рафаила, за вѣру и царя на брани убіеннаго!»

Кончилась война, но не кончилась подвигъ сестеръ милосердія; надо было выходить больныхъ и раненыхъ, воставить ихъ на ноги, отправить на родину; многіе и многіе мѣсяцы продолжалась еще самоотверженная, трудная работъ сестеръ; военновременные госпитали закрылись лишь въ концѣ 1856 года. Но и тогда многія изъ сестеръ не пожелали вернуться къ прежнему образу жизни. Ужасное военное время и то море страданій, которое они вокругъ себя видѣли, какъ бы переродило ихъ нравственно и навсегда оторвало отъ мелкихъ будничныхъ интересовъ. Слѣдуя завѣту Христа, они «отвергликъ себя, взяли крестъ свой и послѣдовали за нимъ». Крестоводвиженская Община изъ временной была преобразована въ постоянную, и многія изъ оставшихся въ ней сестеръ, въ томъ числѣ и Е. М. Бакунина, повторили свой подвигъ четверть вѣка спустя во время послѣдней русско-турешкой войны.

Но еще раньше прибытія сестеръ Крестовоздвиженской Общины, при самомъ началѣ войны, одна молоденькая семнадцатилѣтняя дѣвушка выступила совершенно самостоятельно изъ роли сестры милосердія. Это была сиротка Дарья, дочь умершаго черноморскаго матроса. До высадки непрітеля она жила въ Севастополѣ, на Корабельной сторонѣ, въ крошечной лачужкѣ, принадлежащей ея покойнымъ родителямъ, и кормилась трудами рукъ своихъ да помощью добрыхъ «дядюшекъ». А «дядюшекъ» у нея было много: «дядюшкою» ей доводился весь черноморскій флотъ. Не проходило дня, чтобъ два-три старика—«дядюшки» не посадили съ трубкою на ея крылечкѣ и не принесли сиротникѣ-Дашѣ какого-нибудь незатѣйливаго гостинчика. «За сиротю—Богъ съ калитою», говорить пословица.

И отплатила же черноморцамъ Дарьюшка за ихъ любовь и ласку! Когда рѣшена была высадка и севастопольцы двинулись на защиту родного города, собралась въ путь и Дарьюшка. Продала она свою лачугу и весь свой скарбъ, обрѣзала косу, надѣла матросскую куртку и бѣлую фуражку, купила на вырученныя деньги ключонку да еще котонку и набила ее всякимъ добромъ: чистыми тряпками, бинтами, корпіей и разными другимъ «лазаретнымъ снабженьемъ». Когда наша армія тронулась на Альму, вслѣдъ за нею вертомъ на лошадекъ ѣхалъ какой-то молодой матросникъ съ котонкою за плечами и боченкомъ спирта у сѣдла. За нимъ бѣжала собачонка.

— Морская кавалерія въ аріегардѣ — шутили пѣхотинцы, не подозревая, что за мальчишка плетется на ключонкѣ.

Только два дня спустя, когда многіе изъ нихъ лежали раненыя на полѣ сраженія, узнали они, что за «морская кавалерія» была у нихъ въ аріегардѣ.

Дарьюшка выбрала укромное мѣстечко, куда не долетали ядра и бомбы и гдѣ отъ палящаго южнаго солнца закрывалъ кустарникъ, и устроила тамъ первый перевязочный пунктъ. Дарьюшка была пер-

вая сестра и милосердія. Господь сохранилъ ее среди тѣхъ безчисленныхъ опасностей, которымъ она себя подвергала. Императрица Александра Феодоровна прислала ей большой золотой крестъ; Государь наградила ее медалью, а служивые поднесли ей въ складчину икону Спасителя.

А сколько было и другихъ женщинъ, съ самоотверженіемъ принимавшихъ участіе въ оборонѣ Севастополя. Женны офицеровъ и простыя матроски подъ градомъ ядеръ носили на бастіонъ шину своимъ мужьямъ и тѣмъ одинокимъ солдатикамъ, о которыхъ некому было позаботиться. Тамъ онѣ перевязывали раненныхъ, разрывая при этомъ на бинты свое бѣлье. Къ концу осады у большинства севастопольскихъ жителей не оставалось почти вовсе бѣлья: все было отдано на перевязки. Теплое платье и вообще все то, что могло хоть сколько-нибудь пригодиться раненымъ и облегчить ихъ горькую участь, пошло туда же. Случалось и такъ, что, попавъ на бастіонъ въ минуту горячей перестрѣлки, женщины принимали въ ней непосредственное участіе, подавая мужьямъ снаряды. Многія изъ нихъ были при этомъ ранены и убиты.

XV.

Свѣтлый Праздникъ 1855 года
въ Севастополь и второе бом-
бардированіе.

Наступила Страстная недѣля. Многіе ожидали на эти великіе для всѣхъ христіанскихъ народовъ дни перемирія, но ошиблись въ расчетѣ. Съ нашей стороны были самыя слабыя отвѣты на градъ бомбъ, посылаемый непріателемъ. Въ Великій четвергъ, во время чтенія двѣнадцати евангелій, когда всѣ церкви были переполнены молящимися, толпившимся даже на ступенькахъ храмовъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ,—непріатель избиралъ это зарево свѣчей цѣлю для своихъ выстрѣловъ.

Наступила Страстная суббота. Ровно годъ до того, въ 1854 г. въ этотъ самый великій день соединенные флоты, французскій и

Рисунокъ изображаетъ одну изъ улицъ Севастополя во время бомбардированія.
а. вѣдн. снѣгозомъ. 2-а изд.

англійской, неожиданно явились передъ Одессою и начали бомбардировать городъ, но были удачно отбиты прапорщикомъ артиллеріи Шеголенымъ и его командою. Теперь союзники повторили то же самое и въ Севастополѣ. Но и здѣсь, какъ въ Одессѣ, народъ и войско безтрепетно стояли на молитвѣ. Зажженные десятки тысячъ свѣчей не потухали, и на улицахъ толпилась масса народа. На бастионахъ все приняло праздничный видъ. Площадки усыпали пескомъ, платформы обчистили, станки у орудіи подкрасили; люди приодѣлись. Съ одной стороны гремѣли выстрѣлы, съ другой—раздавался благовѣстъ всѣхъ севастопольскихъ колоколовъ.

Но вотъ окончились утрени и обѣдни. Изъ города потянулся крестный ходъ. Священники въ полномъ облаченіи явились на бастионы; раздались радостныя возгласы: «Христосъ Воскресе!». Пришли на бастионы и семьи матросовъ разговѣться и похристосоваться съ родными; нанесли куличей, пасохъ, яичъ. Побывали на бастионахъ и общій любимецъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Начальство прислало отъ себя солдатамъ куда по ведру, а куда по полуведру воды. Матросы, къ которымъ явились ихъ семьи съ равною снѣдью, пригласила тотчасъ же «спиритниковъ-пѣхотинцевъ», пришедшихъ изъ дальнихъ мѣстъ, раздѣлить съ ними розговенье.

Однако за эту ночь отъ непріятельской стрѣльбы многія городскія зданія значительно пострадали. Между прочимъ была совершенно разрушена Корабельная слободка, лежавшая на склонахъ Малахова кургана.

Первый день Пасхи прошелъ тихо, хотя все-таки не обошлось у насъ безъ убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей же стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Къ вечеру погода измѣнилась. Подулъ холодный вѣтеръ; началъ накрапывать дождь. Изъ Севастополя замѣтили въ непріятельскомъ флотѣ какое-то необыкновенное движеніе:—пользуясь нашимъ молчаніемъ, близъ бухты то и дѣло пробѣгали пароходы. Съ трехъ часовъ ночи начался страшный ливень, а въ 5 часовъ утра земля вздрогнула отъ потрясающаго залпа,

которымъ началось второе бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся 7 дней, съ 28-го марта по 4-е апрѣля,—словомъ, всю Святую недѣлю.

Въ первый моментъ трудно было что-нибудь разглядѣть. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; клубы дыма не разсыѣвались во влажномъ воздухѣ, и всѣ окрестности были покрыты непроницаемою тьмою, въ которой злобноще мелькали огни по всѣмъ направленіямъ. Ревъ орудій не смолкалъ въ теченіе дня ни на одно мгновеніе и время отъ времени усиливался оглушительнымъ трескомъ взрывающихся пороховыхъ погребовъ.

Все въ городѣ пришло въ движеніе. По улицамъ проходили отряды солдатъ, скакала артиллерія, двигались повозки и фуры; везли воду, снаряды; несли носилки съ ранеными; скакали адъютанты и ординары, бѣжали офицеры, отыскивающие свои части. По словамъ одного очевидца, этой суеты описать невозможно: «Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей—все сливалось въ одинъ неопредѣленный гулъ. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ, тигостное ожиданіе въ сердцѣ...»

И этотъ адъ продолжался ровно 7 дней, начиная съ ранняго утра и затихая только, но не переставая, къ поздней ночи.

Приготовленія ко второму бомбардированію описывались въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣми англійскими, французскими и турецкими газетами. По ихъ словамъ, въ городѣ не останется камня на камнѣ, и взятіе Севастополя несомнѣнно. И что же?—Дѣйствительно, второе бомбардированіе разрушило почти половину всѣхъ городскихъ зданій, но оно не сокрушило ни дуза защитниковъ Севастополя, ни его укрѣпленій. Цѣною страшныхъ потерь въ рядахъ своей арміи союзники лишь нѣсколько приближались къ цѣли, но до взятія города было еще далеко.

XVI.

Третье и четвертое бомбардированія.— Первый штурмъ.

За вторымъ бомбардированіемъ въ маѣ мѣсяцѣ послѣдовало третье, направленное главнымъ образомъ на три редута, выдвинутыхъ впереди Малахова кургана: Селевгинскій, Волынский и Клячатскій. Когда редуты эти были полуразрушены бомбами, на нихъ бросились французы и послѣ долгой и кровопролитной схватки отняли ихъ у насъ. Не выдержали таки «три отрока въ печи огненной», какъ называли севастопольцы эти редуты, находившіеся все время своего существованія въ постоянномъ боевомъ огнѣ. Попадъ въ руки французовъ, «три отрока» начали дѣйствовать противъ насъ и обстрѣлывать Малаховъ курганъ, очутившійся болѣе,

чемъ когда либо, въ отчаянномъ положеніи. Такимъ образомъ всё наши передовыя укрѣпленія перешли къ неприятелю, который вооружилъ ихъ орудіями гигантскаго калибра и обращалъ противъ насъ.

5-го іюня открыто было четвертое бомбардированіе, а 6-го неприятель пошелъ въ первый разъ на штурмъ.

На самомъ разсвѣтѣ подпоручикомъ Хрущовымъ, находившимся въ «секретѣ», дано было знать, что французы строятся въ колонны. Бомбардированіе не прекращалось, но шло залпами. Вдругъ загорѣлся фальшфейеръ, и густыя колонны французовъ двинулись на бастионы—первый и второй. Ихъ встрѣтила градомъ картечи. Французы пошпилились, но, оправившись, снова двинулись впередъ.

Канонада умолкла, когда въ центрѣ неприятельскихъ батарей взвилась ракета и разсыпалась разноцвѣтными огнями. Этотъ фейерверкъ означалъ общую атаку.

Наши орудія были мгновенно заряжены картечью, и все замерло въ ожиданіи.

Атакующіе приближались густою, пестрою, волнующеюся толпой. Впереди бѣжали офицеры съ обнаженными саблями. Но вотъ грянулъ залпъ съ севастопольскихъ укрѣпленій и повесъ въ эту живую массу тысячи ранъ и смертей. Масса дрогнула, остановилась на мгновеніе, но вдругъ, точно собравъ всё силы, быстро пробѣжала пространство, отдѣлявшее ее отъ укрѣпленій, прыгая и перескакивая черезъ трупы. Закипѣлъ ужасный рукопашный бой.

Французы атаквали 1 и 2 бастионы и Малаховъ курганъ, англичане—3-й бастионъ. Штурмъ былъ отбитъ.

Оказалось, что за эти нѣсколько часовъ легло болѣе 16 тысячъ человѣкъ!—У насъ вышло изъ строя шесть тысячъ, у неприятеля болѣе десяти.

Во время этого перваго штурма Малахова кургана 6-го іюня 1855 г., когда наши войска, уступая численности противника, принуждены были отступить, и неприятель проникъ уже внутрь одной изъ батарей, генераль Хрулевъ, прибывшій въ эту минуту

съ кургану, схватилъ 5-ю роту Сьвскаго полка, — всего 138 человекъ, и со словами: «Благодѣтели мои, въ штыки, за мною, дивизія идетъ на помощь!» — двинулъ безъ выстрѣловъ въ штыки. Загорѣлся жестокій рукопашный бой; французы защищались съ отчаянною храбростью, но съ громадными потерями принуждены были отступить, и участь боя была рѣшена. Изъ храброй роты Сьвскаго полка осталось налицо лишь 33 человека!

XVII.

Смерть Нахимова.

Служа царю, отец солдатамъ,
Да, жаль его: сраженья бузавосъ.
Онъ спитъ въ земляхъ сырой

Лермонтовъ.

Послѣ штурма неприятель затихъ. У насъ все пошло въ прежнія рамки. Пошла опять служба на бастіонахъ; но эта служба по мѣрѣ приближенія неприятельскихъ траншей въ нашей оборонительной линіи становилось все труднѣе и труднѣе. Однако привычка дѣлала свое, и, несмотря на усиливающіеся труды и опасности, люди свыкались съ жизнью на бастіонахъ.

Придутъ новички.

— Вы здѣсь не ходите, — говорить старикъ-матросъ.

— Отчего же не ходить? — спрашиваютъ тѣ: — ты же воть сидишь.

— Такъ я здѣшній, — отвѣчаетъ матросъ, какъ будто здѣшняго неприятельская пуля тронуть не можетъ.

Павель Степановичъ Нахимовъ былъ тоже здѣшній; десять мѣсяцевъ прожить онъ подъ адскимъ огнемъ, но пришла и его очередь.

Любя своихъ подчиненныхъ онъ всегда удерживалъ ихъ отъ излишней храбрости, а самъ былъ храбръ до излишества. Во всемъ

Севастополь только онъ одинъ не снималъ чернаго адмиральскаго мундира съ густыми эполетами; въ этомъ костюмѣ онъ рѣдко выдѣлялся изъ массы сѣрыхъ солдатскихъ шинелей, которые носили и высшіе военные чины, и являлся такимъ образомъ постоянною цѣлью для непріятельскихъ выстрѣловъ. Онъ такъ пренебрегалъ опасностью, что трудно было рѣшить: нарочно онъ ее ищетъ или просто не замѣчаетъ.

Какъ-то разъ, осматривая работы на батареехъ, Нахимовъ обратился къ одному молодому офицеру, недавно прибывшему въ Севастополь и не знавшему его лично, съ просьбою провести его кратчайшимъ путемъ на такой-то редутъ. Офицеръ повернулъ за линію батарей, не желая идти по наружной стѣнкѣ, которая прикрывала только по груди.

— Куда вы меня ведете?—спросилъ Нахимовъ, остановясь.

— Ваше высокопревосходительство, по той стѣнкѣ придется идти совершенно открыто. За батареями безопасно.

— Васъ извиняетъ, молодой человекъ, только то, что вы не знаете, кого вы ведете. Я—Нахимовъ и по трущобамъ не хожу-съ. Извольте идти по стѣнкѣ.

Пошли... Французскія пули провожали ихъ до самаго редута. Нахимовъ прошелъ невредимо, а бошманъ шедшій позади него былъ убитъ.

Дойдя до редута, Нахимовъ обратился къ офицеру:

— Ваша фамилія?

— Бульмерингъ.

— Теперь мы съ вами знакомы и больше ссориться не будемъ-съ, и Нахимовъ дружески подаль ему руку.

28-го іюня, вечеромъ, наканунѣ своихъ именинъ, Павелъ Степановичъ обѣднчалъ бастионы. Встрѣтясь съ вице-адмираломъ Панфиловымъ, онъ сказалъ:

— Сегодня не жарко-съ.

— Однако порядочно,—отвѣчалъ Панфиловъ и прибавилъ:— завтра къ Вамъ на пироги, адмиралъ. Съ наступающимъ ангеломъ!

— Какіе-съ пироги въ Севастополѣ? Въ Севастополѣ блины-съ,— пошутить Нахимовъ, и поѣхалъ на Малаховъ курганъ.

Такъ въ походной церкви, устроенной въ башнѣ кургана, шла всенощная, наканунѣ дня св. апостоловъ Петра и Павла. Павелъ Степановичъ очень долго встоялся на одномъ мѣстѣ, высунувшись за брустверь. Одинъ изъ сотоварищей его по Синопскому бою, Керъ, завѣдывавшій Малаховымъ курганомъ, видя угрожающую адмиралу опасность, подошелъ къ нему.

— Павелъ Степановичъ, въ башнѣ идетъ всенощная, не угодно-ли будетъ прослушать ея?

— Я васъ не держу-съ,—отвѣчалъ Нахимовъ и сталъ опять къ зрительной трубѣ.

— Адмиралъ, къ васъ иѣхать,—сказалъ ему лейтенантъ Коло-товской.

— Ну, такъ что же-съ?—спросилъ, не отнимая глазъ отъ трубы, Нахимовъ.

Пуля ударила въ мѣшокъ около него.

— Какъ они хорошо стрѣляютъ!—сказалъ онъ и выпрямился.

Но едва голова его очутилась выше бруствера, какъ пуля ударила его въ високъ падъ правымъ глазомъ и вышла позади виска, около затылка, надъ правымъ ухомъ. Онъ опрокинулся навзничъ; всѣ охнули.

Послали за докторами, въ томъ числѣ и за докторомъ Гюббенетомъ, находившимся въ эти минуты у Тотлебена, тяжело раненаго 8-го іюня. Офицеръ, жившійся туда вноныхахъ, успѣшно объявилъ, что Нахимовъ получалъ смертельную рану на Малаховомъ курганѣ. Тотлебенъ заплакалъ. Гюббенетъ передумался: Тотлебенъ былъ глубоко привязанъ къ Нахимову, и это извѣстіе могло оказаться для него гибельнымъ.

«И голова, и сердце могутъ сразу оставить несокрушимое тѣло Севастополя, мелькало въ головѣ доктора, когда онъ слѣшилъ на Сѣверную сторону, куда уже былъ перевезенъ Нахимовъ.

Павель Степановичъ лежалъ и смотрѣлъ на всѣхъ пристально, но ничего не говорилъ. Язвѣкъ онъ лишился съ перваго же момента, но сознанія не лишился, такъ какъ самъ прикладывалъ и прижималъ на рану холодный компрессъ. Рукѣ дѣйствовала только лѣвая. Доктора признали его рану безусловно смертельною, но матросы все еще надѣялись и горячо молились за выздоровленіе своего «отца родного». Они утѣшали себя тѣмъ, что адмиралъ еще «дышетъ». Но когда 30 іюня онъ испустилъ послѣдній вздохъ, и ужасная вѣсть эта разошлась по всему Севастополю, дрогнули самыя твердыя сердца. «Умеръ Нахимовъ... умеръ...» — передавали другъ другу съ глубокою тоскою защитники Севастополя.

Скромный домикъ, гдѣ жилъ Павель Степановичъ, осаждался толпаяи народа: всѣ шли проститься съ любимымъ начальникомъ, у всѣхъ глаза застилались слезами... Покойный лежалъ на катафалкѣ, покрытый флагомъ, развѣвавшимся на кораблѣ «Императрица Марія» въ знаменитый день Синопскаго сраженія, героемъ котораго былъ онъ, скончившій теперь навѣки очи. Подъ флагомъ этимъ лежалъ рыцарь по характеру и младенецъ по нѣжному, любящему сердцу. Этотъ суровый съ вида герой былъ способенъ на самую утонченную, трогательную внимательность: зная наприимѣръ, что Тотлебенъ — любитель шифтовъ, онъ посылалъ ему ежедневно булеты, когда тотъ, раненый, лежалъ въ постели. Если у офицеровъ въ госпиталѣ находилось лакомство — его, навѣрно, прислалъ Нахимовъ; если у матроса на столѣ была булка, — она была прислана Павломъ Степановичемъ. Жилъ онъ болѣе, чѣмъ скромно, и всѣ свои достатки отдавалъ «матросикамъ».

Вотъ какъ описываетъ Е. М. Бакунина похороны Нахимова въ письмѣ къ сестрѣ:

«Уже готовились къ выносу въ церковь для отпѣванія. Это было въ пятницу послѣ обѣда. На улицѣ стояли войска и пушки, множество офицеровъ, морскихъ и армейскихъ. Во второй комнатѣ стоялъ гробъ, обитый золотой парчой, кругомъ много подушекъ съ

орденами, въ головках ступнированы три адмиральскихъ флага, а самъ онъ былъ покрытъ тѣмъ прострѣвленнымъ и изорваннымъ флагомъ, который развивался на его кораблѣ въ день Синопской битвы. Священникъ въ полномъ облаченіи читалъ Евангеліе. По загорѣлымъ щекамъ моряковъ, которые стояли на часахъ, текли слезы. Съ тѣхъ поръ я не видала ни одного моряка, который не сказалъ бы, что радостно легъ бы за него. Одинъ только сказалъ мнѣ: «жаль его, ну да все равно,—я самъ тамъ скоро буду!» Онъ говорилъ это, лежа на операционномъ столѣ.

«Въ церковь мы не ходили, а пошли на бульваръ. Это близъ того мѣста, гдѣ библіотека; очень высокое мѣсто и внизу церковь, вблизи Графской пристани. Мы простояли нѣкоторое время: все еще ходили въ церковь прощаться. Наконецъ, заунывный трезвонъ и все болѣе и болѣе слышное пѣніе возвѣстали намъ, что вышли изъ церкви. Процессія повернула на гору и прошла мимо насъ. Ею несли въ недостроенную церковь равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ уже были схоронены адмиралы: Лазаревъ, Корниловъ и Истомина.

«Никогда не буду я въ силѣхъ передать тебѣ это глубоко грустное впечатлѣніе. Представь себѣ, что мы были на возвышенности, съ которой виденъ весь Севастополь, бухта съ нашими грустно разснащенными кораблями, морѣ съ грозными и многочисленными флотами нашихъ враговъ, горы, покрытыя нашими бастионами, на которыхъ Нахимовъ бывалъ безпрестанно, обояря еще болѣе призракомъ, чѣмъ словами. Дальше, горы съ непріятельскими батареями, съ которыхъ такъ безнащадно громятъ Севастополь, и съ которыхъ теперь могли бы прямо стрѣлять въ процессію. Но они были такъ любезны, что во все время не было ни одного выстрѣла.

«Представь же себѣ этотъ огромный видъ, а надъ всѣмъ этия мрачныя, тяжелыя тучи. Заунывная музыка, перезвонъ колоколовъ, печально торжественное пѣніе; очень много священниковъ, генераловъ, офицеровъ, на всѣхъ лицахъ грустное выраженіе...

«Так хоронили моряки своего синопского героя, так хоронили Севастополь своего неустранимого защитника!»

«Во время печальной процессии», — подтверждает другой очевидец «отъ собора до вновь строящейся церкви св. Владимира неприятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Казалось, самыя пушки смотрѣли съ благоговѣніемъ на скорбь нашу, на послѣдній долгъ нашъ великому адмиралу! Въ лагерѣ союзниковъ знали о нашей уtratѣ по спущеннымъ флагамъ и ревамъ нашего флота; конечно, и враги наши хотѣли почтить память героя...»

Нахимовъ былъ въ полномъ смыслѣ слова добрымъ геніемъ защитниковъ Севастополя. Умиравшіе нерѣдко вспоинали о немъ въ послѣднія минуты своей жизни. Такъ рассказываютъ, что во время штурма 6-го іюня одинъ изъ рядовыхъ пѣхотнаго графа Дибича Забалканскаго полка лежалъ на землѣ, близъ Малахова кургана.

— Ваше благородіе! А ваше благородіе!—кричитъ онъ съ усиліемъ скакавшему мимо офицеру.

Офицеръ не останавливается.

— Пойдите, ваше благородіе!—кричитъ раненый. — Я не помощи хочу просить... важное дѣло...

Офицеръ возвратился къ раненому.

— Скажите, ваше благородіе, адмиралъ Нахимовъ не убитъ?

— Нѣтъ.

— Ну, слава Богу, теперь уру спокойно...

Солдатъ съ трудомъ перекрестился, вздохнулъ и, облегченный, закрылъ напѣлки глаза.

Понятно послѣ того, что смерть Нахимова была народнымъ горемъ, что у защитниковъ Севастополя невольно взыгнула мысль: «Нахимову конецъ—всему концу!»

Нахимовъ былъ похороненъ рядомъ съ Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминнымъ.

Во время первой бомбардировки 3-го октября 1854 г. онъ былъ раненъ; затѣмъ контуженъ осколкомъ бомбы 26-го мая, а 28-го июня убитъ ружейною пулей.

Смерть Нахимова тяжело поразила всю Россію. О чувствахъ, переживаемомъ по поводу этой потери современниками, можно судить по статьѣ М. Погодина, появившейся тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Нахимовъ получилъ тяжелую рану!». «Нахимовъ скончался!» «Боже мой какое несчастіе!»—пишетъ онъ. «Эти роковыя слова не слодили съ устъ у московскихъ жителей въ продолженіи трехъ послѣднихъ дней. Вездѣ только и былъ разговоръ, что о Нахимовѣ. Глубокая, сердечная горестъ слышалась въ непрерывныхъ стонахъ. Старые и молодые, военные и невоенные, мужчины и женщины показывали одинаковое участіе.

«Да, въ короткое время Нахимовъ приобрѣлъ себѣ общее расположеніе и сдѣлался народнымъ любимцемъ.

«Какъ же это случилось? Чему обязаны были такимъ рѣдкимъ у насъ счастьемъ, такою завидною извѣстностью?—Синопской побѣдѣ сначала, а потомъ пяти-шести словамъ, сказаннымъ имъ въ равныхъ случаяхъ и разнесшимся съ быстротою молніи по всей Россіи:

«Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ!»—
«Разбить турокъ,—что за важность, а еслибъ другихъ-то-съ!»—«Берегите Топалбега: его замѣнить некъмъ, а я что-съ!»

«Вотъ эти слова, въ которыхъ сказывалась вся душа, которыми обрисовывался весь человѣкъ. Вотъ эти слова, которыхъ придумать и сочинить—не придумаешь и не сочинишь, возбудили общее сочувствіе къ Нахимову, въ оправданіе прекрасной русской пословицы: «сердце сердцу вѣсть подастъ». Не видавъ въ глаза Нахимова, настоящіе русскіе люди воображали и оцѣнивали его скоро и вѣрно по какому-то безотчетному чутью и поняли, увидали, отгадали, что это человѣкъ простой и добрый, посвятившій себя службѣ, предан-

ный своему делу без личных расчетов, работающий без зависти, способный на всякия жертвы, готовый всегда пролить кровь за честь своего флага за свой любимый Севастополь...

«Съ Нахимовымъ, воспитанникомъ и преемникомъ Лазарева, мы были спокойнѣе и за самый Севастополь,—при всей благодарной довѣренности къ его сподвижникамъ; мы были увѣрены, что онъ скорѣе погребется подъ его дымящимися развалинами со всѣмъ вѣрнымъ своимъ гарнизономъ, чѣмъ уступить врагамъ. И вдругъ услышать послѣ радостнаго, блистательнаго отраженія ¹⁾, что онъ палъ случайно, при обыкновенномъ дневномъ осмотровѣ, какъ будто даромъ, о, это горько, это тяжело!

«Память тебѣ вѣчная, достойный русскій человекъ, память тебѣ вѣчная, вѣстѣ со всѣми павшими, падающими, и увы, еще упавшими на завѣтныхъ высотахъ Севастополя!»

«Подъ Севастополемъ во время оно равноапостольный князь Владиміръ принялъ святое крещеніе водою. Подъ Севастополемъ крестилась вся Россія огнемъ и кровью, Севастополь возвысилъ народный духъ и проявилъ его сокровенныя силы. Севастополь приросъ къ сердцу всякаго русскаго человекъ, и не оторвать его нашимъ врагамъ, хотя бы они явились въ новыя тысячахъ и тысячахъ и взяли его десять разъ! Безприкѣрная оборона Севастополя останется вѣчнымъ украшеніемъ русскихъ лѣтописей, имена его защитниковъ, этихъ хранителей отечества, будутъ помянуты нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ съ именами воеводъ Куликова поля, Полтавы, Бородина, и между ними всегда будетъ провозглашаться громко имя добраго, простаго и храбраго Нахимова».

Прошло 43 года со времени незабвенныхъ, ужасныхъ и славныхъ дней Севастопольской осады, и память героя удостоилась рѣдкаго по своей торжественности чествованія.

¹⁾ Штурмъ 6-го іюня.

18-го ноября 1898 г., въ памятный день 45-лѣтней годовщины Синопской побѣды, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора Николая II, при чудной погодѣ и громадномъ стеченіи войскъ и народа, среди котораго находились родственники Павла Степановича и севастопольскіе ветераны, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, въ Севастополѣ открытъ памятникъ Нахимову.

Памятникъ находится на Екатерининской площади, противъ Графской пристани, впереди Морского собранія. Нахимовъ въ адмиральскомъ мундирѣ, при шпагѣ стоитъ съ зрительной трубой въ правой рукѣ; лѣвая заложена назадъ. Статуя поставлена на бѣлую гранитную усѣченную пирамиду, утвержденную на темно-сѣромъ гранитномъ пьедесталѣ. На передней сторонѣ пирамиды надпись: «Адмиралу Павлу Степановичу Нахимову». Подъ нею спущенное турецкое знамя надъ горельефомъ, изображающимъ Синопскій бой; на спертисѣ, сбоку, слова знаменитаго приказа Нахимова:

«Увѣдомляю г.г. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превосходящимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло. Адмиралъ Нахимовъ. 2-го ноября 1853 года».

На пирамидѣ надпись:

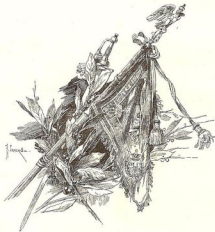
«18-го ноября 1853 года русская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова, истребила подъ Синопомъ турецкій флотъ Османа-пашы».

Затѣмъ стихи гр. Ростопчиной:

„Двадцать разъ луна вѣнчалась,
 „Луна выходила въ небесахъ,
 „А все осада продолжалась,
 „И поле битвы расширялось
 „Въ облитыхъ кровію стѣнахъ».

На задней сторонѣ—громадный металлическій лавровый вѣнокъ съ лентой. На уступахъ—якоря и лара.

Какъ живой, стоитъ на своемъ высокомъ пьедесталѣ Павелъ Степановичъ, вперивъ вдаль вдумчивыя очи. Но не пепель, не развалины, не груды окровавленныхъ тѣлъ представляютъ его взорамъ; бѣлокаменный красавецъ-городъ краше прежняго отражается въ лазоревыхъ волнахъ коннаго моря, а на морѣ этомъ гордо и грозно раскачивается возрожденный Черноморскій флотъ, свято помнящій и хранящій заветы своего «отца родного».

XVIII.

Битва при Черной рѣчкѣ.—Федюхины высоты.

Въ то время, когда мы потеряли Павла Степановича Нахимова, у англичанъ умеръ отъ холеры главнокомандующій, лордъ Рагланъ. Тѣмъ не менѣе, осада продолжалась своимъ чередомъ и подступы неприятеля подходили все ближе и ближе.

Главнокомандующій, кн. Горчаковъ, сѣдѣвшій князя Меншикова, прѣѣхавъ однажды въ концѣ июля на Малаховъ курганъ, увидѣлъ саженихъ въ 50 отъ него небольшіе окопы.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Французскіе подступы, отвѣчали ему.

— Такъ ужь близко!.. сказалъ онъ и уѣхалъ, задумавшись.

Къ другимъ бастіонамъ подступы подходили еще ближе. Съ нашей стороны вылазка сдѣловала за вылазкою, но остановить подступы было невозможно.

Жизнь на бастіонахъ, несмотря на привычку, обращалась въ каторгу; въ самомъ городѣ почти уже не оставалось безопасныхъ мѣстъ, такъ какъ неприятельскіе снаряды долетали до самыхъ отдаленныхъ окраинъ. Большинство зданій стояло въ полуразрушенномъ видѣ, и жители скрывались по большей части въ подвалахъ или въ землянкахъ на Сѣверной сторонѣ. Пожары, производимые снарядами, продолжались круглыя сутки. Въ недалекомъ будущемъ

Севастополю грозило полное разрушеніе, тѣмъ болѣе, что на пути къ нему было 400 грандіозныхъ мортиръ, посланныхъ изъ Англіи. Ряды защитниковъ рѣдѣли, укрываться было негдѣ; казалось, все обречено было на гибель.

Въ виду такого безвыходнаго положенія, 28-го іюля князь Горчаковъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено еще разъ атаковать непріятели. Предложеніе двухъ-трехъ лишь оставить Севастополь было отвергнуто большинствомъ.

Главные силы союзниковъ расположены были вдоль Черной рѣчки. Надъ рѣчкою этою поднимаются такъ называемыя Федухиныя высоты, озраишіица сильными непріятельскими батареями и 60 эскадронами кавалеріи. На сосѣдней съ Федухиными высотами Сапунъ-горѣ находилось 48 орудій, а на Гастфортовой горѣ—72 орудія и 20.000 турокъ и сардинцевъ.

4-го августа съ замираніемъ сердца ждали въ Севастополѣ исхода сраженія на Черной рѣчкѣ. Тщетно ожидалъ севавтопольскій гарнизонъ условныхъ сигналовъ, послѣ которыхъ и онъ долженъ былъ произвести общую вылазку. Минувалъ полдень, все еще надѣялись на побѣду, но вотъ проходятъ часъ, два, три, четыре... Сраженіе кончилось. Наши отступили.

Мы потеряли 11 генераловъ, 349 офицеровъ и 9.000 солдатъ. По количеству жертвъ сраженіе на Федухиныхъ высотахъ при Черной рѣчкѣ является однимъ изъ несчастливѣйшихъ во всей русской исторіи.

Что же произошло на Черной?—То же, что и при Инкерманѣ: отсутствіе строго опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій, различа недоразумѣнія со стороны начальствующихъ лицъ и рядъ поразительныхъ подвиговъ со стороны нижнихъ чиновъ. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Главнокомандующій замѣтилъ при отступленіи отсталого солдата, который время отъ времени стрѣлялъ по непріятелю и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. За нимъ были посланы двое казаковъ. Оказалось, что это егеръ Лейбъ-Егерскаго Бородинскаго Его Императорскаго Величества полка, по имени Матвій Шелкуновъ.

— По какому случаю ты остался позади другихъ?—спросилъ его князь Горчаковъ.

— Прикрывалъ отступление раненныхъ, ваше сіятельство—отвѣчалъ Шелкуновъ.

Главнокомандующій пожелалъ узнать подробности этого отступления. Шелкуновъ началъ докладывать:

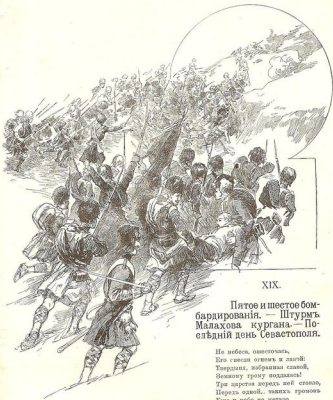
Видъ одной изъ площадей Севастополя послѣ послѣдняго бомбардированія.

— Былъ я въ цѣпи; подошли мы къ рѣчкѣ, перебѣжали ее, а за ней другая—не то рѣка, не то канава—глубоко, и вдругъ не перескочишь. Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу, и цѣпь перебралась. Врагъ сидѣлъ въ канавѣхъ, мы въ штыки. Тутъ дали цѣпи сигналъ—отходи назадъ. Смотрю—трое раненныхъ. Я—одинъ; извѣстное дѣло, тронихъ не подберешь, ваше сіятельство! «Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!» Какъ замѣчу, что ползуны отстаютъ, и я приостановлюсь; сдѣлаю выстрѣловъ пять по вразсыѣ цѣпи, да и снова въ походъ... Вотъ и все, ваше сіятельство!

Отступая такимъ образомъ черепашьимъ шагомъ подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, Матвій Шелкуновъ принесъ на себѣ пять ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, прикрытіе которыхъ онъ составлялъ. «Не пропадать же даромъ казенному добру!»—пояснилъ онъ.

Главнѣйшій прозвель Матвія Шелкунова въ унтеръ-офицеры и собственноручно нагнать ему на грудь георгіевскій крестъ.

XIX.

Пятое и шестое бомбардированія. — Штурмъ Малахова кургана. — Последній день Севастополя.

На небеса, омесочась,
Его слеза огнемъ и лавой;
Твердыя, избранныя слабой,
Земному трону поднимая!
Три царства передъ ней стаяло,
Передъ одной.. таяхъ громова;
Еще и небо не жетало
Съ веруководимыхъ облаковъ.

Варсовъ, „Литва“.

На другой день послѣ битвы при Черной, непріятель открылъ пятое бомбардированіе, которое почти совершенно уничтожило артиллерію Малахова кургана и 2-го бастиона. Непріятельскіе подступы находились всего въ семнадцать саженяхъ отъ Малахова кургана. Союзники почти ежедневно устраивали ложныя тревоги къ штурму. Канонада прекращалась, и возвращалась жертвая тишина. Вотъ летитъ изъ ихъ лагеря сигнальная ракета и раздаются продолжительные крики—признакъ того, что непріятель идетъ на штурмъ. Пѣхота наша изъ прикрытій бросается на бастионы, но штурма никакого не оказывается, а начинается вновь жесточайшая канонада и ружейный огонь. Непріятель выманивалъ такимъ образомъ наши войска изъ прикрытій на бастионы, и мы несли отъ этого жестокаго потери: у насъ выбывало ежедневно до 2,500 человекъ изъ строя.

На 20-й день послѣ сраженія на Черной непріятель открылъ шестое, послѣднее бомбардированіе. По словамъ очевидцевъ, это была канонада, какой не приходилось еще слышать севастопольцамъ во всю осаду. Снаряды во всѣхъ направленіяхъ рыли землю, коверкали бруствера, подбивали орудія, разрушали амбразуры, истребляли людей. Ночью бомбы и ракеты, въ видѣ фейерверка, въ обиліи сыпались на Севастополь, распространяя повсюду пламя. Натыкаясь на трупы и на носилки съ ранеными, никто не спрашивалъ даже: кого и куда несутъ!

Канонада шла непрерывно день и ночь 24, 25 и 26 августа. Ночь съ 26-го на 27-е августа войска наши были на ногахъ въ ожиданіи штурма. Къ утру начальство удалило ихъ съ укрѣпленій, чтобы хоть нѣсколько предохранить отъ жестокаго непріятельскаго огня. Вдругъ, во время обѣда, французы выскочили изъ передовыхъ подступовъ, отстоявшихъ всего на 12 саженъ отъ Малахова кургана, и бросились на штурмъ. Черезъ нѣсколько минутъ на курганѣ была цѣлая дивизія генерала Макъ-Магона въ 6 тысячъ человекъ, а черезъ полчаса весь корпусъ генерала Боске.

При самомъ началѣ штурма около 50 человѣкъ солдатъ Модлинскаго полка, съ поручикомъ Юніемъ и подпоручикомъ Данильченко и Богдзевичемъ, видя себя окруженными, вскочили въ башню Малахова кургана и приперли двери. До пяти часовъ вечера отстрѣливались они, все ожидая, что русскіе отобьютъ курганъ, на которомъ нашли смерть Нахимовъ, Корниловъ и Истоминъ. Тогда зуавы обложили башню фашиинникомъ и зажгли его, но потомъ изъ боязни, что въ башнѣ находится складъ пороха, пожаръ былъ потушенъ. Приказано было привести русскихъ пленныхъ. Ихъ выстроили въ шеренгу, и французы, скрывшись за ними, пошли на приступъ башни. Видя, что приходится стрѣлять по своимъ, наши отворили дверь и вышли изъ башни съ бѣлымъ платкомъ на штыкѣ. Французы, думавшіе, что башня полна войсками, были изумлены при видѣ этой горсти храбрецовъ. Они прокричали имъ «viva!» и доставили къ главнокомандующему, маршалу Пелисье, который впоследствии особенно ходатайствовалъ о награжденіи ихъ передъ Государемъ Императоромъ.

Хотя штурмъ на всѣхъ прочихъ пунктахъ былъ нами отбитъ, но потеря Малахова кургана заставила главнокомандующаго, кн. Горчакова, отдать приказъ о томъ, чтобъ наши войска очистили Корабельную и Южную стороны и переправились на Сѣверную. Князь сознавалъ, что удерживать за нами Севастополь долге невозможно.

Началось отступление на Сѣверную сторону, которую успѣли заблаговременно соединить съ Южной мостомъ длиною въ 470 сажень, на плоткахъ, между Николаевскою и Михайловскою батареями. Мостъ, связанный изъ бревенъ, раскачивался среди бухты; волны, поднятыя сильнымъ вѣтромъ, заливали его такъ, что войскамъ приходилось идти по волѣно въ водѣ.

Съ окончаніемъ переправы Павловская батарея была взорвана, многія зданія въ городѣ сожжены и мостъ разобранъ. Непріятель, потерявшій громадныя потери во время штурма, а можетъ быть и

боявшийся взрывовъ, не безпокоить наши войска во время переправы.

28-го августа, на 349 день послѣ начала осады, союзники заняли Севастополь.

Главнокомандующій отправилъ въ Петербургъ депешу слѣдующаго содержанія:

«27-го августа, 10 часовъ пополудни.—Войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27-го августа шесть приступовъ изъ числа семи, повеленныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны; только изъ одного Корнилова бастиона не было возможности его выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ одинъ окровавленный развалины».

Депеша эта произвела удручающее впечатлѣніе. Государь горько заплакалъ, прочитавъ ее. «И для героевъ есть невозможное», сказалъ онъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какихъ жертвъ стоила Севастопольская осада и сколько горя она причинила, достаточно сказать, что за 11 мѣсяцевъ было убито, ранено и контужено 102,669 русскихъ и 54,000 союзниковъ.

По расчету графа Тотлебена, непріятель выпустилъ 1,356,000 артиллерійскихъ снарядовъ и болѣе 28¹/₂ милліоновъ ружейныхъ пуль, а защитниками Севастополя—1,027,000 снарядовъ и до 17 милліоновъ пуль. Пороха съ обѣихъ сторонъ было сожжено до полу-милліона пудовъ. Если бъ изъ этого количества снарядовъ сложить пирамиду, то она имѣла бы 100 квадратныхъ сажень въ основаніи и 41 сажень въ вышину, а изъ ружейныхъ патроновъ можно было бы возвести колонну, имѣющую 10 квар. аршинъ въ поперечникѣ и до 51 сажени въ высоту!.

XX.

Императоръ Александръ II въ Севастополѣ.—Миръ.—
Возвращеніе войскъ.

Война кончилась—и жертвъ не прощай,
Народъ стоялъ въ лагерѣ,
Хвалу усердную возносилъ
Сквозь свинцовыя громи небеса.
Народъ-герой! Въ борьбѣ суровой
Ты не жалелся до конца
Славою твоей вѣнчалъ террасы
Побѣдоноснаго бѣна.

Докторъ „Ташинъ“.

Хотя послѣ занятія Севастополя союзниками миръ и не тотчасъ былъ заключенъ, но серьезныхъ военныхъ дѣйствій больше уже не было: слишкомъ утомлены и измучены были обѣ стороны.

Неприятель, правда, подумывалъ о томъ, чтобы подняться со своимъ флотомъ вверхъ по рѣкѣ Бугу и осадить городъ Николаевъ, но тамъ находился въ то время Государь Императоръ Александръ II, и союзники не допускали мысли, чтобы городъ былъ слабо укреплень, и не рѣшались на осаду, боясь встрѣтить второй Севастополь. Между тѣмъ, въ сущности, Николаевъ почти что совсѣмъ не былъ укреплень.

28-го октября Государь, въ сопровожденіи великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, при торжественномъ звонѣ колоколовъ и кликахъ народа, приѣхалъ въ Бахчисарай. Тамъ ожи-

дала его развернутая фронтомъ 10-я пѣхотная дивизія, только что пришедшая изъ-подъ Севастополя.

— Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою храбрую крымскую армію!—привѣтствовалъ Государь войска.—Благодарю, ребята, за службу! Именемъ отца моего и вашего—благодарю васъ!

Голова его дрожала, и слеза за слезою катились по его щекамъ.

На другой день Государь уже былъ въ Севастополѣ. Взошла на вершину Волоховой башни, онъ оглянулся вокругъ. Справа шумѣло Черное море. Въ бухтѣ не было ни одного корабля,—все были потоплены. Слѣва возвышались горы, на которыхъ были расположены остатки нашей арміи. Прямо передъ Государемъ, на противоположномъ берегу бухты, лежали развалины Южной стороны.

Изъ Сѣвернаго укрѣпленія Государь направился на высоты, къ арміи. Путь его лежалъ чрезъ громадное Братское кладбище, гдѣ покоились тѣла защитниковъ Севастополя. Государь вѣшалъ въ коляскѣ съ главнокомандующимъ, Добѣхать до окраины кладбища, онъ велѣлъ экипажу остановиться, вышелъ изъ него, снялъ фуражку и набожно перекрестился. Передъ нимъ разстилалось необъятное поле, покрытое могильными холмами, надъ которыми кое-гдѣ возвышались большіе деревянные кресты. Подъ этими крестами покоились десятки тысячъ жизней. Государь склонился надъ ближайшимъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Затѣмъ онъ почти бѣгомъ направился къ коляскѣ и, не отнимая платка отъ глазъ, пробѣжалъ «городъ мертвыхъ».

Войска ожидали Государя.

— Я горжусь вами!—сказалъ онъ имъ, — и счастливъ, что могу лично поблагодарить васъ за геройскую вашу службу; я желалъ этого давно.

«Ура!»—гремѣло и перекатывалось по рядамъ войска, когда Государь началъ обходить ихъ пѣшкомъ. Онъ благодарилъ всѣхъ за вѣрную службу, называлъ къ себѣ георгиевскихъ кавалеровъ и

разспрашивалъ ихъ о томъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ получены ими кресты. При осмотрѣ 10-й дивизіи генераль Семьякинъ, одинъ изъ выдающихся защитниковъ Севастополя, сказалъ:

— Осмѣлюсь доложить Вашему Величеству, что во фронтѣ находятся до ста офицеровъ и 3,737 человекъ рядовыхъ раненыхъ.

Государь надрогнулъ и произнесъ:

— Повтори.

Генераль Семьякинъ повторилъ докладъ. Государь, глубоко троганный, выразилъ еще разъ свою сердечную благодарность.

Никого не обошелъ онъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Посѣщеніе лазаретовъ, бесѣды съ сестрами милосердія, особенно же та привѣтливость, которую онъ показывалъ черноморскимъ матросамъ и ихъ семьямъ, все это оставило по себѣ неизгладимыя воспоминанія въ сердцахъ защитниковъ Севастополя.

— Прощайте!—сказалъ Государь Крымской арміи, разставаясь съ нею,—я отъ души желаю бы остаться среди васъ, но это дѣло невозможное.

Война была окончена. Развалины Севастополя начали пустѣть; войска покидали ихъ и возвращались по квартирамъ. Настали дни радостныхъ свиданій углѣбавшихъ счастливейше съ родными, друзьями и знакомыми. Настала для многихъ и та горькая пора, когда, глядя на радость другихъ, съ особенною силою чувствуются собственныя утраты. Сколько слезъ пролилось въ бѣдныхъ, глухихъ деревняхъ, куда не доходило точныхъ извѣстій, гдѣ о гибели мужа, сына или брата приходилось узнавать лишь отъ возвратившагося земляка—служиваго!

Во всѣхъ городахъ устраивались торжественныя встрѣчи севастопольцамъ. Вотъ какъ происходила эта встрѣча въ Москвѣ.

Черноморцы *) вступали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Съ раннего утра у этой заставы собрались сотни тысячъ народа. Не одна Москва—всѣ окрестныя деревни, села, фабрики выслали своихъ представителей. Экипажи загрохотали всѣхъ прилегающихъ къ заставѣ улицъ.

Часа за три до прибытія матросовъ нѣмъ навстрѣчу проскакало нѣсколько троекъ. Въ нихъ сидѣли морскіе офицеры, прибывшіе наканунѣ изъ Петербурга. Они везли съ собою медали на георгіевскихъ лентахъ, предназначенныя для раздачи всѣмъ участникамъ славной осады.

Уѣжая изъ Севастополя, Государь сказалъ войскамъ:

— Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя я устанавливаю для войскъ, защищавшихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ. Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущиxъ сослужившихъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору престола и отечества.

Вотъ эти-то медали и были розданы теперь солдатамъ и надѣты ими.

Наконецъ показались адмиралы и черноморцы. Въ старухъ, истертыхъ шинеляхъ, съ загрубѣвшими руками, съ грудью, украшенною новою медалью, медленно спускались они съ горы, утомленные и измученные. Навстрѣчу нѣмъ пошли уполномоченные, Кокоревъ, и Мажитовъ, держа на серебряномъ блюдѣ коровыя, такой величины, что для печенія его пришлось сложить особую печь. Громовое «ура!», которымъ народъ встрѣтилъ появленіе севастьяпольцевъ, мгновенно смолкло. Кокоревъ передалъ хлѣбъ соль старшимъ офицерамъ со словами:

*) Такъ нѣмъ однимъ изъ условій Паризскаго трактата было уничтоженіе черноморскаго флота, то черноморскіе моряки были переведены изъ Севастополя на северъ и такимъ образомъ отутинили въ Москвѣ.

— Служивые! Благодаримъ васъ за ваши труды, за ту кровь, которую вы пролили за насъ, въ защиту родной земли! Примите нашу земной поклонъ.

Кочуревъ опустился на колѣни и поклонился въ землю. За нимъ послѣдовали Мамонтовъ и всѣ лица, изъ сопровождавшихъ; за ними упалъ на колѣни и весь народъ...

Такъ встрѣтила Москва севастопольцевъ.

XXI.

Современный Севастополь и его окрестности.

Храмъ св. Владимира и раскопки древняго Херсонеса.—Музей обороны Севастополя.—Историческій бульваръ.—Адмиральскій соборъ.—Братское кладбище.

Болѣ десяти лѣтъ не была я въ Крыму и не видѣла Севастополя,—и вотъ судьба снова закинула меня туда. Медленно подходить къ берегу «Св. Николая», одинъ изъ лучшихъ пароходовъ «Русскаго общества пароходства и торговли», на которомъ находилась и я со своею семьєю. Вотъ онъ, бѣлокаменный красавецъ Севастополь съ возвышающимся на горѣ соборомъ св. Владимира, или «Адмиральскимъ», какъ принято его звать; вотъ возобновленный Петро-Павловскій соборъ съ его колоннадою,—точная копія храма Тезея въ Афинахъ; вотъ по ту сторону Южной бухты «Братское кладбище» съ своеобразною церковью-памятникомъ, нѣкогда видѣ грандіозной братской могилы.

Пароходъ причаливаетъ. Трапъ спущенъ. Негерѣвливую, сплывшую толпою стремится публика на берегъ. Сходимъ и мы.

Изящная кожобережская плетенка, удобная, помѣстительная, съ раскрытымъ надъ головою пассажиромъ синяя зонтикомъ, забираетъ всю нашу семью; пара бойкихъ лошадокъ подхватываетъ легкій, какъ перышко, экипажъ и вѣтитъ его въ городъ. Я смотрю вокругъ, удивляюсь, люблюсь и глазамъ своимъ не вѣрю: куда дѣвались прежніе сплошныя развалины, носившіяся надъ ними клубы известковой пыли, вся скорбно-величественная, задумчивая физиономія Севастополя время Крымской кампаніи, которую онъ сохранилъ еще въ 1883 году? Широкая, прекрасно вымощенныя каменными кубиками улицы, которымъ могла бы позавидовать любая изъ нашихъ столицъ, красивыя, щеголеватыя здания, полное отсутствіе пыли, то и дѣло встрѣчающіяся по пути кучки нашихъ славныхъ матросиковъ, тамъ и сямъ офицерскій мундиръ, а никогда и адмиральскія знамена, всюду чистота, всюду какой-то строго выдержанный порядокъ, всюду жизнь... Что за контрастъ съ Севастополемъ, разореннымъ, малолюднымъ, самому себѣ предоставленнымъ, какимъ я его покинула за нѣсколько лѣтъ до того! Фениксъ возродился изъ пепла.

Возрожденіе это произошло сразу и неожиданно. Тяжело раненный послѣ осады, Севастополь какъ бы заперъ и долгіе годы не подавалъ признака жизни. Казалось, никогда не придетъ ему въ себя, никогда не стать на ноги. Военное значеніе его было утрачено, такъ какъ Парижскимъ трактатомъ, закончившимъ Севастопольскую кампанію, намъ запрещалось имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Отъ столицъ и центра Россіи онъ былъ удаленъ на много тысячъ верстъ; попадать въ него удобно можно было только моремъ; осенью же и зимою, во время распутицы и опасной навигаціи, добраться до него было въ высшей степени трудно. Но вотъ кончается франко-прусская война; падаетъ парижское запрещеніе; начинается возрождаться флотъ; строится желѣзная дорога. Городъ, имѣющій неограниченное военное и торговое значеніе, начинается развиваться съ неслыханною быстротою. На развалинахъ, какъ

бы по мановенію волшебнаго жезла, вырастають громадныя зданія чудной архитектуры; изрытыя бомбами улицы покрываются гранитною мостовою, берега бухты сплошь застраиваются громадными хлебными магазинами. На кучах мусора, покрывающей прежніе бастионы, возникает рѣдкій по красотѣ Историческій бульваръ. Торговые обороты въ короткое время увеличиваются въ десятки разъ; жизнь бьетъ ключемъ во всѣхъ уголкахъ. Севастополь, съ его никогда не замерзающею, великолѣпною бухтою, обѣщаетъ сдѣлаться соперникомъ Одессы.

Неожиданнымъ и тяжкимъ ударомъ для возрожденнаго Севастополя было извѣстіе о перенесеніи коммерческаго порта въ Осодокію. Извѣстіе это произвело на первыхъ порахъ настоящую панику. Дѣятельность города на время какъ бы застыла; новыя постройки прекратились, начатыя оставались неоконченными...

Но Богъ не безъ милости!—и въ августѣ мѣсяцѣ 1898 г. на хмуромъ небѣ замершаго Севастополя проглянуло ясное солнышко. Послѣ незабвеннаго дня открытія въ Москвѣ памятника Его великому Дѣду, по пути въ Ливадію, Императоръ Николай II со своею Августѣйшею Супругою, Императрицею Александрою Осодоровною, посѣтили родныя твердыни Севастополя и его историческія окрестности. Ободренные милостивымъ вниманіемъ Ихъ Величествъ, жители многострадальнаго города рѣшились повергнуть къ Ихъ стопамъ всѣ свои нужды и заботы, умоляя о возвращеніи нязъ коммерческаго порта, и съ твердою надеждою, съ полнымъ упованіемъ на милость Царскую, бодро и спокойно изврають они теперь на будущее.

Мы находились въ Севастополѣ по пути на Южный берегъ, въ Ялту, и могли остановиться въ неѣ не болѣе, какъ на два дня. Между тѣмъ, я считала долгомъ познакомить своихъ дѣтей хоть отчасти съ тѣми мѣстами, которыя должны быть дороги и святы каждому русскому. Мы свернули въ Херсонесъ.

Дорога шла по безводной, голой равнинѣ. Южное солнце, не смотря на ранній утренній часъ, палило нещадно. Но доносившійся до насъ морской вѣтерокъ былъ пропитанъ такою свѣжестью и влагой, такъ заманчиво синѣло и дали южное море, такъ живить и бодрить насъ благодатный югъ, что мы и не замѣтили получасового переѣзда отъ Севастополя до Херсонеса. Экипажъ нашъ остановился у монастырскихъ воротъ. Когда-то отъ воротъ этихъ до мѣста строившагося храма св. Владиміра вела дорога, по обѣимъ сторонамъ уставленная обломками колоннъ и вѣнчикъ, найденныхъ при раскопкахъ древняго Херсонеса. Теперь колонны эти убраны въ музей, особо устроенный для склада находимыхъ древностей Императорскою археологическою комиссіею надъ Карантинною бухтою, въ южной части Херсонеса; самъ же храмъ отреставрированъ, и является во всемъ своемъ великолѣпнѣ достойнымъ памятникомъ совершившемуся въ Херсонесѣ великому историческому событію.

Храмъ этотъ, имѣющій около 14 сажень вышины, выстроенъ въ строго византійскомъ стилѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей. Нижний храмъ довольно мраченъ, темноватъ и отдѣланъ скромнѣе верхняго. Своими низкими, таинственными сводами онъ располагаетъ къ тихому созерцанію и молитвѣ. Самую важную достопримѣчательностью въ немъ являются части сохранившихся еще стѣнъ того древняго храма, гдѣ, по преданію, совершилось крещеніе св. Владиміра. Стѣны эти отдѣланы мраморомъ, также какъ и углубленіе предвѣдлагаемой купели великаго князя. Надъ южными и сѣверными вратами храма находятся прекрасныя иконы Благовѣщенія и крещенія св. Владиміра.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ верхній храмъ: высокій, роскошный по отдѣлкѣ, онъ утопаетъ въ потокахъ свѣта. Въ обонхъ храмахъ полы мозаичныя, а стѣны расписаны и раззолочены въ византійскомъ стилѣ. Въ притворѣ во имя св. Александра Невскаго обращаетъ на себя вниманіе деревянный иконостасъ чудной работы нашихъ кустарей. Иконостасъ этотъ—даръ Государыни

Императрицы Маріи Феодоровны. Нѣсколько прекрасныхъ иконъ въ иконостасѣхъ пожертвованы другими лицами Царскаго Дома. Нѣкоторыя изъ нихъ предназначались раньше для Исаакіевскаго собора. Мраморныя работы храма чудно хороши, и храмъ, въ общемъ, производитъ пріятное, сильное впечатлѣніе.

Такое историческое и знаменательное для русской церкви мѣсто, какъ Херсонѣ, внушило мысль архіепископу Иннокентію открыть здѣсь монастырь, и по его представленію въ 1850 г. св. Синодъ разрѣшилъ возстановить Херсонскія древнія мѣста и открыть киновію (общежитіе) съ храмомъ во имя св. кн. Ольги. Храмъ этотъ въ Крымскую кампанію былъ разоренъ и жилище иноковъ разрушено. На мѣстѣ киновіи французы соорудили батареи съ траншеями; но по окончаніи войны, тамъ воздвигнуть новый храмъ во имя семи херсонесскихъ мучениковъ, а киновію переименована въ первоклассный мужской монастырь. Въ 1858 г., по Высочайшему повелѣнію, въ память Севастопольской обороны и крещенія св. Владимира 15-го іюля установленъ изъ города сюда крестный ходъ съ участіемъ священнослужителей изъ всѣхъ крымскихъ городовъ и селеній. Храмъ св. Владимира основанъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, положившимъ лично первый камень 23 августа 1861 года.

Осмотрѣвъ храмъ, мы отправились къ мѣсту раскопокъ древняго города. Главная улица его начинается съ площади, гдѣ теперь выстроены храмъ св. Владимира. Въ древнія, языческія времена на этой площади происходили народныя собранія; здѣсь стоялъ священный жертвенникъ въ храмѣ Артемиды, покровительницы Херсонеса; здѣсь свободные граждане этого города присягали богинѣ-дѣвственницѣ, солнцу, Зевсу и своей республикѣ, подтверждая присягу эту страшными клятвами. Сюда стекалось все торгово-промышленное населеніе большого, богатаго города; на ряду съ чистокровными греками здѣсь можно было видѣть скинговъ, индусовъ и африканцевъ. Какъ бушевали тутъ страсти, какіе горячіе споры и рѣчи велись тутъ въ

старину! Въль правленіе въ то время было строго республиканское и всѣ важныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ. И что осталось теперь отъ этой нѣкогда кипучей жизни? Идешь по главной улицѣ раскопокъ и все вокругъ тебя пустынно и мертво. Справа и слѣва полуразвалившіяся, голыя, однообразныя стѣны древнихъ домовъ и храмовъ. Растительности почти никакой. Мѣстами изъ-за груды мусора, черепковъ и камней торчатъ колючая, выжженная солнцемъ трава, да неуклюже лѣзится тощее дерево.

Большинство раскопанныхъ построекъ принадлежать позднѣйшему, христіанскому періоду. Христіанскій Херсонесъ сильно уступалъ языческому въ блескѣ и богатствѣ; онъ утратилъ свое торговое и политическое значеніе и приходилъ въ состояніе полного упадка. Во времена князя Владиміра Херсонесъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ громадной лавры, такъ какъ храмовъ въ немъ было больше, нежели домовъ; оттого-то и найдено ихъ такое множество при раскопкахъ. Архитектура ихъ по большей части однообразна: большинство состоитъ изъ небольшого продолговатаго зданія съ округленною съ восточной стороны алтарною частью. При входѣ находятся обыкновенно усыпальницы,—родъ склеповъ, наполненныхъ костями. Подъ нѣкоторыми изъ храмовъ существуетъ особый родъ усыпальницъ-катакомбъ, которыя были также переполнены костями. Во многихъ изъ храмовъ замѣтны остатки росписной штукатурки, а также мозаичныя полы.

Въ музеѣ раскопокъ много интереснѣйшихъ остатковъ древней жизни; такъ напримѣръ въ немъ находится замѣчательный историческій памятникъ—гражданская присяга древнихъ херсонитовъ, различныя надписи на мраморѣ, стеклѣ, мелкіе предметы, рыболовныя снасти, посуда, женскія украшенія, водопроводныя глиняныя трубы. Необыкновенно красивы и изящны нѣкоторые предметы, относящіеся къ древне-греческому періоду: статуэтки, камя, пряжки и разныя другія мелкія вещи. Лучшія изъ нихъ увезены въ императорскій армітажъ и другіе столичныя музеи.

Больше всего цѣнныхъ и интересныхъ предметовъ найдено было при раскопкахъ древняго херсонесскаго кладбища. Въ нѣкоторыхъ могилахъ и склепахъ, относящихся къ періоду языческому, найдены были цѣлые ряды фамильныхъ урнъ, наполненныхъ пережженными костями. На каждой урнѣ находится ния погребеннаго въ ней. Найдены также гробницы, сложенные изъ плѣты и большихъ черепицъ, которая шли также на кровли херсонесскихъ жилищъ. Въ головахъ гробницъ находятъ обыкновенно лампочки, кувшинчики, слезнички и часто монеты. Если покойный былъ вѣрною, то въ головахъ его гробницы находятъ иглы; со скульпторомъ покоится его стекъ; у художника найдены кувшинъ съ хорошо сохранившеюся красною краскою. Въ женскихъ гробницахъ найдены золотыя браслеты, пряжки, кольца и изящная кама. Во рту многихъ скелетовъ монета,— та самая, которая должна была сослужить имъ вѣрную службу въ царствіи мрачнаго Плутона: это плата за переправу черезъ Стиксъ.

Трудно выразить то глубокое и сильное впечатлѣніе, которое производятъ эти предметы, нѣмые свидѣтели горестей и радостей людей, жившихъ за много тысячъ лѣтъ до насъ. Какія горькія слезы проливались, быть можетъ, въ эти крохотные глиняные кувшинчики, называемые слезничками! Какому тѣславію служили эти блестящіе браслеты и ожерелья, такъ прекрасно сохранившіеся на высохшихъ, пожелтѣвшихъ скелетахъ! Куда дѣвались тѣ неутѣшные родственники, которые опустили эти слезнички въ могилу близкаго и любимаго существа? Что стало съ гордыми красавицами, внушавшими любовь или зависть въ этихъ дорогихъ уборахъ? Время, неутомимое время разбило ихъ прахъ, предало забвенію ихъ имена. Нигдѣ не сознаешь живѣе все ничтожество, всю «суету суety» земной жизни, нигдѣ не чувствуешь живѣе необходимости иного, лучшаго существованія, какъ среди такихъ, случайно сохранившихся для потомства, обломковъ древняго міра.

Распростившись съ этою русскою Помпеею, мы направились обратно въ Севастополь и рѣшили заняться прежде всего осмотромъ

знаменитаго «Музея обороны Севастополя». До 1894 года музей помещался въ домѣ графа Тотлебена. Къ этому времени для него было отстроено собственное прекрасное зданіе на Екатерининской улицѣ. На фронтонкѣ, украшенномъ тонкою рѣзной работою, видѣются знаменательныя цифры 349, — число дней отъ начала осады до занятія союзниками Севастополя.

Зданіе музея каменное, 2-хъ этажное, облицованное Инкерманскимъ камнемъ. Передъ входомъ стоятъ два фонаря на чугунныхъ колоннахъ съ арматурами изъ ядеръ и гнѣпей на гранитныхъ пьедесталахъ. Всѣ наружныя стѣны украшены подобными же арматурами, состоящими изъ пушекъ, якорей и бомбъ; арматуры боковыхъ стѣнъ изображаютъ носъ и корму корабля. По бокамъ vestibюля находятся площадки, на которыхъ стоятъ пушки, мортиры, якоря и ядра, сохранившіеся со времени осады. Vestibюль и площадки обнесены желѣзными рѣшетками; ограда боковыхъ и задняго фасада состоитъ изъ бомбъ, соединенныхъ желѣзными поручнями.

Въ vestibюлкѣ, прямо передъ входомъ, находится мраморная лѣстница, ведущая въ верхній этажъ съ перилами изъ розоваго искусственнаго мрамора. По бокамъ ея двѣ лѣстницы спускаются въ нижній этажъ. Стѣны vestibюля украшены бюстами севастопольскихъ героевъ: Корнилова, Нахимова, Истомина, гр. Тотлебена, Хрулева, Хрущева, Васильчинова и Кошебу.

Въ нижнемъ этажѣ находится комната съ оружіемъ, употребленнымъ при оборонѣ Севастополя, какъ нашими такъ и непріятельскими войсками. Тамъ возвышаются двѣ пирамиды, сложенные изъ пикъ, тесаковъ, сабель и ружей, начиная съ кремневаго ружья, бывшаго на 300 шаговъ, какія встрѣчались въ вооруженіи нашей пѣхоты и ополченія, и кончая превосходными для того времени английскими штуцерами, съ дальностью 1.500 шаговъ. Вдоль оконъ лежатъ картечи, бомбы, ядра, гранаты и ящики для храненія боевыхъ зарядовъ. На стѣнахъ развѣшены чертежи севастопольскихъ батарей, генеральный планъ Севастополя съ окрестностями и укрѣп-

лениями въ томъ видѣ, какъ они были во время высадки союзныхъ войскъ въ сентябрѣ 1854 г., модели-барельефы разныхъ судовъ и два вѣнка, присланные въ 1891 и 1896 г.г. французами въ память павшихъ защитниковъ Севастополя.

Въ большомъ среднемъ залѣ верхняго этажа прежде всего привлекають вниманіе художественно исполненные масляными красками портреты во весь ростъ Императоровъ: Николая Павловича, Александра Николаевича и Александра Александровича, Императрицы Маріи Феодоровны и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, на которыхъ послѣдніе изображены юными севастопольскими героями, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ съ георгиевскими крестами на груди.

Тутъ же, на стѣнѣ, видѣется мраморная доска съ надписью:
«Да сохранитъ васъ всѣхъ Господь. Молитвы Мои за васъ и Наше правое дѣло, а душа Моя и всѣ мысли съ вами.»

«Николай».

Всѣ стѣны громадной залы увѣшаны портретами славныхъ защитниковъ Севастополя, начиная съ пожилыхъ портретовъ масляными красками главныхъ героевъ и кончая фотографическими карточками менѣе извѣстныхъ участниковъ знаменитой осады. Тутъ же, въ правомъ углу залы, помѣщены и портреты сестеръ милосердія: Карповой, Басуниной и Тулузаковой, съ самаго начала военныхъ дѣйствій и до окончанія ихъ находившейся со своими сыновьями, помогавшими ей, на 3-мъ перевязочномъ пунктѣ, Нины Грибаричи, сестры Крестовоздвиженской Общины, контуженной въ грудь и плечо на перевязочномъ пунктѣ Малахова кургана, и многихъ другихъ скромныхъ героинь, которыя примѣнили на дѣлѣ заповѣдь Христову, положивъ душу свою за ближнихъ своихъ на перевязочныхъ пунктахъ и пропитанныхъ тифознымъ ядомъ госпиталей.

Въ противоположномъ, лѣвомъ углу большого зала видѣется икона Равноапостольнаго князя Константина съ засѣвшею въ ней картечною пулею, находившаяся въ кладбищенской церкви стараго

Севастополя, икона, бывшая на груди Корнилова въ моментъ смерти, икона св. Николая, изогнутая пулею, бывшая на груди ополченца, который остался невредимъ, крестъ матроса Кошки и свѣчи, съ которыми молились Императоръ Александръ II и Его Августѣйшіе братья на могилахъ адмираловъ во Владимірскомъ соборѣ.

Вправо и влѣво отъ средняго большого зала находятся 2 зала меньшаго размаѣра, увѣшанные картинами лучшихъ художниковъ, гравюрами извѣстнаго «Художественнаго листа» Тимма и заграничныхъ изданій воспроизводящими всѣ главные моменты знаменитой осады, заставленные бюстами, моделями и множествомъ другихъ предметовъ, съ которыми связаны тѣ или другія воспоминанія того незабвеннаго времени.

При входѣ въ правый залъ прежде всего бросается въ глаза пирамида-лампа изъ пяти артиллерійскихъ снарядовъ съ надписью «Севастополь», пожертвованная Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. На первомъ столѣ мы видимъ модель кормы корабля «Трехъ Святителей», того самаго, который былъ потопленъ 2-го сентября 1854 г. для прегражденія входа на рейдъ непріятельскихъ судовъ. Въ первой витринѣ мы видимъ модели госпитальной обстановки: шесть кроватей и четыре столика, лазаретную фуру, приспособленную изъ татарской маджары, модель баркаса, служившаго для перевозки больныхъ, раненыхъ и убитыхъ съ Южной стороны города на Сѣверную.

А вотъ витрина передъ которой несколько хотѣлось бы преклонить колѣна: это — витрина Нахимова. Вотъ его густая эполета; его знаменитая бѣлая фуражка насквозь прострѣленная роковымъ выстрѣломъ, его записная книжка, метрическое свидѣтельство и небольшой крестикъ формы георгіевскаго креста, сдѣланный изъ осколка черепной кости, которую извлекли изъ его раны. Видны въ витринѣ и два письма, написанныхъ энергичнымъ, четкимъ почеркомъ; въ одномъ изъ нихъ Нахимовъ увѣдомляетъ брата Истомина о гибели послѣдняго и пересылаетъ ему георгіевскую ленту,

снятую съ покойнаго; въ другомъ такую-же грустную вѣсть сообщать онъ отцу одного убитаго молодого офицера,—и съ какимъ трагическимъ чувствомъ, съ какою нѣжной заботливостью дѣлать онъ это! Какъ ужѣлъ онъ, окруженный тысячею смертей, готовый умереть самъ каждую минуту, сказать все, что могло пролить хоть каплю утѣшенія въ больную душу несчастнаго отца! Да, золотое сердце носилъ въ своей груди этотъ рыцарь безъ страха и упрека.

Въ дѣломъ залѣ находится, между прочимъ, модель части моста, построеннаго генераломъ Бухгейеромъ черезъ бухту для переправы гарнизона съ Южной стороны на Сѣверную, панорама города, рейда, бухты, фортовъ, защиты Севастополя и осадныхъ работъ соединенной арміи отъ Севастополя до Балаклавы, виды съ птичьаго полета траншейныхъ работъ и подступовъ соединенной арміи Херсонесскаго полуострова и Севастополя съ фортами со стороны Инкермана, множество плановъ военныхъ дѣйствій, картъ и чертежей.

Трудно выразить ту массу чувствъ и впечатлѣній, которую выносишь изъ осмотра этого замѣчательнаго музея. Живыми, яркими образами проходятъ передъ нами незабвенные дни осады Севастополя; мы видимъ передъ собою всѣ ея главные моменты, всѣ мельчайшія детали, мы какъ бы сами переживаемъ знаменитые 349 дней, проникаемся духомъ славныхъ защитниковъ Севастополя, гордимся странною, ихъ произведшею, и тѣмъ, что страна эта—наша родина.

Изъ музея насъ потянуло на Историческій бульваръ, разбитый на мѣстѣ «страшнаго» 4-го бастиона, того саяга, о которомъ, когда кто говорилъ, что онъ былъ на 4-мъ бастионѣ, онъ говорилъ это съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью; когда кто говорилъ: «я иду на 4-й бастионъ», въ немъ были непремѣнно замѣтны маленькое волненіе или слишкомъ большое равнодушіе; когда хотѣли подшутить надъ кѣмънибудь, говорили: «тебя бы поставить на 4-й

бастіонъ:» когда встрѣчали носилки и спрашивали: откуда?—большую частью отвѣчали: съ 4-го бастіона ¹⁾).

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ этому памявному мѣсту, въ воспоминаніи нашемъ невольно воскресали полныя жизни и красота картины, принадлежащія перу одного изъ—умя! уже немногихъ очевидцевъ и участниковъ славной обороны Севастополя—гр. Льва Толстого:

«Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите изъ дверей направо и поднимаетесь вверхъ по большой улицѣ. За этою баррикадою дома по обѣимъ сторонамъ улицы необитаемы, окна выбиты, гдѣ отбитъ уголъ стѣны, гдѣ пробита крыша. Стрелки кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами и какъ будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. По дорогѣ спотыкаетесь вы на валяющіяся ядра и ямы съ водой, зарытыя въ каменномъ грунтѣ бомбами. По улицѣ встрѣчаете вы и обгоняете команды солдатъ, пластуновъ, офицеровъ; изрѣдка встрѣчаются женщина или ребенокъ, но женщина не въ шляпкѣ, а матроска въ старой шубейкѣ и въ солдатскихъ сапогахъ. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ маленькій извозжъ, вы замѣчаете вокругъ себя уже не дома, а какія-то странныя груды разваливъ камней, досокъ, глины, бревенъ; впереди себя, на крутой горѣ видите какое-то черное грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастіонъ... Здѣсь народу встрѣчается еще меньше, женщины совсѣмъ не видно, солдаты идутъ скоро, по дорогѣ попадаются капли крови и непременно встрѣтите тутъ четырехъ солдатъ съ носилками и на носилкахъ блѣдно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Если вы спросите: «куда раненъ?», носильщики сердито, не поворачиваясь къ вамъ, скажутъ: въ ногу или въ руку, ежели онъ раненъ легко; или сурово промолчатъ, ежели изъ-за носилокъ не видно головы, и онъ уже умеръ или тяжело раненъ»...

¹⁾ „Севастополь“ гр. Л. Толстого. Полное собр. соч. 1886 г. т. III стр. 104.

«Пройдя шаговъ двѣсти вы выходите въ изрытое, грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагроможеннымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ на батареевѣ сидитъ кучка матросовъ, гдѣ по среднѣй площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка, гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій черезъ батарею и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Но вездѣ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ видите черенки, неразорванныя бомбы, ядра, со всѣхъ сторонъ, кажется слышите различные звуки пуль—ожужкація, какъ пчела, свистящія, быстрыя или визжація, какъ струна,—слышите ужасный гулъ выстрѣла, потрясающій всѣхъ васъ, и который вамъ кажется чѣмъ-то ужасно страшнымъ.

«Такъ вотъ оно, 4-й бастионъ, вотъ оно, это страшное, дѣйствительно ужасное мѣсто», думаете вы себѣ, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленнаго страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастионъ. Это—Язюновскій редутъ,—мѣсто,—сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на 4-й бастионъ, возьмите направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки, матроса, солдата съ лопатами, увидите проводники мина, землянки въ грязи, въ которыхъ, согнувшись, могутъ влѣзть только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ черноморскихъ баталіоновъ, которые тамъ переобуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту-же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею—на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями, на платформахъ и землянными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверомъ, и морского офи-

цера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно, безъ малѣйшей афектаціи говорить съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно спрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицеръ этотъ разкажетъ вамъ, — но только ежели вы его спросите, про бомбардированье 5-го числа, разкажетъ, какъ на его батарее только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось 8 человѣкъ и какъ все-таки на другое утро, 6-го, оцъ палить изъ всѣхъ орудій; разкажетъ вамъ, какъ 5-го повала бомба въ ятросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуръ батарей и траншей непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30—40 саженахъ. Одного я боюсь, что, подъ вліяніемъ жужжанія пули, высовываясь изъ амбразуръ, чтобы посмотреть непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменный валъ, который такъ близко отъ васъ и на которомъ вспыхиваютъ бѣлые дымки, этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель—«онъ», какъ говорятъ солдаты и матросы»...

Такъ вотъ на какомъ мѣстѣ разбить севастопольскій Историческій бульваръ. Но гдѣ слѣды того времени, когда мѣсто это было «страшнымъ, дѣйствительно ужаснымъ»? Гдѣ орудія, траншеи, изрытая бомбами, закапанная кровью дорога? Гдѣ потрясающій гулъ выстрѣловъ, жужжанія надъ головою вашею, какъ пчелы, пули? Все тихо, все спокойно. Торжествующіе лучи южнаго солнца свѣтлыми нитями пронизываютъ листву деревьевъ, скользятъ по невысокимъ бѣлымъ каменнымъ столбамъ, обозначающимъ мѣста отдѣльныхъ батарей; по нимъ человѣкъ, знакомый съ военнымъ дѣломъ, можетъ уяснить себѣ вполне всю диспозицію знаменитаго бастиона.

Неисповѣрныхъ усилій стоило разведеніе бульвара на этомъ высокомъ, песчаномъ валу, особенно много заботились о немъ отъ 1883 до 89 года, въ періодъ возрожденія Севастополя. Въ настоящее время, съ упадкомъ въ городѣ торговой дѣятельности къ глубокому сожалѣнію, бульваръ нѣсколько заброшенъ. Но надо надѣяться, что помимо дорогихъ воспоминаній, тотъ замѣчательный видъ, который открывается отсюда на всю южную бухту, — особенно рано утромъ, — и чудный воздухъ надлежащимъ образомъ окупится съ дальнѣйшимъ развитіемъ Севастополя.

Съ знаменитаго 4-го бастіона нашъ неволью потянуло къ мѣсту вѣчнаго успокоенія его славныхъ защитниковъ, нами овладѣло непреодолимое желаніе поклониться ихъ праху. Мы направились къ Графской пристани, чтобы переправиться оттуда на Братское кладбище. По пути мы свернули къ Владимірскому собору. Величій храмъ этотъ строго византійской архитектуры расположенъ на горѣ и какъ бы господствуетъ надъ городомъ. Нижний этажъ обращенъ въ усыпальницу севастопольскихъ героевъ: Нахимова, Корнилова, Истомина и Лазарева, могилы которыхъ расположены крестообразно на срединѣ. Любуясь чудною отдѣлкою и богатою живописью храма, его изяществомъ и величіемъ, неволью переносишься душою въ ниня времена, когда на вѣстѣ этихъ ираморныхъ стѣнъ, этого рѣдкой красоты мозаичнаго пола находились лишь груды щебня, какъ кольцо, озвученныя дымящимися развалинами разореннаго города, съ четырьмя одинокими могилами посреди. Что должны были испытывать защитники Севастополя, относя сюда одного за другимъ своихъ любимыхъ начальниковъ, хороня вмѣстѣ съ ними надежду на лучшее будущее, задавая себѣ лишь одинъ вопросъ: когда же и наша чередъ? Какою безвѣрною скорбью наполнялись тутъ геройскія сердца, какія жгучія слезы лились изъ суровыхъ солдатскихъ глазъ!

Позади собора обращаетъ на себя вниманіе башенка съ аллегорическими фигурами по карнизу. Это — одинъ изъ немногихъ

указавших обломков старого Севастополя. Башенка эта, прозванная англичанами «храмом вѣтровъ» (The temple of the winds) составляла принадлежность знаменитаго Морского собранія и библиотеки; она служила для доставки воздуха этимъ зданіямъ.

Одинъ изъ многочисленныхъ яликовъ, поджидающихъ пассажировъ у Графской пристани, забралъ всю нашу компанію и перенесъ насъ на Северную сторону въ такъ называемую Панаіотову бухту. Оттуда остаемся идти еще около версты пѣшкомъ до востокъ самого Братскаго кладбища. Названіе «Братскаго» дано кладбищу по предложенію гр. Тотлебена; оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ народному духу. Кладбище это называется также и «стотысячнымъ», такъ какъ на немъ похоронены около 100.000 воиновъ.

Два громадныхъ каменныхъ креста на высокихъ пирамидальныхъ пьедесталахъ, съ пушками у подножія, возвышаются по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ. Вы входите въ нихъ и останавливаетесь, потрясенные до глубины души раскрывающимся передъ вами зрѣлищемъ: громадная, необозримая равнина сплошь устлана могилами; на могилахъ этихъ находятся памятники изъ инкерманскаго камня въ видѣ плитъ, крестовъ, пирамидъ и призмъ, и на каждомъ изъ нихъ видѣется одна и та же краткая, но полная глубокаго, трогательнаго значенія надпись «Братская могила». Кое-гдѣ среди этого моря братскихъ могилъ выдѣляются, какъ островки, болѣе замысловатые памятники поставленные отдѣльнымъ лицамъ и полкамъ, какъ напримѣръ памятникъ Волынскому пѣхотному полку, памятники гр. Тотлебена и кн. Горчакова, высокая колонна съ дукожественнымъ бюстомъ Хрулева.

Въ памятникѣ Хрулева замѣчательнѣе всего находящіеся на немъ надписи. На переднемъ фасѣ написано:

«Хрулеву — Россія».

На боковой грани надпись:

„Въ бессмертной славіи за собой

„Отъ „благодѣтелей“ водить,

«И, громкій слухом боевой,
«Средь „благодѣтелей“ почить».

На другой грани слова, сказаннаго Енгеліемъ, архимандритомъ Херсонскаго монастыря, при погребеніи Хрулева надъ его могилою: «Порадайтесь холмы погребальныя, потѣситесь и вы, благодѣтели. Вотъ старатель вашъ пришелъ доказать вамъ любовь свою, дабы видѣли всѣ, что и въ славныхъ бояхъ, и въ могильныхъ рядахъ не отсталъ онъ отъ васъ. Сомкните же тѣсныя ряды свои, храбреныя безпримѣрные, и героя Севастопольской битвы окружите дружице въ вашей семейной могилкѣ!»

Братское кладбище.

Выраженія «благодѣтели», «старатели» употреблялись, какъ извѣстно, Хрулевымъ, когда онъ обращался къ солдатамъ, и производили магическое дѣйствіе на войска.

А надъ всѣмъ этимъ городомъ мертвыхъ возвышается и господствуетъ самый величественный, самый грандіозный изъ всѣхъ памятниковъ,—пирамидальная церковь св. Николая.

Церковь эта выстроена из бѣлаго камня, добываемаго въ окрестностях Севастополя, въ Инкерманѣ. Теперь камень потемнѣлъ отъ времени и принялъ цвѣтъ гранита. Гранитный крестъ на вершинѣ храма, надъ колокольнею, вѣситъ 1.000 пудовъ. По бокамъ выступовъ храма, на краяхъ пирамиды, вѣшаны широкія доски изъ чернаго гранита, а на нихъ начертаны имена полковъ и командъ, принимавшихъ участіе въ защитѣ Севастополя, съ цифрами почившихъ защитниковъ ¹⁾. Внутри храма на 38-ми черныхъ мраморныхъ доскахъ, которыми выложена низъ стѣнъ, вырѣзаны имена убитыхъ генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ—числомъ 943 человекъ. Вся внутренность храма украшена чудной мозаикой, которую Императоръ Александръ III во время посѣщенія своего, въ 1886 г., повелѣлъ замѣнить попортившуюся отъ сырости живопись. Площадка вокругъ храма уставлена старыми орудіями, отобранными у неприятеля. Съ площадки этой чудный видъ на Севастополь.

На Братскомъ кладбищѣ хоронятъ только военныхъ, принимавшихъ участіе въ защитѣ Севастополя, да и то съ Высочайшаго разрѣшенія, а само оно съ его величественными могилами, съ его своеобразнымъ храмомъ-памятникомъ, съ его цвѣтами и деревьями, путемъ неукротимыхъ усилій разведенными на безплодной, каменистой почвѣ, является достойнѣйшимъ памятникомъ павшимъ героямъ, съ любовью воздвигнутымъ имъ благодарнымъ потомствомъ.

Каждый изъ союзниковъ оставилъ послѣ войны въ окрестностяхъ Севастополя свое кладбище. Ближайшее—французское, въ 4-хъ верстахъ отъ города, у шоссе, содержится въ образцовомъ порядкѣ

?)	Генера- ловъ.	Штабъ- офицеровъ.	Оберъ- офицеровъ.	Нижшихъ членовъ.	Итого
Убитыми	5	31	299	10.681	11.016
Равенства	11	113	905	37.158	38.277
Возвращено	3	67	454	14.651	15.174
Безъ вѣсти пропавшихъ . .	—	4	50	3.110	3.164
	19	215	1,707	55,599	57,525

и славится своими прекрасными цветниками. Английское и итальянское кладбища находятся дальше и не представляют особаго интереса.

Солнце склонялось къ западу. Жара начала замѣтно спадать; съ берега потянуль прохладный вѣтерокъ, и мы поспѣшили обратно къ нашему ялику, чтобъ засвѣтло попасть въ городъ. Южный вечеръ наступилъ быстро, незамѣтно, почти безъ сумерокъ. Давно-ли казалось, стояли мы среди могилъ Братскаго кладбища, залитыхъ яркими лучами догорающаго дня, и вотъ настъ охватывалъ уже прозрачный сумракъ темной южной ночи, залетѣвшей мириады свѣтиль въ глубокой синевѣ небосклона. Мы сидѣли на скамьѣ Приморскаго бульвара, одного изъ лучшихъ украшеній современнаго Севастополя, расположеннаго на мѣстѣ Николаевской батареи, взорванной англичанами по отступленіи ими изъ Севастополя. Остатки батареи замѣтны и теперь у самаго берега въ видѣ громадныхъ, правильно отесанныхъ камней. Огромныхъ усилий стоило разведеніе этого бульвара: приходилось во многихъ мѣстахъ взрывать известковую скалу и въ ней вышибать ямы для деревьевъ и другихъ посадокъ. Теперь здѣсь чудная растительность, среди которой особое вниманіе обращаютъ на себя величественныя туи и группы кипарисовъ. Съ площади бульвара нѣсколько лѣстницъ и ходовъ ведутъ на такъ называемый «мысокъ», который имѣеть болѣе пустынный видъ, такъ какъ на немъ не прививается никакая зелень. Съ мыска мы спустились по лѣстницѣ и пробрались по камятякъ къ скамейкѣ, которая стоитъ, можно сказать, въ самомъ морѣ. Волны лезли къ нашимъ ногъ, обладая настъ повременамъ легкими брызгами. Вдали гремѣлъ превосходный военный оркестръ.

Но что это? Набѣжавшій откуда-то вѣтерокъ зарѣбилъ воду, и вся Южная Бухта покрылась миллионами свѣтлыхъ, серебристыхъ барашковъ, ярко выдѣлявшихся своимъ фосфорическимъ блескомъ на фонѣ темной ночи. Вотъ отчалилъ отъ берега яликъ и, разрѣзая воду, оставилъ за собою широкую свѣтящуюся полосу, какъ-будто

темная поверхность спящей воды была лишь тонкой оболочкой, скрывавшей бездонную пучину расплавленного серебра. Съ веселья гребца вода стекала серебрянымъ дождемъ. Это—море свѣтилось *)—явленіе, свойственное южнымъ морямъ и которому, по счастливой случайности, намъ удалось быть свидѣтелями въ темной августовской вечерѣ, проведенной нами въ Севастополь, на берегу Южной бухты. Долго не могли мы оторвать глазъ отъ чуднаго зрѣлища, а между тѣмъ пора было и на покой, такъ какъ на другой день намъ предстояло встать, чѣмъ свѣтъ, чтобы успѣть объѣхать остальные замѣчательныя окрестности Севастополя: Георгіевскій монастырь, Балаклаву и Инкерманъ.

*) Искіе это, намъ извѣстно изъ курса физической географіи, происходятъ отъ мѣшества инфузорій, находящихся въ морской водѣ, которые состоятъ изъ частей своихъ содержатъ фосфоръ. Ударятъ о какой-нибудь предметъ они произвоятъ свѣтъ, прикосновеніе другъ къ другу, свѣтъ становится особымъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

XXII.

Окрестности Севастополя.

Георгиевскій монастырь.—Балаклава.—Исквернякъ.—Малаховъ курганъ.

Дорога въ Георгіевскій монастырь не особенно интересна; она скорѣе даже однообразна и скучна: обыкновенная крымская степь, выжженная за лѣто солнцемъ; кое-гдѣ виднѣются бакчи и 3—4 хутора; вдали, на горизонтѣ, синѣетъ полосаю море. Версть за пять до мѣста показался остроконечный шпиль монастырской колокольни, но потомъ снова скрылся и сталъ виденъ уже съ послѣдней версты. Вотъ и монастырь. Со стороны почтовой дороги онъ тоже не представляетъ ничего особеннаго: длинная ограда, чаща зелени, колокольня и обыкновенныя бѣлыя строенія для жилья и службы.

Мы вошли въ небольшой садикъ; передъ нами оказалась лужайка, столы, устроенные для чаепитія, кресты и могилы кладбища, окружающаго небольшую бѣлую церковку. Приятно было отдохнуть

къ зелени и тѣни, но выдающагося мы передъ собою ничего не видѣли. Но что это за арка передъ нами? Это—входъ въ небольшой тоннель; надъ нимъ образъ св. Георгія, поражающаго змѣя. Мы прошли черезъ этотъ тоннель, спустились еще нѣсколько ступеней и остановились у рѣшетки въ глубокую, нѣжномъ изумленіи. Передъ нами сразу, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, развернулася грандіозная, чудная панорама. Намъ и не снилось, что мы стоимъ на такой кручѣ, обрывающейся къ самому морю. Мы спустились на площадку, къ фонтану св. Георгія; тутъ насъ остановила другая рѣшетка. Съ этого самого мѣста, противъ журчащаго мраморнаго фонтана, и начинается спускъ къ морю. Здѣсь устроенъ небольшой балконъ. Отсюда можно охватить почти весь видъ разомъ. У ногъ нашихъ начинается обрывъ, крутой, каменистый, заросшій разнообразными деревьями, а далеко внизу шумѣло и тихо ласкалось неутомимное море. Справа нагромождены причудливыя скалы и выдается къ морю крутой мысъ,—Фіолентъ, гдѣ, по преданію, находился храмъ богини-дѣвственницы, въ которомъ Ифигенія приносила человѣческія жертвы. Невольно останавливаетъ глаза громадная коническая базальтовая скала: она стоитъ на берегу особнякомъ и только однимъ бокомъ припаяна къ сушѣ; другая такая же темная базальтовая скала, выгнутой формы, возвышается изъ воды на нѣкоторомъ разстояніи отъ мыса Фіолента. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ эти скалы, когда спустишься внизъ, на усѣянной миллиардами разношнѣтныхъ камней морской берегъ. Видъ отсюда на монастырскія постройки, на зелень, на монастырскія сады, которые кажутся какъ-нибудь оазисомъ, какъ бы висящими на воздухѣ, надъ пропастью, посреди темныхъ базальтовыхъ скалъ,—это видъ рѣдкій и единственныи, какой едва-ли можно встрѣтить гдѣ либо.

Самъ по себѣ Георгіевскій монастырь интересенъ какъ памятникъ глубокой древности и какъ одинъ изъ первыхъ православныхъ монастырей въ Россіи. Вблизи нынѣшняго Георгіевскаго монастыря, въ горѣ съ незапамятныхъ временъ имѣлся храмъ, устроенный въ пещерѣ, вы-

рытой руками тавроупъ, скиорты, а быть можетъ и ихъ дальнихъ предковъ. Остатки его существуютъ и понынѣ. Когда въ Тавридѣ появилось христіанство, этотъ храмъ служилъ убѣжищемъ первымъ христіанамъ. По преданію, въ 891 году нѣскольکو грековъ-христіанъ во время плаванія по Черному морю были застигнуты страшною бурей. Тогда они обратились съ молитвою къ св. Георгію Побѣдоносцу; онъ явился имъ на камнѣ, отстоящемъ саженой на 70 отъ берега, и буря тотчасъ стихла. Спасенные взошли на камень и нашли тамъ образъ Священномученика. Выйдя на берегъ, они, въ знакъ благодарности, основали въ ближайшемъ пещерномъ храмѣ общеніе, въ которомъ наиболѣе набожные изъ нихъ остались навсегда. Въ 1891 году монастырь праздновалъ тысячелѣтіе своего существованія ¹⁾.

Въ Крымскую компанію въ Георгіевскоѣ монастырѣ жилъ французскій главнокомандующій; и теперь еще на стѣнахъ монастырскихъ зданій можно замѣтить много надписей, оставленныхъ здѣсь французами.

Распространившись съ Георгіевскимъ монастыремъ и его чудными видами, мы продолжали нашъ путь по направленію къ Балаклавѣ. Дорога продолжала быть мало интересной, но вотъ передъ нами показались вдали красноватые мраморные утесы, возвышающіеся надъ городомъ и стоящіе на этихъ утесахъ древнія башни старинной генуэзской крѣпости. Самого города не видно было почти до тѣхъ поръ, пока мы въ него въѣзжали, и остановились, пораженные своеобразною картиною, которую представляетъ Балаклава и ея бухта.

Двѣ высокія, крутыя и обвѣшенные скалы нависли здѣсь надъ морскимъ рукавомъ, глубоко вѣдшимся въ землю. Рукавъ этотъ, образующій три изгиба, соединяется съ моремъ узкимъ едва замѣтнымъ издалека проливомъ и похожъ скорѣе на глубокое озеро, чѣмъ на морскую бухту. Но именно эти-то особенности Балаклавской

¹⁾ Е. Э. Ивановъ. Севастополь и его окрестности. Стр. 28.

бухты и составляют ее неоцѣнимое достоинство: окруженная и закрытая со всѣхъ сторонъ нависшими надъ ней горами, небольшая бухта эта представляетъ самый удобный и безопасный портъ. Во время осады Севастополя въ немъ спокойно помѣщался весь англійскій флотъ. О Балаклавѣ и ея портѣ «съ весьма узкимъ входомъ» очень точно и вѣрно упоминаеть и знаменитый греческій географъ Страбонъ. Онъ называетъ ее «Портомъ Сиволовъ». По его словамъ, въ этомъ портѣ тавры устраивали свои разбойничьи притоны и занимались отсюда пиратствомъ, нападая на путешавниковъ, появлявшихся у крымскихъ береговъ. Полагають, что и разбойничій портъ Лестригоновъ, подробно описываемый Гомеромъ въ Одиссеѣ¹⁾,—та же самая Балаклава. Да и дѣйствительно лучшаго разбойничьяго гнѣзда, чѣмъ Балаклава съ ея, по выраженію Страбона, «узкоротою» гаванью нельзя и придумать.

Въ настоящее время Балаклава—городокъ съ 1.500 душъ населенія, расположенный на правой сторонѣ залива, подъ навѣсомъ скалы, съ одною главною, неширокою улицей, идущею вдоль набережной. Нѣкоторые дома раскинуты по скату горы амфитеатромъ, довольно неправильно, образуя нѣсколько кривыхъ и короткихъ переулковъ. Осматривать въ Балаклавѣ теперь нечего, кромѣ остатковъ древней генуэзской крѣпости, стоявшей когда-то на ея утесахъ.

Подъемъ на скалу, гдѣ стояла крѣпость, очень крутъ. Очевидно, генуэзцы придавали большое значеніе Балаклавѣ, оградивъ ее тремя крѣпостными стѣнами съ башнями, остатки которыхъ мы и видимъ здѣсь теперь. Сильная, грозная крѣпость одною стороною была обращена къ заливу, а другою смотрѣла въ открытое море. Страшная крутизна горы дѣлала ее почти неприступною со стороны суши. Изъ восьми башенъ, возвышавшихся на главной стѣнѣ, уцѣлѣли, да и то не вполне, только двѣ, которыя до сихъ поръ какъ-бы господствуютъ надъ раскинувшимся у ихъ подножія городкомъ.

¹⁾ Пѣснь X, стихи 87—126.

Генуэзцы учредили въ Балаклавѣ, какъ и въ другихъ важнѣйшихъ своихъ колоніяхъ, цѣлое отдѣльное управленіе, состоявшее изъ консула, каstelана и капитана порта. Крѣпость была занята гарнизономъ. Вскорѣ здѣсь учреждена была и отдѣльная католическая епископія.

Въ 1475 г. Балаклава подверглась участи всѣхъ генуэзскихъ владѣній въ Крыму: она перешла во власть турокъ, занявшихъ ея крѣпость своимъ гарнизономъ.

Послѣ турокъ и татаръ, когда Крымъ былъ взятъ нами, Балаклава была заселена потоками архипелагскихъ грековъ, водворенныхъ въ Крыму въ царствованіи Екатерины II. Изъ нихъ-то и была образованъ балаклавскій «греческій баталіонъ», считавшій своимъ священнымъ долгомъ отстаивать родной городъ до послѣдней крайности во времена Крымской кампаніи.

Занявъ Балаклаву, англичане успѣли превратить ее въ течеііе одиннадцати мѣсяцевъ севастопольской осады въ чисто англійскій городъ, съ фабриками, мастерскими, желѣзною дорогою, телеграфомъ, съ десятками парозодовъ въ бухтѣ и проч. Теперь это—жалкій городокъ, перебивающійся главнымъ образомъ ловлей рыбы, преимущественно крымской хамсы, изъ которой два завода, лежащіе на противоположномъ берегу бухты, приготавливаютъ «русскія сардинки». Другая доходная отрасль—виноградъ и винодѣліе, то и другое въ скромныхъ размѣрахъ. Надо надѣяться, что современныя многочисленныя прѣѣзжіе, стекающіяся въ Крымъ со всѣхъ концовъ Россіи, оценятъ надлежащимъ образомъ мягкій и ровный климатъ Балаклавы, ея прекрасное купанье и что этотъ симпатичный уголокъ разовьется въ одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ морскихъ курортовъ.

Вторая половина нашего дня была посвящена поѣздкѣ въ Инкерманъ. Инкерманскія высоты, древній развалины, называемыя Инкерманомъ, и монастырь, при нихъ находящійся, расположены въ самой глубинѣ большой Севастопольской бухты, недалеко отъ мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черная рѣчка.

Хребетъ горъ, на правой сторонѣ Черной рѣчки, оканчивается здѣсь отвѣсными скалами, высунувшимися высокою миссою; сближаясь съ обрывистою горою, находящеюся на противоположномъ берегу, хребетъ этотъ образуетъ здѣсь ущелье, на днѣ котораго и протекаетъ Черная рѣчка. Въ этой-то гористой мѣстности съ ея ущельями, обрывами и возвышенностями и происходила ужасная, кровопролитная битва 24-го октября 1854 г.

Подобно Балаклакѣ, Инкерманъ былъ въ свое время величественною крѣпостью. Посланникъ польскаго короля Стефана Баторія—Броневскій, лично посѣтившій Инкерманъ въ 1578 г., пишетъ: «Въ Инкерманѣ каменная крѣпость, мечеть и пещеры, съ удивительнымъ искусствомъ высѣченныя подъ крѣпостью и противъ нея. Отъ этихъ пещеръ городъ и получилъ турецкое названіе ¹⁾. Видно, что инкерманская великолѣпная крѣпость построена греками, ибо и до сихъ поръ еще ворота и нѣкоторыя углубленія адаманъ украшены греческими надписями и гербами».

Отъ этой нѣкогда великолѣпной крѣпости остались развалины двухъ-трехъ башенъ, возвышающихся надъ крутымъ обрывомъ, у подножія котораго расположился Инкерманскій монастырь и остатки древняго пещернаго города.

Посѣщеніе этого монастыря, въ особенности же его пещерной части, необыкновенно интересно. Первоначальнымъ основателемъ инкерманскаго общенгія считается папа римскій Климентъ I, жившій въ I вѣкѣ по Р. X. По преданію, онъ былъ сосланъ императоромъ Траяномъ въ Крымъ на каторжные работы въ инкерманскія каменоломни. Тутъ онъ нашелъ другіихъ христіанъ, укравшихся отъ преслѣдованія язычниковъ въ пещерахъ или, какъ ихъ иначе называютъ, криптахъ, вырытыхъ въ инкерманскихъ известковыхъ скалахъ первобытными народами, населявшими Крымъ, и основалъ христіанскую общину. За распространеніе христіанства онъ принялъ

¹⁾ Итъ—скалы, керманъ—крѣпость.

мученическую смерть: по приказанию императора его утопили въ морѣ вблизи Херсонеса.—По преданію, около 861 года Инкерманъ посѣтили славянскіе первоучители, свв. Кирилль и Мефодій. Здѣсь они собрали свидѣнія о св. Климентѣ, розыскали его мощи и увезли ихъ въ Римъ.

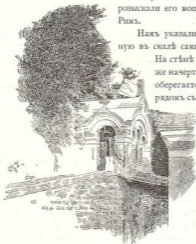
Наяъ указали церковь, высѣченную въ скалѣ самими св. Климентомъ.

На стѣнѣ алтарной части наяъ же начертанъ крестъ, который оберегается, какъ святыня; рядомъ съ церковью находится

небольшая трапезная, также высѣченная въ скалѣ; тутъ же указали наяъ и небольшой склепъ, наполненный черепами, принадлежавшими, какъ говорятъ, укрывавшимся здѣсь древнимъ христіанамъ.

Съ балкона пещерной церкви,

какъ бы висящаго на воздухѣ, открывается замѣчательный видъ на всё окрестности, полная столяныхъ воспоминаній. У ногъ своихъ вы видите долину Черной рѣчки и полотно желѣзной дороги, проходящей около самаго монастыря. На противоположномъ берегу виднѣются каменоломни, въ которыхъ добывается прекрасный бѣлый известнякъ, называемый инкерманскимъ камнемъ. Камень этотъ слу-

Инкерманскій монастырь въ современномъ видѣ.

жить для облицовки и украшеній лучшихъ севастопольскихъ зданій. Вотъ и часовня у подножія Федюхиныхъ высотъ, воздвигнутая на мѣстѣ гибели нашей кавалеріи, сорвавшейся сюда съ отвѣсной стѣны въ роковую день 4-го августа 1855 года. Слѣды происходившихъ тутъ сраженій передъ нами на лицо: дверь и иконостасъ пещерной церкви пробиты пулями, а въ одной стѣнѣ засѣло ядро.

Вся монастырская гора покрыта множествомъ пещеръ. Идали они, точно гизада стрижей, услали ея крутые обрывы. Множество криптъ обрушилось и уничтожено временемъ, а главнымъ образомъ каменоломнями. Теперь уже не существуетъ и половныя самыхъ замѣчательныхъ пещеръ, лѣстницъ, галлерей, съ такимъ удивительнымъ искусствомъ и терпѣніемъ выстѣченныхъ въ скалѣ первобытными обитателями Крыма. Кто жилъ въ нихъ: тавръ, скивъ, или еще болѣе далекій ихъ предокъ? Какія пламенные молитвы произносились въ глубокой мглѣ этихъ пещеръ, какая вѣра теплилась въ сердцахъ тѣхъ древнихъ христіанъ, которые искали въ недрахъ неприступной скалы помощь и защиту небесной силы отъ своихъ гонителей?

Отдохнувъ и напившись чаю въ небольшомъ, тѣмъномъ монастырскомъ садикѣ, среди котораго протекаетъ источникъ чистой, какъ кристаллъ, горной воды, мы направились обратно въ Севастополь и окончили день нашего тамъ пребыванія на Малаховомъ курганѣ, этой русской святынѣ, гдѣ сложили голову старшіе и лучшіе защитники Севастополя: Корниловъ, Истоиницъ и Нахимовъ.

Прекрасная, вымощенная гранитными кубиками дорога ведетъ по Корабельной слободкѣ до сааго Малахова кургана. Съ лѣвой стороны видны возобновленные казармы Черноморскаго флота. Передъ казармами этния, на площадкѣ, обращенной къ морю, находится памятникъ адмиралу Лазареву. Колоссальная фигура знаменитаго адмирала какъ бы обозрѣваетъ Южную бухту и родное свое дѣтище—Черноморскій флотъ. Вправо отъ памятника у подножія возвышенной площади, на которой стоятъ казармы, находятся новые доки.

Какъ только мы остановились, добравшись до вершины кургана, къ намъ поволохель старый морякъ съ Георгіемъ на груди. Это—сторожъ Малахова кургана, одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ Севастопольской обороны. Всѣ одинадцать мѣсяцевъ провелъ онъ подъ непріятельскимъ огнемъ, уцѣлѣвъ какимъ-то чудомъ, отдѣлавшись легкою контузіею, и теперь доживаетъ свой вѣкъ въ сторожкѣ, на родномъ курганѣ, охраняя находящіеся тамъ, драгоценныя сердцу каждаго русскаго памятники. Событія славнаго времени еще свѣжи въ воспоминаніи этого необыкновенно бодрого душою и тѣломъ старика. Указалъ онъ намъ остатки траншей, мѣста бывшихъ «отроковъ въ вещи огненной»—Селенгинскаго и Вольнскаго редутовъ и Камчатскаго лонета, линію непріятельскихъ укрѣпленій. Трудно себѣ представить, чтобы на этой полянѣ, до которой, какъ рукой подать, вѣсто жарно пекшагося тамъ стада, возвышались когда-то непріятельскія укрѣпленія, осыпавшія градомъ ядеръ и пуль защитниковъ Малахова кургана. Если и приходится чему удивляться, то не тому, что на этомъ мѣстѣ полегли десятки тысячъ, а тому, что изъ такого адскаго огня вышелъ хоть кто-нибудь живымъ. И до сихъ поръ курганъ какъ бы пронизанъ снарядами. Внучата старика-сторожа то и дѣло выкапываютъ изъ земли пули и осколки ядеръ и гранатъ, которые и предлагаются ими на память о курганѣ.

Вотъ и развалины сторожевой башни, той самой, гдѣ во время штурма 27-го августа 1855 г. три офицера и 50 человекъ солдатъ Модлинскаго полка отбивались отъ всей французской арміи и сдѣлись лишь тогда, когда увидѣли, что имъ приходится стрѣлять по своимъ¹⁾. Старикъ повелъ насъ въ подземныя галереи, нѣмныя свидѣтельницы подземной, минной войны, которая велась тутъ зимою 1854—55 года. Онъ указалъ и мѣсто, гдѣ лежалъ принесенный съ Камчатскаго лонета обезглавленный трущъ Истомина.

¹⁾ См. гл. XIX. Стр. 117.

Мѣста, гдѣ пали Истоминъ и Нахичовъ, обозначены мраморными плитами съ соответственными надписями.

Недалеко отъ сторожки, въ небольшомъ садикѣ изъ туи, миндаля и ясеня, обнесенномъ каменною оградой съ желѣзною калиткою, находится такъ называемая франко-русская могила.

Извѣстно, что во время осады приходилось часто назначать перемирія для уборки тѣлъ. Въ такихъ случаяхъ назначались демаркаціонныя линіи и выставлялись щѣпы съ обѣихъ сторонъ. Во время такихъ перемирій наши и французскіе солдаты дружески встрѣчались и сообща убирали тѣла дорогихъ покойниковъ. Подобныя отношенія доказывали то взаимное уваженіе, которое питали другъ къ другу непріятельскія войска, а также и ту симпатію, которая искони существовала между обѣими великими націями.

Послѣ занятія Малахова кургана французскими войсками 27-го августа 1855 г. необходимо было произвести уборку тѣлъ, громадное количество которыхъ оставалось на курганѣ, какъ главномъ центрѣ всего боя. Лишь на третій день послѣ штурма тѣла всѣхъ русскихъ и французовъ были похоронены въ одной общей могилѣ. Надъ могилою этою французы поставили крестъ и сдѣлали на немъ надпись. Отъ времени этотъ крестъ пришелъ въ ветхость, а потому въ 1872 г., вмѣсто него поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора.

Онъ состоитъ изъ четырехъугольной пирамиды, на которой находится колонна, а на верху ся крестъ. На западной грани пирамиды сдѣлана слѣдующая надпись:

«Памяти воиновъ
русскихъ
и французскихъ,
павшихъ
на Малаховомъ курганѣ
при защитѣ и нападѣніи
27-го августа 1855 года».

На восточной грани пирамиды слѣдующая надпись:

«Воздвигнуть на мѣстѣ деревяннаго креста, поставленнаго французами.

8 Septembre

1855.

«Unis pour la victoire,

«Réunis par la mort,

«Du soldat c'est la gloire

«Des braves c'est le sort ¹⁾».

Но лучшимъ украшеніемъ Малахова кургана является великолѣпный по мысли и выполненію памятникъ Корнилову, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 5-го октября 1854 г. онъ упалъ, сраженный ядромъ, гдѣ находился прежде крестъ, съ любовью и горькими слезами выложенный изъ ядеръ матросами.

Узнавъ о геройской смерти Корнилова, Императоръ Николай I повелѣлъ, какъ мы уже говорили, назвать Корниловскимъ бастиономъ, гдѣ онъ погибъ и воздвигнуть ему тамъ памятникъ. Воля Императора теперь исполнена: памятникъ Корнилову созданъ. На саженомъ цоколѣ изъ крымскаго гранита возвышается бронзовый пьедесталъ, воплощающій идею обороны Севастополя, когда изъ земли выросли укрѣпленія и пушки старыхъ кораблей были разставлены на гордыхъ твердыняхъ. На пьедесталѣ этомъ лежатъ Корниловъ, сраженный ядромъ, съ рукою, простертою по направленію къ Севастополю, какъ бы произнося свой завѣтъ: «Отстаивайте Севастополь».

Исполняя его волю, черноморскій матросъ подъ градомъ ядеръ, молодецки подхватываетъ снарядъ и спѣшитъ покласть его въ дуло орудія ²⁾. На лицевой сторонѣ памятника, пробитой ядрами, надпись:

¹⁾ Изъ адозволенной победы и соединенна смерти. Такова слова солдатъ, такова судьба храбрца.

²⁾ Проектъ памятника принадлежалъ генералъ-лейтенанту А. А. Виландеру, исполненіе провѣлъ—академикъ Шредеру. Памятникъ созданъ изъ бронзы на петербургскомъ заводѣ Барта (бывшій Шонейн).

«Генераль адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ смертельно раненый на семь мѣстѣ 3-го октября 1854 года». На лѣвой сторонѣ, какъ уже было сказано, фигура матроса, заряжающаго орудіе. На правой контръ-адмиральскій и вице-адмиральскій флаги и надпись: «Наваринъ. 1827 г.» «Синоплъ. 1833 г.» Названія судовъ, которыми командовалъ Корниловъ: 1831 г. тендеръ «Лебедь», 1833 г. бригъ «Фемистокль», 1837 г. корветъ «Орестъ», 1842 г. корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», съ 1842 г. начальникъ штаба Черноморскаго флота. На задней сторонѣ, на откосѣ скалы, послѣдняя предсмертная молитва адмирала:

«Благослови, Господи, Россію, Царя, спаси Севастополь и флотъ!»

Общая высота памятника—пять сажень. Помѣщенный на вершинѣ Малахова кургана, онъ виденъ отовсюду—изъ города и съ моря.

Вечерѣю. Огненный дискъ заходящаго солнца медленно погружался въ безбрежную даль Чернаго моря. Багряные лучи его догорали и тухли на бѣлыхъ стѣнахъ Севастополя, на золотыхъ крестахъ его церквей. Этотъ кожный вечеръ, этотъ раскинувшійся у нашихъ ногъ красавецъ-городъ, зеленовато-лазурное море, покрытое, какъ и въ былыя времена судами родного флота,— все это, выстѣвитое, сливалось въ дивную картину, отъ которой не хотѣлось и глазъ оторвать... А гигантская фигура умирающаго Корнилова съ рукою, простертою къ Севастополю, какъ бы парила надъ всею мѣстностью, какъ бы указывала на городъ, одно названіе котораго заставляетъ биться сильнѣе каждое истинно русское сердце.

У подножія памятника стояли мои дѣти. И казалось мнѣ, что къ нимъ, а въ лицѣ ихъ и ко всей юной Россіи обращается родной герой, что къ нимъ относится его предсмертная слова:

«Хорошо умирать за отечество, хорошо умирать, когда совѣсть спокойна!».

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	стр.
Предисловіе	1
I. Стародавній вреня	3
II. Севастополь до Крымской кампаніи	13
III. Синопская побѣда	23
IV. 1-е и 2-е сентября 1854 г.—Высадка союзной арміи на берега Крыма.	27
V. Первые защитники Севастополя: Нахимовъ, Корниловъ, Истомина, графъ Тотлебенъ	34
VI. На Алякѣ	44
VII. Затопленіе кораблей	47
VIII. Въ виду врага	53
IX. Первое бомбардированіе 5-го октября 1854 года. Смерть Корнилова .	57
X. Ингерманское сраженіе	65
XI. Зима 1854—55 гг.—Военныя дѣйствія	73
XII. Зима 1854—55 гг. На бастионѣ и у неприятеля	81
XIII. Русское общество въ Крымскую кампанію	95
XIV. Русскія женщины въ Крымскую кампанію	99
XV. Сѣвѣный праздникъ 1855 г. въ Севастополь и второе бомбардированіе.	113
XVI. Третье и четвертое бомбардированія.—Первый штурмъ	117
XVII. Смерть Нахимова	121
XVIII. Битва при Черной рѣчкѣ.—Осколки на высоты	131
XIX. Пятое и шестое бомбардированія.—Штурмъ Малкова кургана.— Послѣдній день Севастополя	135
XX. Императоръ Александръ II въ Севастополь.—Миръ.—Возвращеніе войскъ	159
XXI. Современный Севастополь и его окрестности	145
XXII. Окрестности Севастополя	165

ИСТОЧНИКИ.

1. Гр. Тотлебенъ. Описание обороны г. Севастополя. 2 части. 3 книги. СПб. 1863—1874 гг.
2. Н. Дубровинъ. Трехсотъ-сорока-дневная защита Севастополя. СПб. 1872.
3. Анничковъ. Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи. СПб. 1856 г.
4. Kinglake, A. W. The invasion of the Crimea: its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. Vol I—VI. Cabinet edition, 6 edition. Vol VII—VIII. Edinburgh and London, 1877—1885.
5. Baron Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol. Chronique de la guerre d'Orient 2-me édition. Paris 1856.
6. Гр. Л. Толстой. Севастополь въ декабрь 1854, въ мѣс и августъ 1855 гг. Полное собр. сочин. Москва 1886 г.
7. Е. М. Бакунина. Записки сестры милосердія. Вѣсть Европы. 1898 г. III, IV.
8. Соколовъ. Славная оборона Севастополя. СПб. 1887 г.
9. Солоньковъ. С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. СПб. Изд. «Общество Познае» т. 1, гл. 7.
10. Плавинскій. Исторія Россіи. Кіевскій періодъ.
11. Гр. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. СПб. 1889—90 гг.
12. Goethe. Iphigénie auf Tauris. Mit Anmerkungen v. Professor Dezel. Stuttgart 1884.
13. Чуйко. Дѣя Ифигенія. Опытъ литературной параллели. Собр. «Примѣръ». СПб. 1898 г.
14. Е. Э. Ивановъ. Севастополь и его окрестности. Сев. 1894 г.